

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДЕВУШКА
С ЧАСАМИ
ВМЕСТО
СЕРДЦА

ПИТЕР СВЕНСОН

Представьте себе, что женщина, которая разбила вам в юности сердце, а потом ушла из вашей жизни на двадцать лет, неожиданно появляется вновь и просит о помощи. Найдете ли вы в себе силы ответить отказом? Если эта женщина так же прекрасна и обольстительна, как Лиана Дектер, она обязательно уговорит вас доставить пятьсот тысяч долларов ее престарелому любовнику — человеку, у которого эти деньги были похищены. И тогда вам останется лишь одно: молиться о том, чтобы выжить...

Питер Свенсон

Девушка с часами вместо сердца

Он свернул на разбитую подъездную дорожку. Сгустились сумерки, но ему удалось различить желтую ленту, которая все еще окружала участок.

Джордж припарковал «сааб», но мотор не выключил. Он старался не вспоминать свое последнее посещение этого дома в Нью-Эссексе, почти скрытого от посторонних глаз в конце дороги.

Полицейская лента, натянутая от сосны до сосны, описывала широкий круг. Входная дверь была крест-накрест заклеена другой лентой — красно-белой. Он заглушил двигатель. Кондиционер замер, и Джорджу тут же стало трудно дышать из-за дневного зноя. Солнце садилось, и под сенью густого соснового леса небо казалось еще темнее.

Он вышел из машины. Влажный воздух был напоен запахом моря, вдалеке кричали чайки. Бурый палубный дом^[1] сливался с деревьями. Высокие окна были темны, как протравленная обшивка.

Он поднырнул под желтую ленту — «Полицейское ограждение, проход запрещен!» — и подошел к задней, прогнившей части дома. Надеялся попасть внутрь через раздвижные стеклянные двери. Если окажутся на запоре, разобьет камнем. Замысел состоял в том, чтобы проникнуть в жилище и побыстрее обыскать его на предмет улик, которые не заметила полиция.

Раздвижные двери были не заперты, хотя тоже заклеены полицейской липучкой. Джордж вошел в прохладное помещение, ожидая, что на него нахлынет страх, но вместо этого испытал сюрреалистический покой, как если бы грезил наяву.

«Я пойму, что ищу, когда найду».

Было очевидно, что полиция тщательно обыскала помещение. Кое-где остался дактилоскопический порошок. Арсенал наркотиков, что хранился на кофейном столике, исчез. Джордж направился в восточное крыло, в хозяйскую спальню, где никогда не бывал. Он ожидал увидеть разгром, но за дверью открылось вполне уютное гнездышко с широченной кроватью, застланной цветастым покрывалом. Напротив кровати стояли два низких комода, на каждом иконостас фотографий. Сквозь грязные стекла виднелись поблекшие поляроидные снимки. Дни рождения. Выпускные балы.

Джордж выдвинул ящики, но ничего не нашел. Только старые тряпки, щетки для волос да пузырьки с духами, так и оставшиеся в коробках; и все накрепко провоняло нафталином.

Покрытая ковром лестница вела на нижний уровень. Шагая по площадке перед входной дверью, он постарался отогнать подступившие воспоминания. Но задержался взглядом на том месте, где когда-то рухнула девушка, где цвет ее кожи вдруг приобрел неестественный оттенок.

У подножия лестницы свернул налево — в просторный отремонтированный цокольный этаж без окон. Там пахло плесенью. Пощелкал выключателями, но электричества не было. Вынул из заднего кармана припасенный фонарик, осветил помещение тонким и тусклым лучом. Посреди стоял красивый винтажный бильярдный стол с красным — а не зеленым — покрытием. Шары как попало рассыпались по поверхности. В дальнем углу виднелась высокая барная стойка с несколькими стульями и большим зеркалом, которое украшал логотип теннесийского виски «Джордж Дикель». Перед зеркалом тянулась пустая полка, где некогда красовался строй бутылок; они давно выпиты и выброшены.

«Я пойму, что ищу, когда найду».

Он вернулся вверх, осмотрел обе малые спальни, тщетно выискивая следы недавних постояльцев. Полиция наверняка проделала то же и забрала все, что показалось важным, но он должен убедиться сам. Джордж знал, что не уйдет с пустыми руками. Знал: она что-то оставила.

Он обнаружил искомое на книжной полке в гостиной, на уровне глаз, среди многочисленных томов, занимавших всю стену. Книга в твердом белом переплете была защищена полиэтиленовым чехлом, как будто раньше принадлежала библиотеке. Остальная литература была преимущественно специальной: руководства по лодочному спорту, путеводители, посвященный античности том детской энциклопедии. Попадались и художественные книги, но сплошь дешевые издания в мягких обложках, например технотриллеры Майкла Крайтона и Тома Клэнси.

Он дотронулся до корешка. Заглавие и имя автора были набраны изящным красным шрифтом. «Ребекка» Дафны Дюморье.

Единственная книга, которую она любила. Подарила ему такую же на годовщину знакомства. Холодными зимними ночами в своем общежитии читала ему отрывки. Он знал их наизусть.

Джордж вытащил книгу, провел пальцем по обрезу страниц. Та открылась на шестой. Два предложения обведены в аккуратную рамку. Он помнил, что так она делала пометки: никаких записей на полях, только четко обведенные слова, предложения и абзацы.

Выделенные слова он прочел не сразу; книга распахнулась не где-то, а там, куда была вложена открытка. Обратная сторона слегка пожелтела от старости. Текста не было. Перевернул ее, рассмотрел цветное изображение постройки маяя, которая висилась, несокрушенная, на поросшем кустарником крутом склоне, а позади — океан. Старая открытка — вода слишком синяя, трава слишком зеленая. Снова перевернул. «Развалины Тулума, — гласила подпись. — Кинтана-Роо, Мексика».

Глава 1

В пятницу вечером, в пять минут шестого, Джордж Фосс отправился из конторы напрямик в бар «Джек Кроу». В Бостоне стояла жара, воздух был липким от зноя. Три последних рабочих часа Джордж вычитывал переработанный договор с художником, а после тупо смотрел в окно, на дымчатую лазурь неба над городом. Он не любил позднее лето так же, как другие бостонцы не жаловали долгие зимы Новой Англии. Понурые деревья, желтеющая листва, длинные душные ночи — все это заставляло его тосковать по бодрящей прохладе осени, когда хорошо дышится, кости не ноют и одежда не липнет к коже.

Полдесятка кварталов до «Джека Кроу» он прошел самым медленным шагом, надеясь, что рубашка не сильно промокнет от пота. По узким улицам Бэк-Бей^[2] сновали машины, спеша выбраться из городского смрада. Большинство местных жителей предпочитало опрокинуть первую за вечер стопку в Веллфлите, Эдгартауне, Кеннебанкпорте или любом другом прибрежном городке, до которого недалеко ехать. Джорджа устраивал и «Джек Кроу»: выпивка так себе, зато есть кондиционер (за ним присматривал выходец из французской Канады, поддерживал температуру, как в мясохранилище).

Радовался Джордж и намеченной встрече с Айрин. В последний раз они виделись больше двух недель назад на коктейльной вечеринке, которую устроил их общий приятель. Едва перемолвились парой слов. Он ушел первым, а она послала ему вслед насмешливо-гневный взгляд. Джордж прикинул, не наметился ли новый кризис в их череде прощаний и воссоединений. Они с Айрин знакомы пятнадцать лет; повстречались в редакции журнала, где Джордж работает по сей день. Она была заместителем редактора, а он бухгалтером по дебиторской задолженности. Место бухгалтера в известном литературном журнале казалось идеальным для человека, любящего печатное слово, но лишённого таланта. Потом Джордж стал коммерческим директором этого тонущего корабля, а Айрин доросла до руководящей должности в неуклонно расширявшемся сетевом отделе «Глоуба»^[3].

Два года они прожили душа в душу. Потом было тринадцать лет взаимных упреков и периодических измен. Все чаще они расставались, все меньше ждали друг от друга. Давно уже не считая себя супружеской парой с заурядной судьбой, они тем не менее продолжали навещать в любимый бар, по-прежнему не имели друг от друга секретов, иногда спали вдвоем и вопреки всему оставались закадычными друзьями. Правда, порой они ощущали потребность выяснить отношения и расставить точки над «i».

Сегодня Джордж такой потребности не испытывал. Дело было не в Айрин — чувства к ней почти не изменились за прошедшие десять лет. Это больше касалось его общего мироощущения. К сорока годам Джорджу начало казаться, что его мир медленно выцветает. Он вышел из того возраста, когда обоснованно рассчитывал влюбиться без памяти и завести семью, или взять мир нахрапом, или дождаться чуда, которое возвысит его над обыденностью. Он ни с кем не делился этими переживаниями. У него была надежная работа, он жил в прекрасном городе Бостоне, и волосы все были на месте — но дни текли в мороке безразличия. И хоть Джордж пока еще не задерживался перед похоронными бюро, ему казалось, что годы пролетают впустую. Его не интересовали ни новые друзья, ни новые романы. Жалованье выросло, зато улетучился трудовой задор. В прежние годы он гордился выходом каждого свежего номера, а теперь не утруждал себя даже прочтением статьи.

Подходя к бару, Джордж задумался: в каком настроении он застанет Айрин? Наверняка

услышит о сослуживце, разведенном редакторе, который этим летом не однажды звал ее на свидание. Вдруг у них все серьезно, а Джорджа она наконец пустила побоку? Он искал внутри себя чувство, но поймал себя на том, что гадает, как заполнить пропасть свободного времени. И с кем?

Джордж толкнул заиндевевшие стеклянные двери «Джека Кроу» и поспешил к любимой кабинке. Позднее он осознал, что наверняка прошел мимо Лианы Дектер, сидевшей в углу. Будь вечер попрохладнее или если бы Джордж меньше горевал о своей доле, он не преминул бы оглядеть пятничных завсегдатаев. Бывали даже случаи, когда Джордж, увидев одинокую пышнотелую женщину с молочно-белой кожей, на секунду впадал в ступор: неужто Лиана? Он двадцать лет мечтал и боялся увидеть ее вновь. Она мерещилась повсюду: в прическе стюардессы, в роскошном теле на пляже Кейп-бич, в голосе из ночной джазовой передачи. В течение полугода он даже был убежден, что Лиана стала порноактрисой Джин Гарлот. Дошел до того, что выяснил подлинную личность актрисы: она оказалась дочерью священника из Северной Дакоты, звали ее Карли Свенсон.

Джордж расположился в кабинке, сделал официантке Труды обычный заказ и вынул из выдавшей виды заплечной сумки свежий номер «Глоуба». Как раз на этот случай он приберег кроссворд. Айрин придет не раньше шести. Отпивая из стакана, разобрался с кроссвордом, потом нехотя перешел к sudoku и даже кроссворду-ералашу — и тут услышал позади знакомые шаги.

— Пожалуйста, давай поменяемся, — сказала она взамен приветствия, имея в виду — местами.

В «Джеке Кроу» был только один телевизор — редкость для бостонских баров, и Айрин, перещеголявшая Джорджа в любви и преданности «Ред сокс»^[4], хотела сесть туда, откуда было лучше видно.

Джордж выскользнул из кабинки, чмокнул Айрин в краешек рта (от нее пахло лосьоном «Клиник» и леденцами «Алтоидс») и пересел напротив; с этого места открывался вид на дубовую барную стойку и окна во всю стену. Снаружи было еще светло, розовый ломтик солнца чуть возвышался над особняком по другую сторону улицы. Свет, проникавший через стекло, лег так, что Джордж внезапно заметил одинокую женщину в углу. Перед ней стоял бокал с красным вином, она читала книжку в мягкой обложке... Внутренний трепет подсказал Джорджу, как она похожа на Лиану. Вылитая! Но этот трепет был знакомый, испытанный много раз...

Он повернулся к Айрин, которая, изогнувшись, всматривалась за барную стойку, в меловую доску, где перечислялись блюда дня и сорта пива. Жара, как всегда, ей ничуть не мешала; короткие светлые волосы были убраны со лба за уши. Зеркальные очки в розовой оправе. Как он раньше не замечал?

Заказав «Аллагаш уайт», Айрин продолжила сагу о разведенном редакторе. Джордж с облегчением отметил ее непринужденный и мирный тон. Истории о кавалере тянули на анекдоты, хоть Джордж и выискивал критический подтекст. Пусть этот редактор — толстяк с пивным животом и гривой, собранной в хвост; он хотя бы предлагает реальное будущее — нечто большее, чем коктейли, шуточки и очень редкий секс от нынешнего Джорджа.

Слушая, Джордж прикладывался к стакану, но продолжал следить за женщиной у стойки. Караулил жест или иную мелочь, способную разубедить в том, что перед ним Лиана Дектер, а не ее призрак или двойник. Если это Лиана, то она изменилась. Не так сильно, как если бы сбросила сотню фунтов или обрилась налысо, но произошло что-то хорошее, будто

она наконец выросла в редкостную красавицу, какой и обещала стать. Пухлость, которой девушка отличалась в колледже, сошла; скулы выдавались сильнее, а русые волосы были темнее, чем запомнились Джорджу. Чем дольше он наблюдал, тем крепче становилась его уверенность.

— Знаешь, я не ревнива, — подала голос Айрин, — но на кого ты пялишься?

Она извернулась, чтобы взглянуть на стойку, возле которой быстро сокращалось число свободных мест.

— По-моему, там моя однокурсница. Но не уверен.

— Так иди и спроси, я не обижусь.

— Да нет, ерунда. Мы едва знакомы. — Эта ложь почему-то аукнулась ознобом возбуждения, который пробежал по затылку.

Они заказали еще пива.

— Гаденьш, — сказал Джордж.

— Кто?

— Твой разведенш.

— А... Ты все о нем, никак не успокоишься.

Она выбралась из кабинки и пошла в туалет, а Джордж получил возможность всерьез присмотреться к Лиане. Обзор частично перекрыла пара молодых бизнесменов, которые избавлялись от пиджаков и распускали галстуки, но он изучил ее между их маневрами. На ней была светлая рубашка с отложным воротником; волосы, подстриженные чуть короче, чем в бытность студенткой, скрывали половину лица и были заправлены за ухо с другой стороны. Украшений не было — Джордж помнил эту ее особенность. Шея вульгарного кремового оттенка, на груди алые блески. Оторвавшись от чтения, она то и дело оглядывала публику, будто кого-то искала. Джордж ждал, когда женщина встанет; казалось, что полной уверенности не будет, пока она не пройдет.

Словно подстегнутая его мыслью, она соскользнула с мягкого стула, и юбка на миг задралась, обнажив бедро. Как только ноги женщины коснулись пола и она пошла в сторону Джорджа, сомнений не осталось. Это Лиана! Та самая, которую он знал в колледже имени Мазер, на первом курсе, без малого двадцать лет назад. Ее выдавала походка: неспешно покачиваются бедра, голова чуть запрокинута, будто женщина кого-то высматривает в толпе. Прикрывшись меню, Джордж уставился в бессмысленные строчки. Сердце гулко стучало. Ладони взмокли, хотя в баре работал кондиционер.

Лиана прошла мимо в тот самый миг, когда в кабинку вернулась Айрин.

— Вот же она, твоя подружка. Не хочешь поздороваться?

— Да я все еще не уверен, что это она. — Джордж встревожился, не уловила ли Айрин в его голосе легкую панику.

— Гуляем дальше? — спросила Айрин, успевшая в дамской комнате подвести губы.

— Обязательно, — откликнулся Джордж. — Только, может, двинем куда-нибудь еще? Пройдемся, пока не стемнело.

Айрин махнула официантке, Джордж полез за бумажником.

— Моя очередь, — напомнила Айрин, а потом извлекла кредитку из бездонной сумочки.

Пока она оплачивала счет, Лиана снова продефилировала мимо. На этот раз Джордж рассмотрел ее со спины. Знакомая поступь. Студентом Джордж видел в ней идеал, но сейчас она выглядела лучше: длинные загорелые ноги и зрелые подчеркнутые формы — столь

совершенное тело никакая физкультура не даст, его может даровать только природа. Руки с внутренней стороны были белы, как молоко.

Джордж часто воображал эту встречу, но почему-то ни разу не довел ее до финала. Лиана не просто бывшая подружка, что когда-то разбила парню сердце; насколько он знал, эта женщина, чьи грехи больше напоминали греческую трагедию, чем юную дурь, числилась в розыске. Она точно убила одного человека, а второго — почти наверняка. Джордж колебался под гнетом морального долга и нерешительности в равных долях.

— Идем?

Айрин встала. Джордж поднялся и последовал за ней. Она бойко, выбрасывая пятку, пошла по крашеным половицам бара. Из динамиков лилась песня «Грешник» Нины Симон. Они спокойно вышли через входные двери, и вечер, все еще жаркий и влажный, приветствовал их толщей застоявшейся духоты.

— Куда дальше? — спросила Айрин.

Джордж замер.

— Не знаю. Может, мне вообще лучше домой.

— Ладно, — согласилась женщина.

Джордж не шелохнулся.

— А то давай просто постоим среди джунглей, — добавила она.

— Извини, мне вдруг стало нехорошо. Пожалуй, я все-таки пойду.

— Это из-за той женщины? — Айрин выгнула шею, всматриваясь в заиндевевое стекло входной двери. — Как ее зовут? Полоумная из Мазер-колледжа?

— Господи, да нет же! — солгал Джордж. — Просто уже поздно.

Он пошел домой. Поднялся ветер, задул по узким улицам Бикон-Хилла. Ветер был совсем не прохладный, но Джордж все равно простер руки, чтобы высушить пот.

Добравшись до дома, он сел на нижнюю ступеньку крыльца. До бара была всего пара кварталов. Он мог бы выпить с Лианой и выяснить, что привело ее в Бостон. Джордж так долго ждал и так часто представлял эту секунду, что теперь, когда Лиана явилась во плоти, чувствовал себя актером из ужастика, который взялся за дверь сарая и вот-вот получит по голове топором. Он испугался и впервые за десять лет захотел курить. Не его ли она высматривала в «Джеке Кроу»? И если да, то зачем?

В другую ночь, думал Джордж, он мог бы войти в квартиру, покормить Нору и завалиться спать. Но нынешней, августовской, когда Лиана пришла в его любимый бар, ему померещилась близость неких событий, и он не нуждался ни в чем другом. К добру или к худу, но что-то произойдет.

Джордж прождал довольно долго и счел, что теперь-то она уже покинула бар. Сколько можно сидеть в одиночестве над бокалом красного? Решил вернуться. Если ее не будет, то встреча и не планировалась. Если она еще там, то он поздоровается.

Пока он шел к бару, дувший в спину ветер потеплел и окреп. Не колеблясь, Джордж шагнул в двери. В ту же секунду Лиана, сидевшая на прежнем месте, повернула голову и посмотрела на него. Ее взор лишь самую малость просветлел от узнавания. Она не жаловала лишние эмоции.

— Значит, это все-таки ты, — сказала он.

— Она самая. Салют, Джордж.

Произнесено это было знакомым бесцветным тоном — небрежно, будто они виделись не далее как вчера.

— Я сидел вон там. — Джордж кивнул на заднюю часть бара. — Оттуда и заметил. Сперва усомнился. Ты немного изменилась. Но потом я прошел мимо и убедился. Прогулялся по улице и повернул обратно.

— Рада, что повернул. — Она говорила с расстановкой, чуть акцентируя окончания слов. — На самом деле я пришла сюда... в этот бар... чтобы найти тебя. Знаю, ты живешь неподалеку.

— Ах вот как!

— Здорово, что ты засек меня первым. Не знаю, хватило бы мне смелости к тебе подойти. Понимаю, как ты ко мне относишься.

— Значит, тебе известно больше, чем мне. Я сам не знаю, как к тебе отношусь.

— Я говорю о случившемся.

С того момента, как он вернулся в бар, она не изменила позы, но пальцем потихоньку отбивала по стойке ритм, подыгрывая ударнику.

— Ах, это, — сказал Джордж, будто рылся в памяти, стараясь понять, о чем речь.

— Ах, это, — подхватила она, и оба рассмеялись.

Лиана чуть развернулась, чтобы посмотреть Джорджу в лицо.

— Мне пора всполошиться?

— С чего это вдруг?

— Ну как же? Гражданский арест?^[5] Плеснуть в лицо из стакана?

От светло-голубых глаз разбежались веселые лучики. Что-то новенькое...

— Полиция уже едет. А я пока заговариваю тебе зубы. — Джордж продолжал улыбаться, но сам чувствовал, что получается фальшиво. — Шучу, — пояснил он, не получив мгновенного ответа от Лианы.

— Да понятно. Может, присядешь? Есть время выпить?

— Вообще-то... у меня назначена встреча, скоро придется бежать.

Ложь далась Джорджу легко. Голову вдруг повело от тесного соседства с Лианой, от запаха ее кожи. Он испытал почти животную потребность удрать.

— Ах так. Ну и прекрасно, — быстро сказала Лиана. — Но у меня к тебе просьба. Об одном одолжении.

— Ладно, давай.

— Мы можем где-нибудь посидеть? Например, завтра.

— Ты здесь живешь?

— Нет, я приехала в город для... На самом деле я в гостях... это запутанная история. Хочу с тобой поговорить. Конечно, если ты не против. Много воды утекло, понимаю...

— Хорошо, — произнес Джордж, говоря себе, что можно будет и передумать.

— Что хорошо? Ты придешь?

— Конечно. Давай пересечемся, пока ты в городе. Обещаю не звать федералов. Просто интересно, как у тебя дела.

— Спасибо большущее! Я оценила.

Она глубоко вздохнула: ноздри раздулись, грудь поднялась. Джордж ухитрился различить шорох крахмальной белой рубашки, пробившийся сквозь грохот музыкального автомата.

— Как ты меня нашла?

— Искала. В Сети. Труда это не составило.

— Насколько я понимаю, Лианой тебя больше не зовут?

— Некоторые зовут. Немногие. Для большинства я теперь Джейн.

— А мобильник есть? Мне позвонить?

— Мобильника нет и никогда не было. Давай снова здесь? Завтра. Днем.

Джордж заметил, как дрогнул ее взгляд, которым она изучала его лицо, пытаясь прочесть мысли. Может быть, она оценивала, что в нем сохранилось, а что изменилось. Виски поседели, лоб прочертили морщины, носогубные складки стали глубже, но Джордж оставался в сравнительно неплохой форме, еще с налетом немного порочной красоты.

— Конечно, — согласился он. — Здесь и встретимся. Они открываются на ланч.

— Ты как-то неуверенно говоришь.

— Я не уверен в этом, но не уверен и в обратном.

— Я не просила бы, не будь это важно.

— Ладно, — ответил Джордж, снова думая, что можно будет и переменить решение, которое он лишь оттягивал, соглашаясь.

Впоследствии он рассудил: в прежние времена просто сказал бы Лиане, что им впредь незачем видаться. Джорджа не заботило правосудие и даже формальное расставание, а потому он не считал нужным оповещать власти. Скверная история, в которую она ввязалась, произошла много лет назад. Но беда в том, что с тех пор она в бегах, и это продлится до конца ее дней. Понятно, что у нее нет мобильного. И ясно, что она искала встречи в людном районе Бостона, в баре на перекрестке — там, откуда можно немедленно скрыться.

— Договорились, я приду, — сказал Джордж.

— Буду ждать, — улыбнулась она. — В полдень.

— Я тоже.

Глава 2

Они познакомились в первый вечер после того, как стали студентами. Этажный староста Джорджа — долговязый дерганый второкурсник Чарли Сингх — привел подопечных новичков в «Макэвой» на шумную пивную пирушку. По лестнице, забитой людьми, Джордж поднялся за Чарли в душное помещение с высоким потолком, местами у окон и истертыми половицами. Он пил кислое пиво и переговаривался с Марком Шумахером, еще одним первокурсником из его корпуса. Марк умудрился слинять, оставив Джорджа в толпе симпатичных старшекурсников, которые только и знали, что смешить друг дружку до колик. Он решил, что можно будет уйти, но только выпив еще кружку. Высмотрев кран, у которого никого не было, он прикинул маршрут и двинулся сквозь спортивные костюмы и камуфляж. Едва потянулся к раздаче, какая-то девица оттеснила его и завладела краном; она до упора вдавила кнопку, но тот зафырчал, и в ее кружку, испачканную помадой, полилась только пена.

— Пусто, — сообщила девушка.

Ее прямые русые волосы были обрезаны вровень с нижним краем подбородка, а синие-пресиние глаза широко посажены на сердцевидном лице. Девчонку подразвезло, и она выглядела малость придурковатой, но Джордж подумал, что краше ее еще никого здесь не встречал.

— Точно?

— Не знаю, — отозвалась она, растягивая слова. (Значит, родом не из Новой Англии). — Я раньше не пробовала наливать. А ты?

Джордж тоже не пробовал, но шагнул вперед и забрал у нее кружку.

— По-моему, нужно качать. Вообще-то, я и сам не знаю, но видел, как делают.

— Ты тоже новенький?

— Да, — сказал он.

Пивная струя наполовину попала в кружку, наполовину — ему на рукав.

Остаток вечера они вместе курили ее сигареты возле распахнутого окна; затем, уже ночью, обследовали кампус. Целовались под аркой, соединявшей часовню с главным административным корпусом. Джордж рассказал ей, как его отец — сын фермера — изобрел механизированную линию для забоя домашней птицы и получил за одну сделку денег больше, чем его предки заработали на ферме за всю жизнь. Она сообщила ему, что ее папаша был адвокатом-стервятником ^[6] в захолустном городке, а когда Джордж полез ей за пазуху, добавила, что она южанка, родилась за линией Мэйсона — Диксона ^[7] и не собирается вступать в случайные связи лишь потому, что приехала учиться в Новую Англию. Ее нестрогого, будничного тона и почти невинной откровенности вкупе с кратким прикосновением к пышной груди под тонким ситцевым лифчиком хватило, чтобы Джордж моментально влюбился.

Он проводил ее до общежития. Попрощались. Затем почти бегом Джордж пересек кампус, чтобы залечь в непривычную постель с ознакомительным справочником первокурсника. Там были ее имя и адрес, но без фото. Он, впрочем, не отрывал взгляда от имени и пустого места для снимка. Джорджу казалось, что он не встречал никого похожего. В отличие от его родни, попеременно отличавшейся то забитостью, то ослиной упертостью, она казалась открытой, и все ее мысли тут же перетекали в слова. При

встрече у бочонка она смотрела на Джорджа вызывающе и в то же время совершенно невинно. В этом было нечто почти сверхъестественное. Затем парень вспомнил жадность и крепость ее поцелуя, соприкосновение языков, ее руку у себя на шее. Сосед, которого Джордж едва знал, громко храпел за стенкой их двухкомнатного жилья. Новоиспеченный студент прощупал свои боксеры и почти сразу кончил.

Проснувшись на следующий день, он начал думать не о своей независимости, не о колледже и не о циклах. В его голове была только Лиана. Похмельный, но легкий на подъем, Джордж отправился в столовую Мазер-колледжа и просидел там три часа, чтобы увидеть ее. Лиана появилась в одиннадцать на пару с какой-то девицей и направилась прямо к раздаче хлопьев. Ее волосы были влажными после душа; на ней были брюки цвета хаки в обтяжку и белый хлопчатобумажный свитер. У Джорджа пересохло во рту. Он взял себе кофе (решив, что это утонченнее виноградного сока, который он пил) и разыграл случайную встречу, когда она насыпала в тарелку фруктовые кругляши.

— Снова здравствуй, — вымолвил он, стараясь говорить сонно и равнодушно.

Она представила его своей соседке Эмили, выпускнице частной школы из Филадельфии, в выцветшей рубашке «Айзод» и теннисной юбке; пригласила за их столик. Он подсел, и Эмили не то прозорливо, не то пренебрежительно простилась и ушла, умяв полмиски «Грейп натс» ^[8]. Лиана и Джордж переглянулись. Днем ее красота взбудоражила его еще сильнее, чем накануне вечером. При ярком свете дня, что лился в высокие окна обеденного зала, ее кожа выглядела свежей, безупречной; глаза же наполнились прозрачной синевой, чуть тронутой зелеными и серыми крапинами.

— Я прождал три часа, чтобы тебя увидеть, — признался Джордж.

Он ждал, что Лиана рассмеется, но она сказала лишь:

— Я рада.

— Наелся хлопьев до отвала.

— Я пришла бы раньше, но Эмили попросила ее подождать, а потом целый час наряжалась. Думаю, мы с ней не поладим.

Три следующих месяца они не расставались. Оба по взаимному согласию старались завести новых друзей и сколько-то побыть врозь, но большинство вечеров кончалось тем, что они обретали друг друга хотя бы ради того, чтобы просто стоять и целоваться в холодной тени институтской часовни на полпути между их общежитиями. Она была верна своему принципу насчет секса — не собиралась спешить, — но неуклонное умножение вольностей привело к тому, что в конце ноября они, обнаженные и нервничавшие ужасно, очутились в одинокой до того постели Джорджа. Его сосед Кевин куда-то свалил на всю ночь.

— Ладно, — сказала она.

Он схватился за презерватив, который таскал при себе с выпускного класса средней школы.

Вошел медленно: одна рука на талии, вторая подложена под приподнятое бедро. Она подалась навстречу, запрокинула голову и закусил пухлую губу. Джордж, к своему позору, кончил почти мгновенно больше от этого зрелища, чем от движения ее бедер. Извинился, а она рассмеялась и наградила долгим поцелуем. Сказала, что он у нее первый, но крови, слава богу, не было. Через месяц, когда Эмили досрочно сдала экзамены и вернулась в Пенсильванию, Джордж и Лиана обосновались в ее комнате на целую неделю. На всем

Восточном побережье разыгралась снежная буря — такая сильная, что в Мазере отложили половину экзаменов. Джордж с Лианой занимались, дымили легким «Кэмелом», периодически выбирались в столовую и отдавались сексу. Опробовали все позы; изыскивали приемы, позволявшие Джорджу продержаться дольше, а Лиане — быстрее кончить. Каждый день, казалось, открывали новую страну, что пряталась за дверцей в стене. Безумие этой недели граничило у Джорджа с почти невыносимой печалью. Он был достаточно начитан, чтобы знать, что юношеская любовь бывает лишь раз, и хотел, чтобы она никогда не кончалась, не выдыхалась. Он был прав: неделя, проведенная на ложе Лианы, которое было не больше и не удобнее раскладушки, навеки отпечаталась в его памяти.

С тех пор он искал либо эту любовь, либо что-то похожее.

Они сдали экзамены, и яркий лед, оставленный бурей, которая на время заперла мир в своей скорлупе, растаял и обернулся слякотью и грязными ручьями. Они простились за два дня до Рождества, накануне разезда по родным штатам: Лиана отправлялась на машине, а Джордж — поездом.

Лиана дала Джорджу номер телефона ее родителей во Флориде, но заклинала не звонить.

— Все равно меня не застанешь, — объяснила она. — Почти наверняка. Seriously, не надо. Если засекут, что мне звонит приятель из колледжа, хлынет поток вопросов. Они вернут меня в пояс целомудрия.

— Да брось!

— Поверь, это так, — протянула она со звучным южным акцентом, который совершенно не укладывался в его представления о Флориде.

Он воображал себе серфинг и кабриолеты, но девушка заявила, что в Суитгаме, ее родном городе, ребята — всяко белые, а никакие не черные и не мексиканцы — слушают кантри и водят пикапы.

— Тогда ты звони, — предложил он и написал номер родителей.

— Позвоню.

Не позвонила.

А он, вернувшись в Мазер-колледж в январе, услышал новости.

Лиана не вернется в Коннектикут.

Она покончила с собой в родном доме, в штате Флорида.

Глава 3

За четверть часа до полудня Джордж стал первым посетителем бара «Джек Кроу». Среди прочего ему в заведении нравилось то, что оно пока не поддавалось общегородской моде на бранчи. Бар открывался с ланчем даже по уик-эндам. Никакой очереди у входа за яйцами-пашот и десятидолларовой «Кровавой Мэри». Никакого джазового трио в углу.

В «Джеке Кроу» было холодно, как в морозильнике, даже спозаранку. Спертый пивной дух лишь самую малость перебивала вонь лизола. Официанток не было видно, и Джордж заказал у стойки бутылку «Ньюкасла».

— Вы нынче рано, — заметил хозяин, вернувшись к нарезке лимона ломтиками.

— Мне тошно от этой жары, Макс.

— Не тебе, а нам с тобой.

На стойке лежала измятая газета. Джордж прихватил ее в кабинку, откуда была видна дверь. Развернул листы, но не смог сосредоточиться на словах и все глядел поверх них на вход. Когда прикончил пиво, было десять минут первого. Входили трижды: сначала пара юных японцев с чемоданами на колесиках; затем почтальон наскоро бросил на стойку бумажный рулон, перехваченный резинкой; третьим явился завсегдатай по имени Лоренс. Джордж чуть прикрылся газетой, чтобы тот не заметил, но Лоренс сразу отправился на свое излюбленное место у дальнего конца стойки, поближе к кухне.

Джордж поднялся, чтобы взять еще пива. Теперь за стойкой протирала стаканы Келли, официантка. Когда он подошел, позади нее ожил настенный телефон; она сняла трубку и прижала подбородком.

— «Джек Кроу», чем могу помочь?

Келли помедлила и подняла взгляд на Джорджа.

— Да, я знаю его. Прямо передо мной стоит. Не отключайтесь. — Она протянула ему трубку в тот миг, когда он подошел к стойке вплотную. — Какая-то дама. Спрашивает тебя.

Келли пожала плечами.

Джордж взял трубку, зная, кого услышит.

— Алло!

— Салют, Джордж! Это Лиана.

— С тобой все в порядке?

— Да, но прийти не смогу. Долгая история. Одолжила кое-кому машину и теперь не знаю, где искать. Тебе, наверное, до меня не добраться?

— А где ты?

— В Нью-Эссексе. Знаешь?

— Конечно. На Северном побережье. Я там бывал.

— Ты на машине? Может, подьедешь?

Джорджу почудилось, что у нее дрожит голос — голос, которого он не слышал почти двадцать лет. И говорила она ненормально быстро.

— Ты точно в норме?

— Все хорошо, кроме того, что я осталась без машины.

— Уверена?

— Как ты вчера выразился? «Я не уверен в этом, но не уверен и в обратном». Что-то похожее. Мне незачем врать. Я угодила в небольшую передрягу — не сейчас, а вообще — и

надеялась, что ты пособишь.

Джордж затянул паузу.

— Ты слушаешь? — спросила она.

— Да. Я слушаю.

— Поверь, мне совершенно ясно — я последний человек, кто может просить тебя об одолжении. Надеюсь, ты меня выслушаешь.

— А по телефону нельзя?

— Хотелось бы вживую. Так ты на колесах?

— Да.

— Буду благодарна, если ты приедешь и хотя бы послушаешь. Мне можно доверять. Лично я тебе доверяю. Ничто не мешает тебе позвонить в полицию и выдать мой адрес.

Джордж выдохнул, раздувая ноздри, и посмотрел на Келли. Та взглянула на его пустую бутылку и одними губами спросила: «Еще?» Он помотал головой.

— Ладно. Я подъеду. Где ты конкретно?

— Спасибо, Джордж. Бич-роуд знаешь? Я в доме у подруги, сразу за церквушкой Святого Иоанна. Старая такая, каменная.

— Ладно. Приблизительно представляю.

— За церковью сразу направо по грунтовке, улица Капитана Соьера. Дом в самом конце. Больше похож на коттедж. Буду ждать. Сегодня днем, в любое время.

— Приеду.

— Спасибо. Спасибо. Спасибо.

Джордж вернул трубку Келли.

— Ай-яй, — сказала та с выраженным бостонским акцентом. — Тебе начинают звонить в местный бар. Дурной знак.

— Спасибо на добром слове, Кел. Побудь на приколе и записывай, когда меня нет.

— Сейчас, разбежалась.

Джордж прикинул, не взять ли еще пива да чего-нибудь пожевать, но решил сразу поехать к Лиане. От их беседы засосало под ложечкой — не только потому, что она вернулась в его жизнь, но и потому, что в ее голосе звучал неподдельный страх.

Он вышел из «Джека Кроу» и прошел два коротких квартала до гаража, где держал свой «сааб». Джордж не считал себя заядлым автомобилистом, девятисотый «сааб» был первой и единственной машиной, в которую он влюбился. Купил ее с пробегом в сто тысяч миль, как только закончил колледж; добавил на одометр еще тысячу, а потом начал искать замену. Так и менял с тех пор. Эта была четвертой — первая специальная модель; в восемьдесят шестом таких выпустили всего около пятнадцати тысяч, они славились серой эдвардианской окраской. Гараж был немалой роскошью, но Джордж слишком любил «сааб», чтобы оставлять его на улице.

В спокойные дни до места, где поселилась Лиана, примерно сорок пять минут езды на север от Бостона. Зажатый меж фьордов, Нью-Эссекс — приморский городок близ старой каменоломни. Половина бостонского гранита оттуда родом, что подтверждал здоровенный котлован. Но люди ехали в Нью-Эссекс, в основном чтобы отведать жареных моллюсков, поглазеть на скалистый берег или погулять по вульгарным галереям, занявшим место старых рыбацких хижин.

Джорджу понадобилось чуть больше часа, чтобы добраться до центра. Потрепанный «сааб» обогнул гранитную статую рабочего карьера, которая украшала крошечную развязку

посреди делового района, и устремился по Бич-роуд на север. День выдался душным. Небо было мелово-голубым, а море, мелькавшее среди вечной зелени, — безжизненно-серым. Джордж сбавил скорость, чтобы не пропустить указатели. Повернул, достиг следующего поворота — и увидел каменную церковь с колокольной. Миновал ее. В церковном садике на скамье спал человек в синих флотских брюках и такой же рубашке. Сидел он прямо, но голову уронил на грудь. Джорджа вдруг посетила тревожная мысль: дед скончался прямо на лавочке, а мир не заметил, не стал будить старца, задремавшего на солнышке.

За церковью Бич-роуд резко свернула от моря, и оно исчезло за белыми соснами. Зеленый указатель с надписью «улица Капитана Сойера» выцвел почти до нечитаемости, а сама дорога была изрыта ухабами. Джордж проехал несколько сотен ярдов мимо палубного дома семидесятых годов, замаскированного в лесу справа по курсу. Продолжив путь, он уперся в старый, крытый гонтом летний коттедж, который казался бы заброшенным, не стой у ветхого крыльца сверкающий белый «додж». Джордж припарковался сзади, заглушил мотор и вышел. Подъездная дорожка была выложена из гальки и ракушек. За коттеджем неожиданно открылись болотистая заводь и пирс, выглядевший древнее и ненадежнее дома. Джордж поднялся по ступеням, постучал в неокрашенную дверь. Никто не ответил. В соснах шелестел морской бриз. Джордж постучал еще раз; дерево показалось полым, будто выточенное изнутри. Он приготовился толкнуть дверь, когда из-за дома вышел мужчина.

— Ее здесь нет, — произнес он.

Джордж обернулся. Говоривший был невысок, опрятен, в брюках от делового костюма и дорогой шелковой рубашке; таких редко встретишь в Массачусетсе. Улыбка у него была откровенно недружелюбной.

— Кого нет? — спросил Джордж.

Мужчина осклабился шире и подошел на пару шагов.

— Да ладно!

Зубы у него были серовато-лиловые, будто за завтраком перебрал красного вина.

— Кого это вы ищете? — продолжил Джордж в надежде перехватить инициативу.

Мужчина был некрупный, но в нем угадывалось нечто, от чего Джорджу хотелось быть как можно дальше. Он напоминал питбуля, которого обычно видишь в наморднике и на коротком поводке.

— Я искал Джейн, — ответил Питбуль, будто говоря об их общей подружке. — Она тут останавливалась. А вам-то чего понадобилось?

— Я торговец, — сказал Джордж.

Он сошел с крыльца, чтобы, как и собеседник, стоять на твердой земле. Питбуль был на добрый фут ниже Джорджа, а то и больше.

— Чем торгуете?

— Спасибо, что спросили. Продаю жизнь вечную.

Джордж подал Питбулю руку, сознавая, что ладони начали потеть, но желая хотя бы скрыть свое знакомство с Лианой, она же Джейн, а заодно притвориться, что не особенно боится стоять в темном лесу наедине с человеком, которому разорвать его в клочки лишь немного сложнее, чем полотенце в раздевалке.

Они обменялись рукопожатием. Джордж не удивился тому, что ладонь незнакомца была сухой и прохладной. Он хотел разжать руку, но тот не пустил и так надавил на тыльную сторону его кисти большим пальцем, что Джорджу осталось только выпрямить свои. Питбуль усилил хватку, сдвигая костяшки.

— Господи, — произнес Джордж, пробуя высвободиться.

— Не рыпайся, — приказал Питбуль; его улыбка превратилась в оскал.

Джордж подчинился. Было предельно ясно: если Питбуль сожмет посильнее, кости лопнут, как камни в дробильной установке.

— Не знаю, за кого вы меня...

— Ш-ш-ш... Не надо. Спрашиваю только раз, и ты ответишь прямо, иначе кости переломаю. Приходилось уже — терпеть этого не могу. Есть вещи, которыми я брезгую. Не кровью, понятно, но чувством, когда превращаешь руку в липкую перчатку, набитую галькой. Прямо с души воротит. Значит, я не хочу этого, а ты и подавно, так что выкладывай все начистоту. Лады? Когда ты в последний раз видел Джейн?

Джордж долю секунды помялся — достаточно, чтобы не найти приличной причины запереться и лгать.

— Вчера вечером. В Бостоне.

— Где?

— В баре на Бикон-Хилл, называется «Джек Кроу». Мы старые друзья. Познакомились в колледже; я предложил пересечься, она сказала, что живет здесь, и пригласила. Это все.

— Зачем ты мне врешь?

Джордж рассмотрел Питбуля вблизи. Мелкие черты лица, череп напоминает желудь; кожа будто восковая, изрыта порами. Нос сплюснен, словно Питбуль пропустил пару ударов, хотя верилось в это с трудом. Волосы коротко острижены и щедро смазаны гелем; от мужчины пахло терпким лосьоном после бритья — каким-то сильно спиртовым.

— Послушайте, я знаю, что... у Джейн были неприятности, но, честное слово, понятия не имею, что происходит сейчас. Вы показались мне тем, кого она как раз избегает.

Тот рассмеялся и вроде бы чуть просветлел лицом, словно ему польстила оценка Джорджа.

— Знаешь, мать твою так, если увидишь ее раньше меня, передай, чтобы и впрямь меня избегала. Но она и так уже знает. Как тебя зовут?

— Джордж Фосс, — постарался не солгать Джордж.

Он чувствовал, что допрос близится к завершению, и хотел сберечь свою кисть.

— Молодцом, Джордж. Ты сказал правду, и мне это пришлось по душе. Хочешь узнать мое имя?

— Только если вы искренне хотите его назвать.

Питбуль запрокинул голову и снова зашелся в лающем смехе. Поразительно гладкие подбородок и шея — будто его каждое утро брил первоклассный мастер. Джордж ощутил, что хватка немного ослабла, и почти решился оценить свои шансы вырваться и убежать.

— Ты мне нравишься, Джордж, и я собираюсь назваться, чтобы мы общались запросто, без фамилий. Меня зовут Донни Дженкс, родом я из Джорджии и всегда знаю, когда мне лгут. Ты не лгал — по крайней мере, на нынешнем сраном семинаре, с которого началась наша дружба. Итак, если увидишь Джейн, можешь передать, что Донни Дженкс в городе. Сделаешь?

— Я не планирую с ней встречаться, но если увижусь, то да, передам. Обещаю.

— Тогда перед уходом оставлю тебе кое-что на память — просто чтобы ты знал, насколько я серьезен.

Донни Дженкс развернул Джорджа правой рукой — и врезал по почкам кулаком левой. Джорджа пронзила боль — маленький взрыв, растекшийся в пояснице. Он повалился и чуть

не вырубился, когда волной накатила тьма.

— Донни Дженкс. Д-ж-е-н-к-с, — произнес коротышка. — Скажи Джейн, что жить ей осталось недолго и скверно. Если сунешься помогать, сокращу и твое существование. Все запомнил?

Джордж кое-как кивнул. Донни повернулся и пошел прочь, похрустывая галькой и ракушками.

Рот Джорджа наполнился слюной. Он повернул голову, и его бурно вырвало. Спазмы продолжились даже после того, как желудок избавился от давнего завтрака и пива. Завелся и отъехал «додж». Джорджу хватило сил отползти и перевернуться на здоровый бок. Он пролежал так больше десяти минут, взирая на содержимое своего желудка, что разлилось по ракушкам подъездной дорожки.

Джордж вернулся в Бостон после трех часов пополудни. По пути подумал завернуть в больницу, но не остановился. Желание очутиться дома, в родном районе, пересилило надобность разобраться с почкой, которую, может быть, разорвало. Тошнота и головокружение прошли, но с каждым левым поворотом руля ему казалось, что разрыв увеличивается. Он машинально трогал бок, проверяя, не валятся ли в салон потроха.

Джордж припарковался в гараже и попытался улыбнуться охраннику Маурицио, когда тот взял ключи и спросил, как «бегают» «сааб»; затем прошел бесконечные полквартила до дома по круто забиравшей вверх улице. Он жил в крошечной перестроенной мансарде шикарного особняка. Лестница шла по тыльной стороне кирпичного здания, так что подняться можно было с бульжного тротуара — очаровательного три сезона в году, но вонявшего мочой и мусором большую часть лета.

На нижней ступеньке задней лестницы, точно там же, где накануне сидел Джордж, обнаружилась Лиана. Она была бледна, нервничала; колени сведены, локти поставлены на них, подбородок уперт в ладонь. Рядом лежала черная сумочка, аккуратный квадратик истертой кожи.

— Какого дьявола ты тут делаешь? — спросил Джордж.

— Послушай, извини, я...

— Гребни отсюда, будь добра. Проваливай, — велел Джордж и обошел ее.

— Подожди. Я все объясню. Я звонила в бар, но ты ушел. Подруга вернулась с моей машиной.

— Почему же ты не дождалась меня там? Знала же, что я выехал!

Джордж продолжил подъем, стараясь ступать осторожно, чтобы не вырубиться.

— Вот об этом я и хочу сказать. За мной гонится кое-кто, и, кажется, он узнал, где я.

— Его, часом, не Донни Дженкс зовут?

Лиана глубоко вдохнула.

— О господи! Он что, был там? Ты цел?

— Порядок. Я просто... — Джордж остановился и обернулся.

Лиана смотрела в переулок.

— Он поехал за тобой?

Это не приходило Джорджу в голову.

— Не знаю. Может быть. Он уехал раньше меня, но это, похоже, ничего не значит. Как знать — может, он едет прямо сюда. Тебе, наверное, лучше уйти.

При взгляде сверху Лиана казалась маленькой и хрупкой, с неестественно узкими плечиками.

— Он ранил тебя? Ты ранен. Точно говорю. — Она поднялась на две ступеньки к Джорджу и тронула его за плечо. — Чем тебе помочь?

— Свалить отсюда, вот чем. За всю жизнь меня били трижды, и каждый раз — твои знакомые. Пожалуйста, просто уйди.

Он стал подниматься выше. Она последовала за ним. Джордж ощущал ее присутствие, и это будило в нем желание повернуться и наброситься на нее с кулаками. Свидание с Донни выбило из него всю отвагу. Он вдруг осознал свою трусость и почувствовал, что после перенесенного шока готов еще и надолго залиться слезами. Джорджу это не понравилось,

но, с другой стороны, он радовался тому, что остался жив; ему не терпелось засесть в своей одинокой берлоге.

Трясущимися руками вставил ключ. Лиана уже подошла вплотную.

— Джордж, мне нужна помощь, — взмолилась она. — Очень неудобно просить тебя, но больше некого.

Чутье подсказывало, что обернуться — худшее решение, но он все-таки это сделал и посмотрел ей в лицо расфокусированным взглядом, чтобы не заглянуть в глаза, влажно блестящие под высоко стоявшим солнцем. Ее брови были чуть подняты, рот тревожно кривился.

— Всего одна услуга, и мы навеки избавимся от Донни Дженкса. Обещаю, для тебя это не будет опасно.

Джордж посмотрел на водопад ее волос, и у него тут же начался лицевой тик.

— Пожалуйста, — произнесла Лиана.

Звук ее голоса в гулкой тишине на лестнице возродил в его памяти девушку времен их знакомства: восемнадцатилетнюю, бесхитростную.

— Я впусти тебя. Но если хоть на миг заподозрю, что нарисуеться кто-то из твоих дружков, — позвоню в полицию.

— Отлично. Они сюда не придут.

Джордж вошел и оставил дверь нараспашку.

Она последовала за ним. Маслянистый щелчок замка. Они шагнули в квартиру, которая была ему домом больше десяти лет. Потолок скошенный, с массивными балками. Дизайнер интерьера встроил большие световые люки и создал современную кухню. Летом здесь было жарко, а зимой холодно, но Джордж все равно любил это место. Высокие стены он заставил книжными стеллажами, а еще прикупил кое-какую добротную мебель пятидесятих годов. Мебель сплошь изгрызла и исцарапала Нора, его пятнадцатилетняя кошка породы мейн-кун.

— Ты всегда любил книги, — заметила Лиана, оглядывая помещение.

Джордж почесал Норе шейку. Затем зашел в ванную, взял четыре таблетки ибупрофена и запил прямо из-под крана. Выйдя, застал Лиану посреди гостиной в состоянии гипнотическом: она смотрела на стеклянную крышу. «Лиана Дектер у меня дома, — сказал он себе. — Снова реальна. Она в моей жизни».

— Налить чего-нибудь?

— Воды. И спасибо, Джордж, что впустил. Понимаю, как тебе было трудно.

Джордж принес два стакана и сел в кресло без чехла. Лиана приютилась на краю низкой кушетки. Она сидела будто аршин проглотив; стакан с водой стоял на узорном кофейном столике.

— Я никогда бы не отправила тебя туда, если бы думала, что Донни найдет то место. Надеюсь, это понятно.

— Мне ничего не понятно.

Джордж вволю отхлебнул воды и пожалел, что не взял пива. Устроился так, чтобы болело поменьше.

— Я задолжала объяснение. Знаю. Выложу все, но хочу, чтобы ты поверил — я не собиралась причинять тебе вред. Расскажи о Донни.

Джордж поведал об их встрече во всех подробностях, включая свой смертельный испуг и сведения, которыми поделился.

— Прости, — сказала она.

— Теперь говори, на кой ты ему сдалась. За тобой должок.

Она пила воду, и Джордж следил за движениями бледного горла. В его ярко освещенной квартире она казалась еще прекраснее, чем накануне вечером. Блузка в мелкий черный горошек была заправлена в темно-синюю юбку-карандаш с широким кожаным поясом. Ноги, в отличие от лица, загорели до медово-коричневого оттенка. Волосы были собраны заколкой в хвост; лицо свежeweымытое, без косметики. О подавленном состоянии свидетельствовали только тени, залегшие под глазами.

— Можно еще воды? — спросила она.

Джордж встал.

— Может, пива? Я себе тоже возьму.

— Конечно, — был ответ.

Джордж вспомнил: вот так они и встретились. За пивом. Он чуть не брякнул что-то, но сдержался. Если начнутся сантименты, то не его стараниями.

Вынул из холодильника два бутылки «Ньюкасла», откупорил и вернулся в гостиную. Вручив Лиане пиво, сел на место. Нора потерлась о ножку его кресла, запрыгнула на колени и замурчала. Кошка улеглась и покосилась на гостью. Она всегда скептически воспринимала других самок.

Лиана отпила пива, слизнула с верхней губы пену и чуть откинулась на кушетке.

— Можно положить ноги?

— Конечно, — ответил Джордж.

Она наклонилась расстегнуть босоножки. Блузка разошлась, на миг явив бледную грудь в простом белом лифчике. Лиана выпрямилась, подтянула согнутые ноги на кушетку и привалилась к боковине. Для Джорджа это было как песня, которую он не слышал двадцать лет, но помнил каждую ноту. Такая у нее была манера сидеть. Он видел это сотню раз в тот первый год учебы, в ее общежитии. Как может что-то быть настолько знакомым и в то же время так прочно забытым?

— Как в старые добрые времена, — сказала Лиана, словно прочтя его мысли.

— Ну да, — согласился Джордж.

Глотнув еще пива, Лиана заговорила:

— Донни Дженкса наняли разыскать меня. Нанял Джеральд Маклин. У него мебельный бизнес — тоже «Маклин»; в основном на юге. Он из тех, кто сам себе реклама. Но все это ширма — по крайней мере, я уверена на девяносто процентов. Через него проходит слишком много налички. Знаю, он владеет игорными вебсайтами в офшорах, а еще руководит очень сомнительной инвестиционной группой. Так или иначе, он стоит кучу денег. Я была его личным секретарем около года. В Атланте, там штаб-квартира его корпорации. Была и его подружкой.

— А он женат.

— Был и остается, но его жена больна. Она молода, намного младше его, но, скорее всего, умрет, если еще жива. У нее рак поджелудочной. Она его вторая жена, и Джерри дал мне предельно ясно понять, что не сделает меня третьей. Это был своего рода удар.

— Ты предполагала, что так может быть?

— Если честно, нет. Просто не ожидала, что меня отвергнут с такой легкостью. Я не питала иллюзий о какой-то большой любви, но считала себя кем-то выше платной любовницы. Может быть, просто зарвалась. Тебе лучше других известно, что последние двадцать лет я прожила как нелегалка. Впервые встретив Джерри, я увидела лишь богатого

старика. Жила я тогда не в Америке, и он дал возможность вернуться. Он не просил доказывать, что я — та, кем он меня считал, и все было зашибись. Я много узнала о его бизнесе; обнаружила, что большую часть денег он зарабатывал через донорский фонд для неподконтрольных контор в Нью-Йорке. Привлекал инвесторов из окрестностей Атланты, предлагая безумную прибыль. Деньги текли обратно в Нью-Йорк, и Маклин брал комиссионные с каждой сделки. Не сомневаюсь, что это старая схема Понци^[9]. Жертвы считают, что вкладываются в игорные веб-сайты с операторами на Карибах. Точно не знаю, как все это устроено, но что-то законно, а что-то нет. Игорные сайты действительно существуют, но я не знаю, сколько они зарабатывают. Однажды слышала, как Джерри говорил кому-то из Нью-Йорка, что им нужны новые вливания, иначе здание рухнет. Это пирамида, но Маклин на ней разбогател. И всюду наличка, а потому я думаю, что он задекларировал лишь малую часть. Мне он тоже платил налом. Ясно, что меня не было ни в каких ведомостях. Но я ему надоела, и вот однажды вечером он напился и начал сокрушаться о своей жене — тогда-то и сказал мне, что, как только она умрет, я тоже должна уйти. Из его компании и из его постели. Я уже сказала, что это был удар.

— И что же ты сделала?

Лиана провела пальцем по шву юбки.

— Украла его деньги. Это было не очень трудно. Он всегда отправлял наличку в какой-нибудь банк на островах. Я дождалась крупной партии — и прибрала ее. Полмиллиона долларов.

— Решила, что это сойдет тебе с рук? — спросил Джордж.

— Я не думала, что он не заметит, если ты об этом. Просто показалось, что он может и не всполошиться. Я сочла это небольшой ценой за то, что он уже захотел, — вычеркнуть меня из своей жизни. И решила, что сумма слишком мала, чтобы поднимать вонь, но, похоже, ошиблась. По-моему, он рассвирепел. Послал за мной Донни. Я даже не знала, что у него такие знакомцы, хотя это, наверное, было наивно с моей стороны.

— Откуда ты узнала про Донни?

— Забрав деньги, я отправилась в Коннектикут, в самую глушь; нашла мотель, где принимают наличку, — и просто затаилась. Понятия не имею, как он меня отыскал. Однажды вечером я обедала в казино, сидела у стойки, а он обосновался за два стула от меня и начал трепаться. Показался жутким типом, но я позволила себя угостить, а он в разгар беседы стал называть меня по имени.

— Джейн?

— Точно. Так меня некоторое время звали. Нравится?

— Тебе идет.

— Страшилка Джейн.

— Скорее, Джейн Доу^[10].

Она поиграла пивной бутылкой.

— На чем я остановилась? Ах да, Донни Дженкс в краю могикан. Назвав меня по имени, он не остановился: сообщил, что его наняли для возвращения денег и выдали карт-бланш на любое возмездие — по желанию. Он заявил, что сперва задумал убить меня, но потом решил, что будет веселее, если я порыпаюсь. И все улыбался. Я чуть не обмочилась. Меня нелегко напугать, но ему удалось.

— Он нынче и мне улыбался.

— Фирменный прикол, полагаю. — Она закусила губу. — Еще раз извини, Джордж.

— А руку он тебе не пожимал?

— Пожал, так и было. Уходя из бара, поцеловал ее; сказал, что был рад встрече и очень скоро мы увидимся снова, а потом отчалил.

— Что ты сделала дальше?

— Как-то набралась храбрости, вернулась на такси в мотель и собрала пожитки. Он побывал там. Ничего не тронул, но я почувяла. Мне хватило ума не держать там деньги — наверно, потому и осталась жива.

— Где же они были?

— Это покажется банальным, я знаю, но я положила их в камеру хранения на вокзале в Хартфорде. Наверное, Донни обыскал мой номер, ничего не нашел и решил подрулить ко мне в баре, чтобы запугать и заставить совершить ошибку. Я смекнула, что он не собирался убивать меня, пока не узнает, где деньги, но все равно упаковалась за пять минут, выписалась и вернулась в такси — это были самые долгие пять минут в моей жизни. Я была уверена, что он выскочит из темноты и перережет мне горло. Но он этого не сделал. Таксист довез меня до самого Нью-Хейвена. Я не сомневалась, что за мной хвост. Зашла в отель в центре города, вышла через служебный вход и поймала другое такси. Затем повторила это много раз, пока не решила, что избавилась от него. Тогда я села на автобус до Хартфорда, забрала деньги и за наличные купила машину. Номера были штата Делавер. Не знаю, как он выследил меня в Коннектикуте, а теперь не пойму, как нашел здесь, в Бостоне. Нюхом чувствует, что ли? Я напугана всерьез. И устала. А потому собираюсь сдать — редкий случай в моей жизни. У Джерри Маклина поблизости, на окраине Бостона, есть дом — там его жена облегчают страдания. Я позвонила человеку, с которым привыкла работать, и он сказал, что Джерри появится в этот уик-энд, что постоянно торчит здесь, поскольку жизнь жены висит на волоске. Я верну деньги и попрошу прощения. Это единственный выход.

— Так вот почему ты здесь.

— Вот почему я здесь. Все еще не верится, что Донни побывал утром в Нью-Эссексе. Больше ты никого не видел?

— Только его. У какой подруги ты жила?

— Скорее, у знакомой, а не подруги. Она навела меня на коттедж. Он мне понравился тем, что не на виду и в стороне от шоссе. Она взяла мою машину, но утром, когда вернулась сразу после моего звонка тебе, была совершенно уверена, что за ней следили. Я перепугалась, стала звонить тебе в бар, бросила это и поехала в Бостон. Думала, у меня паранойя, но оказалось, что нет.

— А я тебе зачем понадобился?

Лиана допила пиво и с глухим стуком поставила бутылку.

— Мне нужна помощь.

— Ты хочешь, чтобы мы доставили деньги вместе, — предположил Джордж.

— Нет, я хочу, чтобы ты отвез их сам. Мне совсем не улыбается видеть Джерри. Не знаю, как он отреагирует. Но если ты принесешь деньги и замолвишь за меня словечко...

— А Донни ты их отдать не хочешь?

— Нет! Боже упаси! Он уже рассказал о своем намерении убить меня. Денег ему мал — он жаждет кары. Вот почему я прошу тебя отвезти деньги Маклину, попросить у него прощения, пусть отзовет Донни.

— С чего ты взяла, что мне Маклин обрадуется больше?

— Он тебя не знает. Это будет похоже на договор деловых людей. Пожалуйста, поверь, я

не просила бы, если бы видела хоть какую-то опасность. Джерри стар. Он больше ни для кого не угроза. Но если увидит меня, да с деньгами, не знаю, как отреагирует. Я его достала. Это совершенно точно. Намного лучше, если их принесет кто-то другой.

Джордж колебался, изучая свой ноготь.

— Я тебе заплачу, — продолжила Лиана. — Денег уже мало — что такое еще десять тысяч?

— Если я и сделаю это, то бесплатно.

— Последнее, что мне нужно, — быть у тебя в долгу. Если провернешь это, настаиваю: ты должен взять деньги, иначе я буду чувствовать себя слишком обязанной.

— Нужно подумать, — сказал Джордж.

— Понимаю. Если откажешься, тоже пойму.

— Можно спросить еще об одном?

— Спрашивай о чем угодно.

— Почему я? Неужели у тебя в Бостоне нет других знакомых?

— Есть подруга, у которой коттедж, но я скорее верну деньги сама, чем пошлю ее. Она и ты, больше не знаю никого. Забавно. Я долго не была в Массачусетсе, но думаю о нем с наших времен. Первый курс. Мне оно всегда казалось таким вот особенным. Наверно, с годами я его надстроила, как и то, что было с нами. Я знала, что найду тебя, когда решила приехать сюда вернуть Маклину деньги. Как-то знала, что ты по-прежнему здесь.

— Я далеко не уехал.

— То есть?

— В жизни. Я вырос на улицах этого города. И провел здесь почти все время.

— Мы жили совсем по-разному.

— Могу себе представить.

Наступила короткая пауза. Джордж ощутил, как холодная струйка пота скользнула по ребрам. Заметил, как Лиана повернула голову, осматривая его жильё. Досадно, что не прибрал.

— Ты так и жил один? — Она вытащила из-под себя ногу и опустила босую пятку на деревянный пол.

— По большей части. Жил с подружкой в Сан-Франциско. Сразу после колледжа. Но долго это не продлилось, и я вернулся сюда. Не сомневаюсь, что здесь и помру.

— Надеюсь, произойдет это не скоро.

Лиана завела руку за спину и чуть потянула блузку, затем снова одернула. Блузка была с глубоким вырезом, и Джордж заметил округлости груди; над левой ключицей обозначился бледный кружок из веснушек, который он помнил.

— Джордж, еще одно, пока ты не решил. Когда я выпутаюсь из этого паскудства — с твоей помощью или без нее, — хочется побыть с тобой. То, как мы все бросили... меня это всегда угнетало. Не представляешь, сколько я думала о Мазер-колледже! Я будто одержима им!

— Ладно, — произнес Джордж чуть севшим голосом.

Он знал, что согласится помочь Лиане вернуть деньги. Знал, что скажет «да», еще до того, как выяснил, чего она хочет. Джордж понял это в тот миг, когда впустил ее в дом. Знал он и то, что Лиане можно верить не больше, чем перепуганной змее, — факт, очевидный для любого пятилетки; но мысль о том, как поступит с ней Донни Дженкс, обезоружила его. Он ожил, и чувства обострились. Ощущение было необычное. И приятное.

Зная, что не откажется, Джордж все же посчитал нужным хотя бы помедлить с ответом. Он извинился и вышел в туалет, где обнаружил, что не вполне подготовился к виду кровавой мочи. Колени ослабли, и пусть он прочел достаточно много бульварных романов, чтобы угадать в этом побочный эффект удара по почкам, розоватая струя породила очередной прилив тошноты, и его чуть не вырвало снова.

— Знаешь что-нибудь о разрыве почки? — спросил Джордж у Лианы по возвращении в гостиную.

Его лоб покрылся каплями пота.

— Кровью ссышь?

— Ну да.

— У меня есть подружка-медсестра. Могу позвонить, если хочешь.

— Было бы здорово. И вот что, Лиана...

— Да?

— Я все сделаю. Отвезу деньги Маклину и попробую уговорить, чтобы отстал.

Лиана поднялась, широко улыбаясь, и Джорджу на миг почудилось: вот сейчас подойдет и обнимет... Этого не случилось, зато она сказала:

— Ты мой герой!

В ту далекую ночь, когда Джордж, вернувшись в общежитие, принялся лихорадочно листать справочник первокурсника, он искал не Лиану Дектер, а Одри Бек. Именно так она назвалась ему возле пивного бочонка. Это же имя он нашел в справочнике, и в девушку с этим именем влюбился, и это имя засело в его голове, как мантра, на самые долгие в жизни рождественские каникулы.

Одри.

В том январе первокурсник Джордж вернулся из Массачусетса поездом. Отец высадил его на Южном вокзале. Джордж, едва успев купить пачку «Кэмела», помчался дальше, чтобы не опоздать. Он не курил на каникулах, чтобы не огорчать родителей, и когда наконец затянулся — на перроне вокзала в Нью-Хейвене во время десятиминутной остановки, пока дизельный локомотив меняли на электрический, — никотин растекся по организму, словно лесной пожар. Его слегка замутило, но он решил докурить. Кружение в голове, порожденное дымом, напомнило о жизни в колледже.

Были ранние сумерки, в сухом воздухе кружили снежные хлопья. Он оставил куртку в вагоне; руку, в которой не было сигареты, грел в кармане джинсов. Озирался в поисках знакомых: на следующий день начинался семестр, и Джордж полагал, что все поезда северо-восточного направления будут забиты студентами, его сокурсниками. Но парень никого не узнал. Сделав последнюю глубокую затяжку, затоптал окурки.

В поезде открыл книгу — «Вашингтон-сквер» Генри Джеймса, — но не сумел сосредоточиться. Вновь и вновь, на разные лады проигрывал встречу с Одри в скором времени. Она между делом сказала, что, может быть, позвонит на каникулах, но так и не позвонила, и какая-то часть Джорджа заподозрила, что он ее выдумал — нагрел себе целый учебный семестр.

Спеша добраться до общежития, он шиканул: взял такси из вереницы тех, что стояли на холостом ходу и плевали в морозный воздух клубами дыма. Такси провезло его полторы мили по пустынным улицам до Асилум-Хилла, где возвышался Мазер-колледж — внушительная глыба кирпича и шифера, частный университет с двухсотлетней историей и почти тысячей студентов.

Во всех общежитиях были кодовые замки, и Джордж, приблизившись к двойным дверям Северного корпуса, обнаружил, что комбинация, которую он помнил весь прошлый семестр, напрочь вылетела из головы. Он огляделся в поисках подмоги, но никого не увидел. На пробу прижал указательный палец к металлической панели — и код восстановился в памяти. Условный рефлекс. Четыре, три, один, два.

Его соседом по комнате был детина шести с половиной футов ростом, Кевин Фицджеральд из Чикаго. Отец — моложавый великан из городской администрации. Лицу Кевина, жирному и с подбородком размером с полбуханки хлеба, предстояло со временем побагроветь на манер отцовского точно так же, как живот был обречен превратиться в пузо с футбольный мяч. В свои восемнадцать Кевин больше интересовался не политикой, а спортом, пивом и «Поздним шоу с Дэвидом Леттерманом»^[11]. Они с Джорджем жили так, как могли поладить два первокурсника, которых ничто не связывало.

Он распахнул дверь и шагнул в свою комнату — безликую коробку с крашеными бетонными стенами и линолеумом. Справа и слева стояло по одинокой кровати, а окно

заполняло проем между двумя панелями из прессованной древесины. Кевина не было, но он явно успел вернуться — постель завалили свежевыстиранной одеждой; там же виднелся баскетбольный мяч, все еще в коробке, и сигарный ящик.

Поставив чемодан в изножье кровати, Джордж расстегнул куртку и взялся за телефон — звонить в комнату Одри. После четырех гудков включился автоответчик: голос Одри, сообщение не изменилось с прошлого семестра. Он дал отбой, улегся на постель и закурил. В коридоре слышались шаги, затем голоса; один он узнал — Грант, живший по соседству. Он решил, что первокурсники с этажа — их было семеро — собирались в одном из двух четырехместных номеров на южной стороне.

В обычной ситуации он бы туда и пошел — плюхнуться на дешевый диван, которых в комнате отдыха было три, курнуть кальян и поделиться рождественскими подвигами. Но ему отчаянно хотелось сперва добраться до Одри и договориться о встрече вечером.

— Фосс, ты на месте? — завопили за дверью и ударили кулаком.

— Нет! — крикнул он и снова набрал номер Одри.

— Чеши на четверку!

Ответа так и не последовало.

Джордж сбросил куртку, захватил сигареты и пошел к четверке на резкий запах спиртного. Дверь была открыта, там собрались все четверо жильцов плюс Томми Тисдейл, еще один первокурсник, который жил двумя этажами выше.

— Фосс!

— Фо-о-осси!

— Глянь, чего Чо надыбал на Рождество! — Грант помахал мешочком с ярко-зеленой травой.

Чо забулькал, делая длинную затяжку через мундштук «Холмса», своего двухфутового пурпурного кальяна. В стереоколонках бесновались «Зе дед».

Курнув и прикончив банку тепловатого пива, Джордж вернулся к себе и позвонил снова.

— Алло, — ответил ему знакомый резкий голос Эмили, соседки Одри.

— Салют, Эмили. Это Джордж. Как погуляла?

— Привет, Джордж. Было... ты откуда звонишь?

— Из Северного корпуса. А что? Ты какая-то не такая.

— Ты что, не слышал? Не знаешь про Одри?

Джордж похолодел и мгновенно представил Одри с новым дружкой; Одри, совокупающуюся со всем старшим курсом.

— Нет. А в чем дело? Она рядом?

Эмили протяжно и шумно вздохнула.

— Пожалуй, не следует с тобой об этом говорить.

— О чем? Эм, ты меня с ума сведешь!

— Очевидно... я только что узнала... она мертва, Джордж. Так я слышала.

Не надев куртку, Джордж рванул в общежитие Одри, корпус «Барнард-холл», и застал невозможную картину. Здание современного типа предназначалось исключительно для первокурсниц; просторная общая комната располагалась на первом этаже так, чтобы все спальни оказались на втором и выше.

Его окружили женские голоса, наполнявшие короткий, залепленный объявлениями коридор, который вел в просторное помещение: высокий потолок, флуоресцентные лампы и не меньше двадцати первокурсниц. Многие плакали.

Лица, что обратились к Джорджу, напоминали качающиеся белые шары, неотличимые друг от друга. Он всмотрелся, еще будучи не в силах отказаться от поиска Одри и пытаясь выделить ее черты — волосы цвета сырого сена, темные брови, длинную шею и стройные плечи. Один шар поплыл к нему. Это была Эмили, снобка и выскочка Эмили, — она беззвучно шевелила губами и простирала руки, как бы желая обняться.

Девушка схватила его за локоть, и он ощутил себя припиленной бабочкой, в капкане между ее жутким присутствием и незримой стеной позади, не позволявшей удрать тем же путем, каким пришел.

— Побудь с нами, — сказала она.

Именно тогда он понял, что все по-настоящему и Одри не вернется.

На следующий день в пять минут десятого раздался звонок.

— Это Джордж Фосс?

— Да.

— Привет, Джордж, это Марлен Симпсон, декан.

— Понял.

— Боюсь, у меня скверные новости.

— Слышал.

— Ты знаешь об Одри Бек?

— Мне сказала ее соседка, Эмили. Да и весь кампус в курсе.

Накануне, согласившись влиться в толпу, которая собралась в «Барнард-холле», Джордж час просидел оглушенный среди девушек. Одни горевали искренне, другие, казалось, упивались трагедией, подобно стервятникам у свежего трупа.

Выяснилось, что вчера утром Эмили позвонила домой; она еще находилась на севере штата Нью-Йорк. Президент колледжа сообщил, что Одри Бек мертва и это, очевидно, самоубийство. Ее нашли в гараже родителей; двигатель машины был включен, и девушка задохнулась.

Друзья и знакомые Одри задавали Джорджу одни и те же вопросы. Знает ли он, что случилось? Почему она так поступила? Общались ли они на каникулах?

Он отвечал как мог, предпочитая говорить, а не думать. Угловатая брюнетка с тонким вытянутым подбородком приволокла какой-то кошмарный альбом — отчет о первом семестре. Ни на одной из фотографий не было Одри, хотя некоторые девушки вроде бы рассмотрели ее рукав на вечеринке, затылок в толпе. Джордж отметил отсутствие снимков потому, что у него их тоже не было, и он, не видев любимую четыре недели, уже паниковал — не забыл ли, как она выглядит.

Потом Эмили проводила Джорджа до Северного корпуса. Он с облегчением вошел в комнату, где, напившись пива, храпел Кевин, который сам был почти влюблен в Одри. Джордж не собирался его будить и проходить испытание заново.

— Зайди ко мне прямо с утра, — предложила декан. — В десять устроит?

— Хорошо.

— Знаешь, где мой офис?

Она объяснила. В десять Джордж был на месте. Он уклонился от встречи с соседями, а кофе взял в дежурной лавке сразу за территорией института. Было невыносимо идти в столовую, слушать пересуды об Одри и ловить на себе взгляды.

Избежал он и общения с Кевином, который, видимо, был в душе, когда позвонила декан.

Скоро узнает.

Окна кабинета декана Симпсон выходили на главную площадку кампуса — замерзшую лужайку на склоне, разделенную строем вязов. С утра еще морозило, но на небе не было ни облачка, и кампус сверкал клочками снега и льда. Через пяточок шли закутанные студенты, чаще парами.

— Я попросила Джима Фельдмана заглянуть. Это один из наших психологов-консультантов, он хочет с тобой увидеться. Мы не можем настаивать, но всем будет легче... Нам бы хотелось, чтобы ты с ним встретился. Мы знаем, какие у вас с Одри были близкие отношения.

Джордж не понял ни кто эти «мы», ни откуда в колледже вообще знали о его отношениях с Одри. Он просто кивнул.

— Конечно-конечно, — затем добавил он. — Я поговорю с ним.

Декану Симпсон было за пятьдесят, роста ей едва хватало, чтобы не выглядеть карлицей. На женщине был лиловый свитер с серебряной нитью. Пышная грива седых волос доходила до плеч.

— Хорошо. Мы все потрясены. Подробности из Флориды поступают только сейчас, и наша главная забота — уберечь ближайшее окружение Одри. Мы будем рады, если ты продолжишь учебу, но пойдем, если сочтешь это слишком тяжелым. Об этом Джим и хочет поговорить.

— Ладно.

У него не было никаких планов. Перспектива ухода из Мазер-колледжа ужаснула его, но еще страшнее показалось остаться здесь без Одри.

— И еще: раз уж ты здесь, расскажи о других товарищах Одри. Конечно, мы побеседовали с Эмили и еще кое с кем из «Барнарда», но понимаем, какой это груз, и не хотим никого обязывать.

Джордж кивнул, гадая, когда же заглянет Джим Фельдман. В окно било солнце, звучно тикали часы.

— Не знаю. Извините, — произнес он, уже позабыв, о чем таком не знал.

— Тебе необязательно думать об этом сейчас, но будет правильно организовать в колледже поминки. Подумала, ты считаешь это здоровой мыслью.

Джордж пожал плечами и попытался улыбнуться.

Декан выпятила губу и склонила голову набок.

— Наверное, пора пригласить Джима.

— Давайте.

Она взялась за телефон, и не прошло полминуты, как Джим Фельдман коротко стукнул в дверь и вошел. Он пожал Джорджу руку, затем стиснул плечо. Декан оставила их наедине.

Двумя часами позже Джордж сидел у себя. По коридору зашлепал Кевин — не ошибешься. День только начался, и они еще не виделись с момента возвращения из Бостона. Дверь распахнулась, и Кевин, уже поддатый, качнулся на пороге; он был без перчаток и помахивал упаковкой «Дженеси крим эйл» ^[12] — двенадцатью бутылками.

— Сука... — заявил он. — Клянусь, ты приложил к этому руку...

Он сделал два быстрых неверных шага через комнату, схватил Джорджа за рубашку, рванул вверх и оторвал пуговицу.

— Господи, Кевин! Какого хрена?

— Ты бросил ее? — Тот снова дернул, и воротник треснул.

— О чем ты говоришь? Нет! — Джордж обеими руками вцепился в запястье Кевина, пытаясь высвободиться.

Кевин, глаза у которого покраснели от спиртного и слез, не выпустил рубашки, и Джордж впервые со вчерашних известий расплакался, твердя, что не имеет никакого отношения к самоубийству Одри.

Кевин, угомонившись, предложил Джорджу пива. Они выпили; одни бутылки опустошались в молчании, другие — под разговор. Снаружи темнело, но парни не зажигали свет; в дверь стучали, они не отзывались.

Вспышка Кевина не удивила Джорджа. Он знал, что сосед по-своему любил Одри, но ни за что не стал бы ее добиваться.

— Наверно, ей с тобой было хорошо, — произнес наконец Кевин — будто подвыпивший священник отпустил грехи. — Это не твоя работа.

— Слава богу.

— Что будем делать? — спросил Кевин.

— Не знаю. Мой консультант, Джим, хочет, чтобы я остался на семестр. Не знаю, сумею ли.

— Да сиди здесь. Насрать на лекции. Вдарим по пивку.

— Не уверен, что мне разрешат.

Кевин пожал плечами.

— Не знаю, что делать, — повторил Джордж.

В действительности он составил план, уже когда возвращался через кампус от декана. Нависшие башни бурого камня, кирпич обеденного зала, голые деревья и толпы студентов, ходивших по равнодушно-одинаковым зданиям, — все было напрочь лишено смысла, казалось почти тошнотворным, потому что Одри мертва. Он решил собрать небольшую сумку и отправиться во Флориду. Уйдет рано утром, пешком доберется до автовокзала в Грейхаунде и сядет на первый автобус в южном направлении. Доедет до Тампы, навестит родных и друзей Одри — может быть, что-то и выяснится. Консультант Джим назвал бы это закрытием гештальта.

— Помираю с голоду, — объявил Кевин.

— Сгоняй поешь и мне чего-нибудь принеси, лады? Столовка закроется через десять минут.

Кевин поковылял прочь, а Джордж подробнее обдумал свой завтрашний отъезд во Флориду. И ни слова соседу — еще увяжется, а он должен проделать это в одиночку.

В воскресенье, в четыре часа пополудни, Джордж во второй раз за уик-энд вывел свой «сааб» за пределы города. Дом Джеральда Маклина находился в Ньютоне — богатом предместье западнее Бостона. Джордж поехал по Коммонвелс-авеню под знак нефтяной компании «Ситго» и мимо высокой ограды парка Фенуэй. Вспомнил о дневном матче «Рейса»^[13]. Не напорись он на Лиану в пятницу вечером и не согласись выполнить это дурацкое поручение, сидел бы, скорее всего, в баре своего дружка Тедди, пил холодное пиво и смотрел игру. Внимал бы Тедди, который начал расписывать тонкости, из-за которых «Ред сокс» продули в этом году. После Джордж, может быть, позвонил бы Айрин и выпытал, что у нее на обед, или не позвонил бы и поглощал в баре знаменитых кальмаров Тедди, приготовленных по род-айлендски. Но вместо этого он вез незнакомцу почти полмиллиона долларов в спортивной сумке.

Когда накануне Джордж согласился помочь, Лиана позвонила из его дома Маклину и договорилась о передаче денег. Джордж старался не подслушивать, как Лиана обещала бывшему, что пришлет к нему домой курьера с деньгами. Однако в квартире размером с половину теннисного корта сделать это было сложно. Она сказала что-то о большей части денег, подчеркнув, что речь идет не о всех. Джордж, как минимум, дважды слышал слово «прости». Процедура была назначена на следующий день. Диалог не показался дружеским.

Лиана позвонила и подружке-медсестре. Та сказала, что вероятность разрыва почки у Джорджа очень мала — пусть следит за кровью в моче, ее должно стать не больше, а меньше. Его это не успокоило.

После этих звонков Лиана сказала Джорджу, что ей нужно съездить за деньгами. Утром она принесет их к нему домой.

— Где ночуешь? — осведомился Джордж и моментально возненавидел себя за вопрос, прозвучавший так, будто он подбивал клинья.

— Не в Нью-Эссексе. Раз там ошивается Донни, остановлюсь в отеле. Как-нибудь разберусь.

— Можешь остаться. Поспишь на кушетке.

— Не думаю, что это хорошая мысль. Донни теперь знает твоё имя, а значит, и адрес. Он уже наверняка следит за этим местом.

— Тогда тебе, может быть, вообще не стоит уходить.

— Нет, все в порядке. Я вижу Донни насквозь. Он просто пытается запугать меня, чтобы ошиблась и показала, где деньги. Ему, должно быть, посулили немалую долю, и он, конечно, не тронет меня, пока ее не получит. Я уйду, опять стряхну его со следа, заберу деньги и залягу до завтра на дно. Где в людном месте встретимся?

Джордж предложил продуктовый магазин на бостонской Коммонвелс-авеню, и они условились о времени.

— Как с тобой связаться, если понадобится? — спросил Джордж.

— Никак. Придется доверять друг другу. Я буду в магазине.

— Я тоже.

— Если не приду, просто знай, что я почему-то сочла это слишком опасным. Если не придешь ты, я тоже пойму. Это серьезное одолжение.

Проведя еще одну бессонную ночь и бестолковое, тревожное утро, Джордж подольше

постоял под душем, побрился и выбрал одежду, в которой выглядел чиновником средней руки и пятничной расслабленности. Он понимал, что ему незачем наряжаться для кратковременной роли доставщика украденных денег, но если придется излагать дело Лианы, то лучше быть представительным.

Он рано прибыл в элитный, дорогуший магазин и в ожидании Лианы принялся бродить по проходам мимо полок с естественными аглютоновыми продуктами. Они не договорились о конкретном месте, и, когда настало время, Джордж перешел в переднюю часть магазина, где было много кабинок возле высоких стеклянных окон, выходящих на небольшую парковку. Он сел и сразу заметил Лиану, одетую в ту же юбку, но в другую рубашку. Она непринужденно лавировала между припаркованными «тойотами-приус», направляясь ко входу. Джордж встретил ее у автоматических дверей.

— Идем внутрь, — велела она.

При ней были сумочка и черная спортивная сумка.

— Порядок? — осведомился Джордж.

— Все путем. По-моему. Если кто и висел на хвосте, то я не заметила, хоть и проверялась грамотно. Давай присядем.

Они устроились в кабинке, и Лиана водрузила спортивную сумку на разделявший их ламинированный столик. У Джорджа возникло чувство, что все вокруг — даже те, кто находился на расстоянии крика, — зорко следят за каждым их жестом.

— Здесь ровно четыреста шестьдесят три тысячи. Десять завернуты в газету сверху. Это тебе. Джерри знает, что получит только четыреста шестьдесят три. Не слушай, если скажет иначе. Знаешь, как добраться?

— Знаю. Думал, ты дождешься, когда я вернусь, тогда бы и отдала мою долю.

— С тебя станется, но я тебе верю.

Джордж помялся, положив руку на сумку. Она была меньше, чем он думал, но плотная, как будто набитая дровами, а не деньгами.

— Лучше оставь при себе. Не хочу держать их в машине, когда доеду. Формально это его деньги.

— Договорились.

Лиана подтянула к себе сумку, расстегнула наполовину и вынула свернутый в трубку номер «Геральд трибьюн».

Джордж мельком заметил пачки зеленых купюр и быстро оглянулся, не видит ли кто. Лиана снова застегнула сумку и подтолкнула к Джорджу.

— Еще раз спасибо, — проговорила она. — Великое облегчение. Не знаю, как бы я вынесла встречу с ним.

— А ты не думаешь, что он уже позвал копов? — Эта мысль донимала Джорджа с утра.

— Ни в коем случае. Но если там все же будет полиция, просто расскажи им все. Не надо защищать меня и помогать больше, чем ты уже помог. Я, честно, не думаю, что выйдет какая-то накладка. Просто скажи правду и верни деньги. И, если сочтешь уместным, передай, пожалуйста, Джерри, что я прошу прощения. Он не поверит, но я хочу, чтобы услышал. Задним числом я понимаю, что психанула.

Она улыбнулась, Джордж тоже. Спокойствие Лианы отчасти передалось ему, с утра пребывавшему на взводе.

— Вряд ли ты психанула. Ты всяко стоишь полмиллиона.

— Думаешь?

В машине Джордж включил кондиционер и расстегнул еще одну пуговицу на рубашке. Не сваял ли он дурака, оставив десять тысяч долларов у Лианы? Ей не составит труда сбежать с ними и не явиться на встречу. Но Джорджу почему-то казалось, что она так не сделает; даже наоборот — деньги подстегнут Лиану увидеться с ним. Сложилось впечатление, что ей было важно заплатить и не остаться в долгу.

Кирпичные четырехэтажные многоквартирки Бостона неспешно сменились зеленью и изысканными особняками Ньютона. Маклин жил на холме, что возвышался над Нонантумом — одной из тринадцати деревушек, образовавших город. Джордж свернул направо, выехал на Честнат-стрит и пролетел мимо сонных лужаек и псевдотюдоровских особняков. Наконец он добрался до Твитчелла. Владения Маклина, обнесенные забором, были первыми. Притормозив у домофона, он разглядел на зеленом склоне дом в георгианском стиле. Джордж опустил стекло. Где-то вдалеке стрекотала газонокосилка, и в душном воздухе растекался острый, кисловатый запах свежескошенной травы.

— Пожалуйста, назовитесь, — раздался из домофона металлический женский голос.

— Джордж Фосс.

Он подождал — и вот узорные металлические ворота начали отворяться. Джордж сделал глубокий вдох, и бок, до этого нывший, пронзило острой болью. Образ Донни Дженкса вынырнул в памяти, как акулий плавник. Не в доме ли Донни? Вполне возможно, что там.

Джордж припарковался у входа возле фургона озеленителей. Теперь он видел газонокосилку с оператором, нарезавшую круги вокруг высокого клена у восточного крыла дома. От присутствия садовника полегчало. Не станут же Маклин или Донни закапывать егс в саду при свидетелях?

Особняк был кирпичный, с белой отделкой; ставни и парадную дверь недавно выкрасили в черный цвет. Джордж не успел позвонить, как та бесшумно отворилась внутрь. Его встретила молодая женщина: лет двадцать пять, одета в светло-коричневую хлопчатобумажную юбку и темно-синюю футболку, мелированные волосы туго стянуты в хвост. Джордж поначалу принял девушку за дочку Маклина, но ее манеры и даже то, как она открыла дверь, выдали официозную резкость профессиональной личной секретарши.

— Мистер Фосс?

— Да, это я.

— Входите. Он ждет вас.

Джордж переступил порог. Снаружи дом Маклина казался показушно-шикарным, но это не шло ни в какое сравнение с роскошью внутреннего убранства. Вестибюль был вдвое больше олимпийского плавательного бассейна — прямоугольник со сложным орнаментом и отделкой из белого мрамора. Деревянная винтовая лестница вела на балкон второго этажа. С потолка свисала скульптура Чихули^[14] — переплетенные трубки из разноцветного стекла раскинулись, словно актиния на дне морском. Джордж видел похожую в казино в Вегасе. Белые стены были увешаны абстрактной живописью кричащих неоновых цветов.

— Чихули, — заметил Джордж секретарше и указал глазами на скульптуру.

Девушка посмотрела туда же, но его познания в искусстве не произвели на нее впечатления.

— Мистер Маклин сейчас будет. Ждите здесь. — Она проводила его к белому portalу, до которого было ярдов двести белого мрамора. — Хотите чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо, — ответил он.

И она свалила, бесшумно ступая в своих эспадрильях.

Джордж вошел в комнату, которая напоминала библиотеку, но без книг: окон нет, обшита деревом; кожаная мебель и несколько напольных глобусов, в том числе похожих на антикварные. Комната так разительно отличалась от вестибюля, что Джордж обернулся, желая удостовериться, что тот ему не приснился. Здесь было неуютно, он будто миновал прихожую наркобарона из Майами и очутился в тайном убежище лорда Уимзи ^[15]. Стены были увешаны картами в рамах; одна из них достаточно пожелтела от времени, чтобы соответствовать высунувшемуся из океана морскому чудищу. Джордж как раз изучал ее, когда вошли двое.

Первый был старше — очевидно, Маклин, — подтянутый, за шестьдесят, с густыми седыми волосами, недавно коротко остриженными; в черные брюки заправлена рубашка в красную клетку. Он казался мелковатым и явно положил жизнь на то, чтобы это компенсировать. Несмотря на возраст, его плечи выглядели крепкими, а живот — плоским. В нем не было ничего особенного, за исключением пряжки ремня. Ее было невозможно не заметить: большой стеклянный овал, в котором засел черный скорпион — похоже, настоящий, — он крепился к желтому войлоку и был оправлен в серебро.

Второй мужчина был выше, ростом примерно с Джорджа, но вдвое шире: из тех, кто только слегка раздается выше пояса, зато ниже бывает неохватным. На нем были слаксы цвета хаки с футболкой «Ред сокс — Потакет», заправленной под эластичный ремень. Голова — копия туловища: массивные подбородок и щеки, но суженный череп. Черные волосы зачесаны на сторону. Безупречно ухоженные усы.

— Деньги в сумке? — спросил старший, мотнув головой в сторону Джорджа.

Джордж кивнул и протянул сумку. Здоровяк неуклюже, как утка, приблизился, взял ее и протянул старшему.

— Обыщи его, Диджей, — велел тот.

Мужчина, которого называли Диджеем, повернулся к Джорджу и знаком велел поднять руки.

— Не возражаете? — осведомился он.

Тот ответил, что не против, и подчинился. Диджей быстро прохлопал его по бокам от лодыжек до подмышек. При этом он не нагнулся, а медленно припал на колени и так же неторопливо выпрямился. Сустав вятно щелкнул, и Джордж вздрогнул. Что они ищут — оружие или микрофон? Скорее всего, то и другое.

Пока проходил досмотр, Маклин поставил спортивную сумку на приставной столик, расстегнул ее и ловко перебрал пачки. Закрыв молнию. Джорджу почудился вздох.

— Чист, — доложил Диджей.

— Хорошо. Спасибо. Оставь нас на минуту.

— Деньги забрать?

— Не надо. Я сам.

Диджей вышел и закрыл за собой дверь.

Маклин сделал пару шагов по направлению к Джорджу. Было ясно: он не собирался проделать весь путь, чтобы пожать руку.

— Вы дружок Джейн.

— Да, он самый.

— Ненадежный статус, — заметил Маклин и безрадостно улыбнулся углом рта.

Джордж ощутил себя малышом, который впал в ступор перед взрослым. Маклин

вздохнул снова.

— Ну что же, присаживайтесь.

Джордж сел на стул с кожаной обивкой. Тот слабо скрипнул. Остро запахло ароматическим чистящим средством. Маклин присел на самый край дивана, будто не собирався задерживаться здесь дольше необходимого. Руки он положил на колени. Красное лицо под ежиком белых волос, щелочки глаз, практически безгубый рот. Джордж услышал, как газонокосильщик выключил свою машину, потом завел опять — до него донесся пронзительный вой пополам с жужжанием.

— Простите, запамятовал ваше имя, — повiniлся Маклин.

— Джордж Фосс. Мы с Джейн недолгое время вместе учились в колледже, много лет назад.

— Пусть будет Джордж Фосс. Я просто не исключаю, что имя вымышленное, но цепляться не стану. Еще, думаю, она устроила тебе ад, иначе бы тебя здесь не было.

— Думайте что угодно, но она моя старая приятельница, со студенческих лет.

Маклин фыркнул и взялся за переносицу.

— Разумеется. Но если она только однокурсница, какое вам дело?

— Просто оказываю услугу. Вам тоже, насколько я понял. Вам вернули деньги.

— Вернули часть моих гребаных денег.

— Правильно. А вы теперь отзовите Донни.

Тонкие губы Маклина вновь дрогнули в непроизвольной удивленной улыбке.

— Отозвать Донни? От кого? От вас?

— Нет. От Джейн. Он ей угрожал.

Маклин недоуменно свел брови.

— О ком вы говорите? О Донни Дженксе? Диджее?

Джордж вдруг растерялся.

— О типе, которого вы наняли, чтобы забрать у Джейн деньги. Мы с ним вчера виделись.

— Ну так вы и сегодня с ним виделись. Он только что вас обыскал. Дональд Дженкс. Диджей. Это мой сыщик. Я ни хрена не понимаю, о ком вы толкуете.

— Кто-то выдает себя за Донни Дженкса, — секундой позже сказал Джордж. — Вчера мы встретились.

— Как он выглядел?

Джордж описал.

— Не знаю такого. Небось приятель Джейн — запугивает вас, чтобы услужили ей.

— Это бессмыслица. Из-за него-то она и решила вернуть деньги.

Маклин сжал губы и снова стиснул переносицу.

— Она вам так и сказала?

Джордж выложил все, что знал: об угрозах и том, как этот человек преследовал Лиану от самой Атланты.

— Очевидно, он изучил вас достаточно, чтобы знать, что вы наняли для поиска денег человека по имени Донни Дженкс, и воспользоваться этим именем.

Маклин пренебрежительно щелкнул пальцами.

— Так или иначе, это не моя головная боль. Я не буду хуже спать, если какой-то наемный бандит вздумает затравить Джейн. Что-то мне подсказывает — это ее же происки. Не знаю зачем, но с нее станется.

— Вы получили деньги. — Джордж поерзал.

Он был готов уйти. Ему внезапно пришло в голову, что миниатюрный убийца, действовавший под именем Донни Дженкса, наверняка был человеком Маклина — подручным, в связи с которым тот признаваться не хотел; наняли его тайно. Маклин, мерзавец худшего сорта, прикидывался чистеньким.

Будто прочтя его мысли, Маклин уселся на диване чуть глубже, поднял руку и произнес:

— Позвольте мне сделать вам одолжение без всяких на то причин. Позвольте я расскажу о Джейн. Возможно, это и не изменит вашего к ней отношения, но, скорее всего, выйдем иначе.

Он посмотрел на часы — массивную металлическую бляху, что свободно болталась на худом запястье.

Джордж пожал плечами.

Маклин сел еще глубже.

— Как вы, наверное, знаете, у меня есть кое-какие средства. Не такие, как в «Волмарте»^[16], но хватает. Я дважды был женат. Первая жена умерла от эклампсии, родив мне единственную дочь. Это было тридцать семь лет назад. Ее звали Ребекка, у нее были черные волосы и голубые глаза. Волосы как смоль, а глаза даже не представляете, какие светлые. Она была сама поэзия — красивейшая женщина из всех, кого я знал. Мы познакомились в субботу, в Джорджии, за игрой в гольф. Она отлично играла. Сегодня уже была бы профессионалом, в числе лучших среди женщин, но тогда ей хватало быть моей женой.

Когда она умерла, я думал, что не вынесу этого, но выжил. А пятнадцать лет назад на благотворительном мероприятии в Бостоне встретил Терезу. У нее, как и у первой жены, были очень темные волосы и прекрасные голубые глаза. Она тоже уйдет в мир иной раньше меня. Она умирает сию секунду в этом самом доме. Вполне возможно, что ей остались не недели, а дни. Какова, по-вашему, вероятность заполучить двух жен, настолько похожих и с

такой жестокой судьбой? Не отвечайте. Вопрос риторический. Ответ на него таков: их гибель в столь юном возрасте — всего лишь очередная выходка паскудного невезения. Правда, любой психолог, который заслуживает своего почасового заработка, заявит, что их сходство объясняется моим влечением к брюнеткам с голубыми глазами.

Он выдержал паузу, пристально глядя на Джорджа и побуждая вмешаться. Джордж промолчал.

— И это возвращает нас к Джейн Бирн. — Старик дважды кашлянул, произнося это имя. — К особе, которая привлекает уже вас. Конечно, ее зовут не Джейн, но другого имени я не знаю. Я познакомился с ней на барбадосском курорте Кокл-Бей. Я был там по делам, а она работала на ресепшене. Поселила меня в номер. У нее, как у Ребекки и Терезы, были очень темные, почти черные волосы и голубые глаза. Мало того — у нее и прическа была как у моей первой жены — до плеч волосы и немного взбитые.

Маклин изобразил рукой волну. Жест в исполнении столь мужественного субъекта получился на удивление женственным.

— Теперь я знаю — ничто не ново под луной, старая мода возвращается, но она все равно напомнила мне о первой жене. Да я тогда ни о чем и не подозревал! С чего бы, скажите на милость? Зато помню, как подумал, что встретил потрясающе точную копию первой жены. Да не оскорбится Тереза... — Маклин возвел глаза к потолку, произнося ее имя, — ...но я повстречал вторую женщину красивее всех, кого знал.

Тем вечером я выпивал с моим сотрудником в одном курортном баре. Джейн вошла, устроилась за стойкой и взяла стакан вина. Я решил, что у нее конец смены и она еще не собралась домой. Она не смотрела в мою сторону, но — остается винить только себя — я подошел и представился. Себе сказал, что просто хотел сообщить ей о том, что она напомнила мне покойную жену и одним своим видом согрела старику сердце. Хотел излить душу и вернуться за свой столик. Но она оказалась разговорчивой, расспросила меня о жизни, о работе. Она пробыла на Барбадосе год, и ее уже тошнило, но ей нравились климат и люди. Мы проговорили до двух или трех часов ночи. Она жила в многоквартирном доме примерно в четверти мили по побережью, и я ее проводил. Она не то чтобы флиртвала, но проявила ко мне неподдельный интерес. Сказать по правде, я подумал, что девчонке хочется получить место в моей компании и она видит во мне шанс выбраться с Барбадоса.

Я пробыл на курорте еще дня три и каждый вечер выпивал с Джейн. В последний проводил ее, вручил визитку и заявил, что, если ей нужно место, могу поискать в корпоративной штаб-квартире. Помню, как она рассмеялась: «Неужели думаете, будто я пила с вами ради работы?» Я ответил, что да. В голову пришло именно это — а ради чего еще? Ну... Она поцеловала меня, и — да простит мне Господь — я сделал то же. Не поверите, но у меня было две жены плюс большая любовь в школе и еще одна в колледже, но я не изменил никому. Это сущая правда.

Он посмотрел на Джорджа, будто вызывая на спор. Тот почесал локоть.

— Дальнейшие подробности вам ни к чему. Однако я стал ездить на Барбадос при каждой возможности и очень скоро сказал Джейн, что лучше бы ей перебраться поближе ко мне, чем жить в четырех часах лёта. Она согласилась переехать в Атланту и стать моей личной секретаршей. Это было пару лет назад. Врачи Терезы менялись еженедельно, и каждый твердил что-то свое, а я все это время обустроивал для Джейн жилье в Атланте. Было довольно совестно, но не так, как сейчас. Не скажу, что Джейн меня околдовала, но оказалась близка к этому. Со мной никогда такого не было.

Маклин поскреб загривок. Джорджу на миг показалось, что он сейчас встанет и пойдет.

— В том, что Тереза умрет, нет сомнений, — все же продолжил старик, — и я был уверен, что, выдержав положенный траур, сделаю предложение Джейн. Это казалось естественным ходом событий. Затем случились две вещи.

Маклин поднял два пальца, будто заготовил презентацию.

— Во-первых, пришел высокопоставленный сотрудник моей компании и доложил, что однажды, засидевшись допоздна, заглянул в мой кабинет проверить, нет ли меня на месте. И застал там Джейн — она рылась в моих бумагах. Заявил, что и не вспомнил бы об этом, но она полностью вынула ящик и шарила в шкафу, словно искала что-то спрятанное — конверт или нечто прикрепленное изнутри. Вот тут нестыковка. Я и в самом деле прячу в шкафу код от сейфа. Обычно не пользуюсь, цифрам и здесь хорошо... — Маклин постучал себя по правому виску, — но для верности все-таки записал их на конверте и спрятал в одном из шкафов. Не помню, чтобы я хоть раз говорил Джейн о том, как прячу секретные бумаги, — но мог и сказать. Я не знал, как отнестись к услышанному. Загвоздка крылась в том, что, если бы Джейн действительно понадобился шифр, я был бы рад просто сообщить его.

После произошло еще кое-что. Однажды я остался у Джейн дома, и она зачем-то отлучилась. Не стану прикидываться, будто я не шпионил, но так уж вышло — я сидел за ее столом перед ее компьютером, вот и полез в ящик. Информации там было мало, но нашлось несколько фотографий, в том числе пара — с Барбадоса. Я понял, что они оттуда, потому что она стояла перед зданием на Кокл-Бей. Я решил, что фото довольно старые, потому что, во-первых, они были пленочными, а не цифровыми, а во-вторых, у Джейн были длинные мелированные волосы. Это ее полностью изменило. Я перевернул снимок — там был штамп с указанием даты. Фотографию сделали всего за месяц до моего появления на Барбадосе и нашего знакомства.

И все вдруг сошлось. Джейн знала, что я богат и собрался в Кокл-Бей. Должно быть, навела справки — погуглила или не знаю, что сделала и выяснила, что у меня было две жены. Уверен, она взглянула на их фото и перекрасилась, чтобы стать похожей на первую. Конечно, я не сумел бы доказать это в суде, да и не хотел. Но почувствовал себя дураком. Джейн ничего не сказал, но устроил проверку. Нанял... этого типа, чтобы покопаться в ее прошлом. Он ничего не нашел. Абсолютно. Не то чтобы ничего плохого, а вообще пусто. Джейн Бирн не существовала. Конечно, люди с таким именем отыскились, но среди них не было женщины, которую я знал. Никакого прошлого — ничего указывающего на реального человека.

Он снова умолк.

— Как же вы поступили? — спросил Джордж.

— Не отправился к ней рассказывать о своих подозрениях, потому что... не знаю почему... но сказал, что бдения при Терезе... умирающей Терезе... изменили мой взгляд на наши отношения и я должен их прекратить. Джейн знала, что я знал, — я заметил по ее глазам, что ей больше незачем притворяться. Она ответила, что исчезнет из моей жизни, а я сдуру решил, что необязательно выпроваживать ее из офиса в ту же минуту. Позволил остаться, пока не решит, что делать дальше.

Остальное вам известно. Она украла полмиллиона и скрылась. Я почти простил ее, почти забыл — не такие большие деньги, — но в памяти крепко засели черные волосы и голубые глаза, которые так напомнили мне жену, когда я впервые запал на нее.

Маклин прерывисто втянул воздух.

— Короче говоря, эта сука морочила мне голову с самого начала.

Выругавшись, он брызнул слюной.

— И потому вы наняли Дженкса.

Маклин поднял взгляд, сверкнув щелочками глаз.

— Да, я попросил Диджея разобраться, но вашего мелкого урода не посылал. Понимаю, вы подумали на меня.

— Я не знаю, что думать, — ответил Джордж. — Давайте просто сойдемся на том, что я вернул деньги — и делу конец. Отзовете, кого послали, и пусть Джейн живет как хочет.

Маклин снова издал непонятный звук, будто у него потекло из носа. Джордж вдруг подумал: а не трещит ли по швам этот внешне самоуверенный тип? Худоба и стальные глаза неожиданно обозначили не здоровье, а скорбь.

— Я велю Диджею прекратить ее поиски, но хочу увидеть Джейн. Всего раз — лицом к лицу. Она забрала мои деньги, а теперь присылает вас, чтобы вернуть часть. Так не пойдет. Я ничего ей не сделаю, просто хочу видеть. Передадите?

— Передам, но не уверен, что она согласится. Я не могу решать за нее. Она просила передать извинения. Не знаю, легче ли вам от этого.

— Просто скажите, что я хочу ее видеть, — пусть извинится лично. Она не может вечно прятаться. У меня достаточно средств, чтобы выяснить, кто она такая. И она это знает. Теперь уходите. Сегодня я уже слишком надолго покинул жену.

Маклин встал. Джордж тоже. Стоя Маклин казался меньше — и странным образом умалился еще. Джорджу пришлось сдержаться, чтобы не сделать и не сказать того, что естественно при знакомстве. Он не подал руки и не выразил соболезнований из-за жены. Джордж обдумал это упущение позже, но только из-за того, что случилось с Маклином вскоре после его ухода.

— Дорогу я найду, — сказал Джордж и вернулся в головокружительно-белый вестибюль.

Дональд Дженкс, он же Диджей, привалился к стене, занятый своим телефоном. Он коротко глянул на Джорджа, и тот кивнул, продолжая идти к двери. Шаги отдавались эхом. Снаружи ослепил дневной свет, перед глазами заплясали синие мушки. Джордж словно очнулся от чересчур глубокого послеобеденного сна.

Немного постояв, он направился к машине. Фургон озеленителей исчез. Должно быть, сделали дело, собрались и отбыли. Без них возле дома Маклина воцарилась жуткая тишина. Деревья стояли густо, скрывая другие особняки. Единственный звук — стрекотание неутомимых цикад в знойный августовский день.

Джордж и Лиана условились встретиться в китайском ресторане «Коулун» — громоздком монстре в пестрой череде ресторанов Согаса^[17]. Джордж добрался по девяносто пятому шоссе до первой магистрали; на парковку въехал в начале седьмого. Под ногами плавился асфальт; на пути к двухэтажному ресторану одолевали запахи фритюрных шкафов и глутамата натрия. По бокам входной двери высилось по белому изваянию с острова Пасхи, а сверху вырезали в дереве третье, еще больше. Название ресторана, написанное псевдополинезийским шрифтом, светилось красным в вечерней дымке.

Джордж миновал фонтан желаний в вестибюле; прошел мимо старой китайки, которая попыталась загнать его в комнату поменьше, а после пересек главный обеденный зал размером с футбольное поле и сплошь украшенный безвкусными изображениями Тики^[18]. Воскресный вечер только начался, но помещение было уже набито битком и наполнилось гулом подогретых ромом бесед, который состязался с однообразной музыкальной долбежкой. Джордж приблизился к стойке и сел на низкий стул, с которого было хорошо виден главный вход. Лиана обещала быть между половиной шестого и половиной седьмого; они договорились встретиться в баре. Он выбрал «Коулун», потому что это заведение было легко найти в нагромождении зданий на первой магистрали; вдобавок тут всегда былолюдно. Еще ему нравились здешние кисло-сладкие креветки.

Он заказал «Зомби» и стал ждать Лиану. Бар заполнялся. В углу засели две пары, взяв две «Скорпионьи чаши» на четверых. Мужчины были пузатые и в бейсболках «Ред сокс», а дамы — тощие, жилистые, с объемными прическами, которые были пискom моды году в восемьдесят пятом.

Коктейль прибыл.

— Горячее будете? — спросила Джорджа юная барменша, стоявшая чуть ниже его в углублении барной зоны.

Джордж ответил, что ждет человека, и отхлебнул из стакана. Хорошего мало, зато рома много. Вторым глотком он прикончил половину. Навесной телевизор показывал основные эпизоды бейсбольного матча: «Ред сокс» обладал преимуществом в три очка, но проиграл в овертайме. Джордж поглядывал туда, но больше следил за входом, гадая, придет ли Лиана вообще и что он скажет, если она появится.

Он собирался поведать о двух Донни Дженксах и о том, что человечек с мрачной улыбкой не работал на Джерри Маклина — во всяком случае, со слов самого Маклина. По пути из Ньютона в Согас Джорджу пришло в голову, что либо Лиана, либо Маклин сбивают его с толку и у него нет оснований верить обоим. Может быть, он понадобился Лиане не только для передачи денег? Поймал себя на том, что закусил и жуёт щеку. Пришлось успокоиться. Поручение выполнено — деньги доставлены. Теперь ему предстояло передать Лиане, если она появится, слова Маклина.

Чего Джордж не знал, так это стоит ли пересказывать ей известные события в интерпретации Маклина. Он не особенно нуждался в том, чтобы она опровергла эту версию, и не хотел слышать этого. Лиана способна на дурные поступки. Он не просто чувствовал это, а знал по фактам. Помнил, что она сделала двадцать лет назад, и хотя обстоятельства были совершенно ясны, всегда задавался вопросом, насколько спланированными были ее действия. Но если Маклин говорил правду (а сомневаться в этом причин было мало), то все,

что сделала с ним Лиана, она продумала заранее. Наметила в жертву богатого мужчину с большой женой — и тот влюбился. Из рассказа Маклина вытекало, что эта часть его падения объяснялась исключительно сексуальной одержимостью. Джордж сочувствовал ему. С тех пор как два дня назад он снова увидел Лиану, его самого затопили воспоминания об их недолгой связи. Она была у него первой — и лучшей. Они вместе научились всему. Казалось, они превратились в первопроходчиков, которые наткнулись в джунглях на неизвестные науке развалины и первыми узрели затерянный город. Позже он возвращался туда с другими исследователями, с туристами, но это было не то. Ничто не могло сравниться с восторгом открытия и полной совместимости, которые он испытал с Лианой.

Джордж допил «Зомби» и заказал «Фог-каттер». Посмотрел на его приготовление и решил, что коктейль мало чем отличался от предыдущего — другими были только стакан и сок. Взглянул на часы... И в этот момент вошла Лиана: в зеленом платье без рукавов; сумочкой помахивает, как стеклом. Она огляделась, заметила его и направилась к стойке.

— Как дела? — спросила она.

Села рядом, подозвала барменшу.

— Сначала закажи выпить, потом расскажу.

Лиана выбрала водку со льдом. Щеки покраснелись, лоб блестел, будто на встречу она мчалась.

— С какой новости начать — с хорошей или плохой?

— С хорошей, естественно.

— Хорошая в том, что я снова увиделся с Донни Дженксом и он тебя не тронет. Судя по виду, он мухи не обидит. Плохая — в том, что он не тот тип, который угрожал мне в Нью-Эссексе.

— О чем это ты? — Лиана вынула из стакана лимон, бросила на салфетку и отпила.

— Когда я прибыл, Маклин велел очень толстому человеку с усиками обыскать меня. Его зовут Донни Дженкс. В Коннектикуте тебе угрожал кто-то другой. Он же последовал за тобой сюда.

Джордж наблюдал за реакцией Лианы. Она взболтала водку, следя за кружением кубиков. На лице у нее застыло искреннее недоумение.

— По-твоему выходит, что тот Донни Дженкс — малыш Донни Дженкс — не работает на Маклина?

— Не знаю, что и думать. Может быть, какой-то независимый охотник? Узнал о деньгах и прикинулся Дженксом, чтобы отжать их у тебя. Очевидно, ты спутала ему карты, вернув деньги самому Маклину.

— Это возможно, но мне кажется, он все-таки работает на Маклина. Тот говорит вполне предсказуемо.

— То есть?

— Он никогда не признается, что нанял против нас такую скотину. Поэтому обзавелся законным сыскарем, который имитирует благопристойную деятельность, а тайно позвал настоящего сборщика. Это в его стиле: хочет выглядеть чистеньким.

— Все равно ерунда. Зачем второй назвался тем же именем?

— Не знаю. — Она отпила еще. — Господи, как я устала от этого! Он хотя бы оставит меня в покое?

— Это вторая плохая новость. Маклин велит Дональду Дженксу искать тебя дальше и выяснить, кто ты такая, — его слова, — если не согласишься на личную встречу.

— Ясно. Зачем?

— Понятия не имею. На самом деле ему не хочется, но ты, как сама говорила, достала его всерьез. Он не даст тебе соскочить с крючка.

— Но деньги-то он взял?

— Взял.

Лиана вздохнула.

— Что еще сказал Маклин? Выкладывай!

Джордж рассказал ей все с самого начала. Описал и дом, и молодую женщину, которая его впустила, и рассказал подробнее о частном детективе Диджее, и поведал, как Маклин заставил его ждать в обшитой деревом комнате, напоминавшей кабинет из романа о Шерлоке Холмсе. Затем повторил рассказ Маклина о его женах и даже сообщил о сотруднике, который засек Лиану, когда та рылась в шкафах.

— Филип Чанг, — подхватила она. — Ничего удивительного. Я и правда искала шифр, но только затем, чтобы положить туда кое-какие документы. Джерри назвал бы комбинацию, если бы я попросила.

— Он сказал то же самое.

Джордж завершил рассказ, поведав без утайки все, кроме части о крашенных волосах и того, как Маклин заподозрил, что дело изначально было неладно. Он знал, что Лиана будет это отрицать, и не хотел выслушивать опровержения. Боялся не поверить.

— Каким он тебе показался? — спросила она.

— Нормальным. Явно не тот, с кем можно шутки шутить, но и на злодея не похож. По-моему, тебе лучше ему поверить, навестить и извиниться. Надеюсь, тогда он позволит тебе жить как жила.

— А как я жила?

— На Барбадос не вернешься?

— Могла бы, но не уверена, что хочу.

— Наверняка есть другие места, где ты оседала с тех пор... как мы в последний раз виделись.

Она изучала жидкость в стакане — той осталось на доньшке. Но взгляд подняла и встретила им с глазами Джорджа. Он заметил проблеск злобы, быстро сменившейся чем-то другим: быть может, печалью или раскаянием.

— Надоело каждые три года начинать жизнь заново. Я не ищу сочувствия, потому как сознаю, что сама во всем виновата. Во мне не осталось ничего от девушки, которую ты знал. Я попала в ловушку и натворила ужасных дел, чтобы выбраться, а теперь буду расплачиваться всю оставшуюся жизнь. — Она тихо рассмеялась, и возле глаз обозначились морщинки. — Ладно, не буду лукавить, я все-таки ищу сочувствия. Уа, уа! Бедная я, бедная! Клянусь, быстрее мне не поплыть, это предел. Я просто охренеть как устала убегать. Все это время не прекращаю гадать, какой была бы моя жизнь, если бы я сдалась и отправилась за решетку. Небось уже вышла бы, да под своим именем.

— Можешь сдать сейчас, — предложил Джордж.

— Я думала об этом. Но перспектива снова поехать во Флориду невыносима, а суд будет там. Я больше, знаешь ли, туда не возвращалась.

— Я бы и не подумал иначе.

Они немного помолчали. Джордж хотел расспросить Лиану, выяснить, сколь многое из произошедшего во Флориде было совершено нарочно и в какой мере прочее являлось

кошмарной случайностью — но не мог заставить себя сделать это. Он смотрел, как Лиана опрокидывает стакан и в рот ей скользит ледяной кубик.

— Чего ты хочешь? — спросил Джордж. — Я имею в виду — прямо сейчас? Поесть заказать?

— Я голодная как волк! Давай просто посидим, выпьем, перекусим чем-нибудь экзотическим и поговорим о чем угодно, только не о Джерри Маклине.

— Конечно.

— Может, расскажешь о себе?

— Это довольно скучно.

— Поведай о той симпатичной женщине, с которой сидел в баре. Интересная дама.

— Это Айрин.

— Твоя подруга?

— Время от времени. Запутанная история.

Джордж зыркнул в сторону барменши и попросил повторить, и еще подать большое блюдо жирных закусок. Лиана тем временем толкнула по стойке пустой стакан, выпрямила спину и заправила волосы за уши. Потом повернулась и улыбнулась.

Они просидели несколько часов, перейдя на пиво «Циндао» и заказывая блюда только с огня. Джордж рассказал о своей жизни после окончания колледжа, работе в журнале, матримониальных взлетах и падениях. Описал он и последние три года в Мазер-колледже. Джейн помнила всех. Джордж рассказал все, что знал, об Эмили и своих соседях по этажу на первом курсе. Его удивило, как много мелочей он вспомнил, а вдвойне — интерес к ним со стороны Лианы. Он предположил, что она будто слушала о собственной жизни, какой та была бы, обернись все иначе.

Когда они наконец покинули лишенный окон ресторан, снаружи стояла тьма и барабанил упрямый летний дождь. Вдалеке прогремел гром.

— Где твоя машина? — спросил Джордж.

— Примерно в миле отсюда. Вон там.

Они бегом пересекли парковку, теперь полупустую. Лиана нашла свой «фольксваген». Джордж стоял рядом, пока она отпирала дверь. Перед тем как распахнуть ее, Лиана развернулась, упала в его объятия, и их губы встретились. Джордж выкинул из головы все былые сомнения и сосредоточился на чувствах: влажные поцелуи; дождь льется на голову и спину, а спереди, где прижимается Лиана, тепло и сухо. Он положил руку ей на щеку. Она прижалась еще теснее, поцеловала его в шею.

— Поедем к тебе?

— Хорошо. — Больше ему сказать было нечего.

— Я ничего не начинаю заново.

— Знаю, — ответил Джордж.

Лиана отстранилась и села за руль.

— До нитки, — сообщила, отводя с лица мокрые пряди.

— Мне ехать помедленнее, чтобы ты поспевала?

— Сама соображу. Далеко отсюда?

— В получасе. Буду ждать на месте.

Джордж пошел обратно к своей машине. Дождь усилился; он выбивал белую дробь на припаркованных авто, превращая стоянку в мелкое темное озеро. Под навесом «Коулуна» ютились женщины, дожидаясь, когда подъедут мужья.

По дороге домой Джордж старался особо не думать. Ливень хлестал, и бостонские водители, пасуя перед его силой, соблюдали скоростные ограничения. Джордж подкрутил колесико радио влево и поймал станцию, где пел Соломон Берк^[19]. Было мокро, он поерзал на спортивном сиденье и ощутил болезненный укол в области почки. Когда это было? Казалось, с тех пор прошли месяцы. Обгонявшие «сааб» машины пронзали потоп снопами света. В какой-то из них могла ехать к нему Лиана. Он сомневался, что она и правда появится, но не был уверен и в обратном. Не был уверен ни в чем. Возможно, Маклин ошибся в ней и все это время ей лишь хотелось начать новую жизнь, а крашенные волосы — совпадение. Лиана украла его деньги, но только после того, как он ее предал, как перестал ей верить. И отдала их, в конце-то концов. Джордж вспомнил вдруг о десяти тысячах, которые пыталась всучить ему подруга. Они еще при ней? Сумма была большая и радикально изменила бы его жизнь, но мысли о деньгах быстро преобразовались в размышления о Лиане — об их недавних поцелуях и о том, что она возвращалась к нему домой.

Его, правда, смущала одна неувязка — он усиленно старался не думать об этом. В «Коулуне» Лиана спросила об Айрин, его симпатичной спутнице в пятничный вечер... назвала ее интересной... Джордж никак не мог взять в толк, когда Лиана успела рассмотреть Айрин. Следила за ними весь вечер? Тогда почему не подошла? Говорила же, что явилась в бар, надеясь встретиться с ним. Возможно, хотела, чтобы он первым заметил ее? Планировалось ли это? И если да, то почему было так важно, чтобы деньги вернул Джордж?

Все эти мысли улетучились, когда он припарковался, вошел в проулок и застал Лиану под просевшим задним навесом. Без единого слова они опять начали целоваться. Она крепко обняла его за поясницу, причинив острую боль, которую он проигнорировал.

— Наверх, — прохрипел Джордж.

В маленькой прихожей — Нора сразу принялась тереться о его лодыжки — он сорвал с Лианы всю одежду. Несмотря на ночную жару, ее влажная кожа была прохладной и в мурашках. Они направились к кушетке. Лиана вытянулась, а он старался поскорее раздеться, но мокрые вещи липли к телу. Нора, жалобно мяуча, последовала за ними. Джордж подхватил ее, отнес в свою спальню и закрыл дверь. Пусть потом мстит — есть вещи, которые не полагается видеть ревнивым кисам.

Джордж вернулся к кушетке. Лиана была почти такой же, какой он ее помнил: высокие округлые груди с большими розовыми сосками, едва различимая вишневая родинка на правом бедре — он опять ощутил себя восемнадцатилетним девственником, впервые узревшим ее обнаженной. Голый, дрожа и нервничая, он постоял рядом. Она перехватила его взгляд, потянулась и погладила левой рукой; другой скользнула себе между ног. Ее темные лобковые волосы были острижены короче, чем он помнил. Она увлекла его на себя и ласково куснула за ухо. По шее прошел электрический разряд. Джордж вошел в нее одним глубоким толчком, от которого оба ахнули и выгнулись.

После второго звонка в дверь Джордж перекатился по пустой постели и сел, едва соображая. Лианы и след простыл. Единственным признаком ее ночевки были перекрученные простыни и влажный запах секса, все еще стоявший в помещении. Часы показывали девять утра, и Джордж испытал укол тревоги. Понедельник. Он должен быть на работе. Может, это из офиса? Но нет, звонили не по телефону — в дверь.

Джордж встал. Возможно, Лиана поднялась раньше и ушла завтракать. Ключ она, конечно, не взяла.

Надев халат, он заметил на бюро пачку купюр. Машинально тронул их указательным пальцем — верхняя была пятидесятидолларовой, — но оставил лежать, где были. Темы десятитысячного гонорара так и не коснулись — Джордж не думал о нем с того момента, как они с Лианой вернулись в квартиру и избавились от одежды. Звонок повторился, и в животе шевельнулся страх. Деньги на бюро означали, что Лиана ушла. Кто же стоял за дверью? Он пересек гостиную, взялся за ручку и спросил, кто там.

— Полиция. — Приглушенный женский голос.

Отворив дверь, Джордж увидел мужчину и женщину. Последняя быстро продемонстрировала значок, прикрепленный к ремню. Жест показался излишним, так как оба были в форменных брюках и доверху застегнутых рубашках, а потому могли быть только копами.

— Джордж Фосс? — спросила женщина.

— Угу.

— Я сержант уголовной полиции Роберта Джеймс, а это мой напарник, детектив Джон О'Клер. Мы можем поговорить? Вы не против, если мы войдем?

Детектив Джеймс была ростом с Джорджа, лет под сорок. Светло-коричневая кожа, короткие тугие кудри. Лицо вытянутое, с острыми скулами. Ее напарник О'Клер был моложе, но с сединой. Квадратное лицо чисто выбрито, здоровенный кадык. И чуть покачивался на пятках.

— Прошу прощения. Можно узнать, в чем дело?

— Есть вопросы по поводу вашего вчерашнего визита к мистеру Джеральду Маклину. Вы были у него вчера днем?

Джордж долю секунды помялся, прикинув, не изобразить ли непонимание, но это показалось лишним, а то и глупым.

— Был, но я не...

— Мы просто хотим задать несколько вопросов.

— Я в растерянности. Я почти не знаю Джерри Маклина. Мы познакомились вчера... Это он вас послал?

— С чего бы ему нас посылать? — осведомилась детектив Джеймс с видом малого ребенка, который спрашивает, когда можно распаковать подарок.

— Извините. Не с чего. Наверно, меня просто сбил с толку ваш приход, — произнес Джордж, одновременно сознавая, что лучше заткнуться и предложить полицейским войти.

— Мы пришли, потому что ночью Джерри Маклина убили.

Она замолчала. Джордж смотрел сериал «Закон и порядок» и знал, что детективы изучали его реакцию первых минут. Ощутил себя актером, позабывшим роль. Его

захлестнуло необъяснимое чувство вины, и он криво улыбнулся:

— Где?

— Можно войти в ваш дом, мистер Фосс? Или, если вам так удобнее, давайте проедем в участок.

— Нет, входите. — Джордж посторонился, плотнее запахивая халат, надетый на голое тело.

Он вдруг почувствовал себя обнаженным и смутился.

Когда детективы вошли в гостиную, Джордж глянул в приоткрытую дверь ванной, выискивая следы пребывания Лианы.

Роберта Джеймс заметила, что он озирается.

— В доме есть кто-то еще?

— Нет. — Джордж внезапно уверился, что это правда.

Лиана давно ушла. Опять.

Глава 10

Автобусная станция благоухала жареным беконом и застарелой мочой. В кассе Джорджу сказали, что через час отходит автобус в федеральный округ Колумбия, где он может пересест на другой до Тампы — Одри жила в часе езды на юг от нее, в городе Суитгам, штат Флорида.

Он взял место сзади, за что и поплатился: дверь туалета была неисправна и постоянно моталась и хлопала.

Голова гудела от выпитого вчера пива. Он встал спозаранку, собрался тихо, хотя вряд ли разбудил бы Кевина: тот храпел, как медведь, сраженный дротиком со снотворным. Оставил записку:

«Уезжаю. Не волнуйся. Днем позвоню родителям».

Джордж вынул из сумки свитер и несколько раз сложил, чтобы получилась подушка, после чего до самого Вашингтона то проваливался в беспокойный сон, то выныривал оттуда. Он съел половину чизбургера в «Макдоналдсе», затем направился к строю телефонных автоматов позвонить родителям по карточке, которую те дали ему еще в сентябре. Отец был на работе, а мать, как он надеялся, — на ланче с кем-нибудь из подруг. Не повезло: она сняла трубку.

— Джордж, что случилось? Почему ты звонишь?

В его семье не было принято часто звонить друг другу.

— Мам, помнишь, я рассказывал тебе о девушке по имени Одри Бек?

— Нет, но верю на слово.

Он объяснил, что произошло, — и вызвал у матери череду вздохов.

— Какая потеря! — произнесла она так, словно лично знала Одри. — Но больше всего, милый, меня беспокоит ты. Не хочу, чтобы это отразилось на твоей учебе. Это должно быть счастливое время.

— Не волнуйся, мам!

Он не мог признаться, что собирался пересест на ночной автобус до Тампы. Если его хватят в колледже, то обязательно уведомят родителей. А пока этого не случилось, сам он будет помалкивать.

— Мам, позвоню через неделю. Все будет хорошо.

— Не сомневаюсь в тебе, Джордж.

Всю вторую часть путешествия он, устроившись в середине автобуса, ел яблоки и глазел на унылые южные магистрали. Рылся в памяти, пытаясь найти хоть намек на суицидальные настроения Одри, но тщетно. Создавалось впечатление, что она была не очень довольна ситуацией дома — девушка не хотела рассказывать, но Джордж уловил ее расстройство. Что же случилось? Почему успешная первокурсница исполнилась такого отчаяния, что наложила на себя руки?

Джордж постарался вспомнить каждую мелочь их последних дней вместе. Они покончили с экзаменами в промозглое утро четверга, когда половина колледжа уже разъехалась по домам. Столовая не заполнилась и на четверть. Джордж и Одри сидели в одиночестве за столом на десятерых. О чем они говорили? Джордж помнил, что обсуждали бефстроганов — не приготовили ли его из объедков перед закрытием кухни на месяц. Еще он вспомнил, что слегка раздосадовал Одри своей непрерывной тревогой из-за

того, что она собиралась проехать за рулем все двое суток пути из Новой Англии во Флориду. Джордж был уверен, что это опасно, а Одри твердила, что уже сделала это, когда прибыла, — сделает и второй раз. К тому же ей не хватало денег на две ночи в мотеле. Он предложил заплатить, а то и помочь доехать до Флориды, зная, что она откажется. Пospорив какое-то время, Одри закончила разговор обычным для нее образом: «Психуй сколько влезет, а я все равно сделаю по-своему». И он отступился.

В тот вечер они собрали вещи — порознь, каждый у себя; потом переночевали у Одри, а на рассвете их пути разошлись. Джордж помнил сырой и холодный воздух раннего утра и черный лед на тротуаре. Он проводил Одри до ее серебристого «форда-эскорта» с бампером, укрепленным изолентой. Она завела мотор и включила ненадежную печку на максимум, затем вышла. Они обнялись на прощание.

— Будь осторожна, — сказал ей Джордж. — Я тебя люблю, — добавил он, сам того не желая.

Он произнес это впервые.

— Я тоже люблю тебя, Джордж, — отозвалась она без колебаний. — Скоро увидимся.

Джорджу запомнилось, что его возлюбленная выглядела исполненной надежд. Почти возбужденной, будто ее жизнь только что наладилась, а станет еще лучше. Или он приписал Одри свои чувства? Ворошил былое, пока не осознал, что больше не может полагаться на память.

Автобус размеренно катил на юг. Ясные небеса и мороз Новой Англии сменились тучами и ледяными дождями. Наступила ночь. Джордж включил светильник. Открыл «Вашингтон-сквер», но от одного взгляда на книгу, от одного ее присутствия в руках ему стало тошно. Она навсегда останется той, которую он читал, когда услышал о смерти Одри. Сунул ее в карман за сиденьем и больше не прикоснулся.

Несмотря на неспособность Джорджа читать и спать, утро наступило и женщина-водитель объявила, что они все еще на девяносто пятом шоссе и въехали в Джорджию. Туманные поля, простиравшиеся по обе стороны, были бесснежны, на деревьях сохранилась пожухлая листва. Джордж прижал к стеклу ладонь: прохладное, но не холодное, и морозные узоры минувшей ночи сменились мелкой россыпью конденсата.

На остановке купил большой пластиковый стакан кофе и два пончика с медовой глазурью. Он впервые с тех пор, как услышал про Одри, по-настоящему проголодался. Он прислонился к автобусу и, жуя пончик да наблюдая за бледным солнцем, которое нагревало почти пустую асфальтовую площадку, задумался над тем, что будет делать, когда доедет до Тампы. Он был слишком молод, чтобы взять напрокат машину, но прихватил достаточно денег из студенческого банкомата, чтобы доехать на такси до самого дешевого мотеля в Суитгаме. Там решит, как быть дальше. Можно позвонить родителям Одри, попросить о встрече. Выяснить, когда похороны. Найти ее друзей и поговорить с ними. Что случилось с Одри после отъезда из колледжа, из-за чего она решила покончить с собой? Оставила ли записку? Была ли причина?

Женщина-водитель бросила недокуренную дамскую сигарету в канаву и объявила, что стоянка закончена. Джордж последовал за ней в автобус.

В Тампе, под низким белым небом, было тепло — под семьдесят [20]. В воздухе пахло дегтем и приливом. За автобусной станцией притулилось одинокое проржавевшее такси. Латиноамериканец-шофер выставил в окно локоть и положил голову на руку. Вроде как задремал.

— Сколько до Суитгама? — спросил Джордж.

— Зачем тебе туда?

— Сколько стоит?

— Не знаю. Восемьдесят баксов.

— Шестьдесят, и ни центом больше, если довезете до мотеля.

Таксист посмотрел на часы.

— Ладно, — сказал он.

Джордж с сумкой забрался на заднее сиденье.

Между лопаток медленно поползла струйка пота. Такси пересекло жуткий мост, протянувшийся над заливом Тампа. Вдали в облаках наметился разрыв, и солнце выделило на серой воде островок света. Когда Тампа осталась позади, скрылся и океан, а вдоль шоссе замелькали мотельные указатели — выше здоровенных пальм, — россыпи ресторанчиков, бензоколонки и топлес-клубы.

Одри редко заговаривала о своей жизни до колледжа, но о родном городе рассказывала.

— Я бы взглянул, — сказал Джордж однажды.

Она рассмеялась:

— Там не на что смотреть. «Вафли-Хаус» и ломбард.

— А тебе что нравилось?

— Уехать оттуда. Вот я, а вот тихая жизнь в захолустье. — Развела указательные пальцы на три дюйма.

Едва доехав до Суитгама, таксист остановился возле мотеля, где рекламировали номера по \$29.99 за ночь. Тот приютился между рестораном «Шони» и магазином подержанных автомобилей. Над ним нависал щит с рекламой заведения «У Билли» в четверти мили по шоссе, где продавались фейерверки и апельсины.

— Подождете, пока я не узнаю, есть ли места?

Водитель глянул в пассажирское окно на ряд пустых парковочных мест перед виниловой стеной мотеля.

— Думаю, найдутся.

Заплатив шестьдесят долларов, Джордж через парковку дошел до администрации. День уже близился к вечеру, но было еще тепло, и он сообразил, что забыл шорты.

Мотель взимал плату за две ночи вперед. Он заполнил анкету, пропустив пункт, касающийся транспорта.

— Без машины? — спросила дежурная, желтолицая старуха с черными зубами.

— Без машины, — кивнул Джордж. — Как посоветуете осмотреть Суитгам?

— На машине.

— Будто я могу взять ее напрокат. Мне нет двадцати пяти.

— А сколько же тебе должно быть, чтобы взять машину? — рассмеялась она. — Постучись к Дэну в соседнюю дверь. Может, он одолжит тебе за наличку свою жестянку. Так сколько же тебе?

— Восемнадцать.

— Что ж, на столько и выглядишь.

В его номере обнаружили бежевый ковер, кровать под блескучим цветастым покрывалом и стены с убогими обоями. Переднее окно, выходившее на парковку и съездной пандус, было забрано грязной венецианской занавеской; заднее было открыто и вмещало кондиционер, сейчас выключенный. Джордж бросил на постель сумку, разделся и принял

душ.

«Я в городе Одри, — подумал он под струями, хлеставшими по загривку. — Может быть, все это ошибка и она здесь, живая, поправляется в больнице». Эта мысль, его тайная надежда, давно жила на задворках сознания. Вытершись, он посмотрел в зеркало, с которого уже сошел пар: прямые каштановые волосы, когда чересчур отрастали, завивались подобно крылышкам. Непримечательное лицо; возможно, нос крупноват, но его компенсировала ямочка на подбородке. Глаза светло-карие, оттенка пакетов для бакалеи. В это лицо какие-то недели тому назад смотрела Одри. О чем она думала? И где теперь эти мысли? Попробовал ощутить ее присутствие, но не смог.

Он натянул джинсы «Левис» и темно-зеленую футболку с желтыми поперечными полосами. В верхнем ящике прикроватного столика оказались гедеонова ^[21] Библия и телефонный справочник. В Суитгаме нашлись два Бека: К. Бек и Сэм с Патрицией. Он выбрал Сэма и Патрицию, зажег сигарету и набрал номер. Ответил мужчина.

— Мистер Бек?

— Кто вы?

— Здравствуйте, это Джордж Фосс. Я был близким другом вашей дочери. В Мазер-колледже. Не знаю, говорила ли она обо мне...

— Может быть, жене... Я, поверьте, не слышал.

— Меня буквально раздавило случившееся.

— Ну, ясно.

— Хотел спросить... Я приехал во Флориду... Я хотел узнать, нельзя ли прийти поговорить с вами и вашей женой?

— О господи! Подождите минуту.

— Это какой-то кавалер! — услышал он крик отца Одри. — Хочет явиться сюда.

Джордж втянул ноздрями воздух и нервно зевнул.

— Кто вы, солнышко? — раздался после щелчка женский голос.

— Джордж Фосс. Я знал вашу дочь по Мазер-колледжу.

Он услышал новый щелчок — наверное, мистер Бек положил трубку. Джордж представил миссис Бек в спальне, с фотографией Одри в рамке на коленях.

— Джордж, дорогой, неужто вы приехали из самого Коннектикута? Как это славно!

Она, похоже, была выпивши — малость сбилась на слове «славно».

— Я хотел выяснить насчет похорон. Если только не опоздал...

До него донесся вздох — а может, это выдохнули дым.

— Будут похороны. Будут. Но мы хотим похоронить нашу крошку, а они сейчас говорят, что нельзя... О боже... — Ее голос чуть дрогнул на слове «похороны» и дал откровенного петуха на слове «крошка».

— Извините, — сказал Джордж. — Наверно, мне не следовало звонить.

Ответили не сразу. Он уж собрался просто повесить трубку, когда снова заговорил мистер Бек.

— Кто это?

— Все еще я. Джордж Фосс.

— Тьфу ты, черт! Так чего вы хотели?

— Простите, сэр, не знаю толком. Надеялся побывать на похоронах; может быть, увидеться с кем-то, кто хоть догадывается, что стряслось. Попытаться понять. — Слова лились, и только; он решил сменить тему. — Я с цветами. Можно занести?

— Может, завтра, — ответил мистер Бек после очередной паузы.

— Спасибо, сэр. Я приду.

Джордж положил трубку и повалился на постель в изнеможении. В висках стучало, плечи стали ныть от напряжения. Он хотел есть — после двух яблок на ланч во рту не было и маковой росинки. Подумал, не пойти ли в соседний «Шони» съесть гамбургер и выпить молока. Но чем яснее становилось необходимое для этого усилие, тем больше он уставал. Утомление победило голод, и Джордж забрался под колючее одеяло, подтянул под грудь вторую подушку и провалился в долгий сон без сновидений.

На следующее утро, позавтракав в «Шони» яичницей-болтуньей и гритс ^[22], Джордж пересек уже сверкавший асфальт и подошел к «Центру торговли поддержанными автомобилями» Дэна.

— Чем могу быть полезен? — осведомился розовощекий крепыш в песочного цвета костюме.

Джордж уже отрепетировал речь за завтраком.

— Я попал в затруднительное положение, — кашлянув, ответил он, — и решил, что вы можете помочь.

Губы мужчины обескровила тонкая улыбка.

— Отлично, сынок, слушаю внимательно.

— Мне всего восемнадцать. На пару дней нужна машина. Возьму любую. Оставлю родительскую кредитку. Вожу очень хорошо. А заплатить могу наличными.

Мужчина рассмеялся.

— С этого бы и начинал! — Он запрокинул голову и резко выдохнул через ноздри, заросшие темными волосами. — Скажу тебе вот что: я могу сделать еще лучше. Мой работник болеет уже одиннадцатый день, и у меня напряг.

Он выплюнул слово «работник», как будто распробовал скверный стейк.

— Нужно передать бумаги и заручиться парой подписей, и все до полудня. Сделаешь — получишь тачку, но при условии, что она не выедет из графства Манати.

— Идет, — согласился Джордж. — Правда, я здесь не ориентируюсь.

— Сынок, ты карту читать умеешь?

Машина оказалась отделанным винилом и деревом «бьюиком-ле-сабре»; ее слегка заносило влево. Получив карту и кое-какие письменные инструкции от мистера Дэна Томпсона, Джордж миновал коровьи пастбища и суитгамский недострой, пересек реку Дахун и очутился в Чинкепине. В этом городке хотя бы имелось некое подобие центра: несколько пятиэтажных шлакобетонных зданий, стоявших в тесном соседстве. Он доставил бумаги страховому агенту, контора которого была зажата между ломбардом и магазином поддержанных вещей, а затем посетил пожилую пару на Сивью-Трейлер-корт, которая покупала для внука «додж» за \$575. Вернувшись в Суитгам, он нашел в стрип-молле ^[23] цветочный отдел и приобрел десятидолларовый букет, который, сказали, годился для похорон.

Везя мистеру Томпсону заверенный подписями дубликат, Джордж мучил кондиционер, производивший много шума, а не прохлады, и представлял, как мистер Томпсон предложит ему полную ставку. Он согласится и станет продавцом мирового класса, лучшим в графстве. Поселится в мотеле, будет питаться в «Шони» и ежедневно носить цветы на могилу Одри. Отчий дом в Массачусетсе и учеба в Мазер-колледже с годами превратятся в

далекие воспоминания. Джордж усмехнулся и прикурил от автозажигалки, почерневшей от тысячи сигарет.

Мистер Томпсон был занят с клиентом, а потому Джордж положил бумаги ему на стол и проехал сотню ярдов до своего номера, чтобы сменить пропотевшую рубашку на свою последнюю чистую одежду — оксфордскую футболку в тонкую полоску.

Он взял цветы, уже поникшие от жары, и вернулся к «бьюику». Изучив карту, выяснил маршрут до дома родителей Одри. Проехал мили две и заметил пару раскрашенных в коралловый цвет столбов, что приветствовали гостей на Дип-Крик-роуд — полосе асфальта с недавними, уродливой формы заплатами черного гудрона. Дома на Дип-Крик-роуд были в основном двухэтажные, с пестрыми палисадниками; казалось, что крохотные домики со ставенками сперва налепили друг на дружку, а после выкрасили в какой-то тропический цвет — розовый, или морской волны, или изредка ядовито-зеленый.

Номер триста пятьдесят второй был цвета морской волны; зеленый дворик и пальма высотой до крыши ничем не отличались от прочих. Но на обочине была припаркована полицейская машина.

Джордж затормозил позади и выключил двигатель. Направился к двери. Стискивая в кулаке цветы, постарался как мог не смотреть на двухместный гараж, где Одри провела свои последние минуты, вдыхая угарный газ.

Дверь открыл полицейский в форме.

— Вы тот малый из Мазер-колледжа?

— Он самый.

Прыщавый страж порядка с усиками, едва ли намного старше Джорджа, мотнул головой вправо.

— Заходите.

Джордж последовал за ним в гостиную, что находилась в задней части дома. Диван-уголок и два ледериновых кресла стояли вокруг музыкального центра и телевизора величиной с приличное бюро. Ближнее кресло занимал долговязый мужчина в грубой рубашке, заправленной в джинсы. Кожа у него была в остинах, а редкие светлые волосы — почти белы. Мистер Бек. Его жена, мать Одри, расположилась на диване. Она тоже была в джинсах, в них заправила черную шелковую блузу. Под последней четко просматривался жировой валик, подпертый чересчур тесными брюками. Волосы тоже были светлые, но цвет выглядел ненатуральным. Она держала бокал с розовым вином.

Рядом сидел пожилой человек в изысканном сером костюме. Кожа под ежиком седых волос была кирпично-красной. Лицо, казалось, сперва расплющили, а после восстановили, зажав в тиски. Джордж принял его за деда Одри.

Джордж обошел тщедушного копа и протянул цветы миссис Бек. Та изучила его припухшими глазами.

— Глубоко соболезную, миссис Бек. Это вам.

Мужчина в костюме встал, оттолкнувшись правой рукой от подлокотника. В левой он держал кружку с кофе.

— Робби, это он?

Он обратился к полицейскому.

— Ага.

— Это ты кавалер из Мазер-колледжа?

Все посмотрели на Джорджа, и он почувствовал, что нужен некий жест: спич о

любви к Одри или бурное выплескивание чувств. Вместо этого он кивнул. Зачем здесь полиция?

— Как тебя зовут?

— Джордж Фосс.

— Так-так. Я детектив Чалфент. Это офицер Вильсон. Присядь, у нас есть несколько вопросов.

Джордж сел на край свободного кресла.

— Я не совсем...

— Об этом не беспокойся, — перебил его детектив в штатском. — Через минуту я все объясню. Как ты сюда добрался, сынок?

— Автобусом.

— Автобусом от Коннектикута до Суитгама не доедешь.

— Я доехал до Тампы, взял там такси, а потом позаимствовал машину. На ней сегодня и прибыл.

— Значит, у тебя здесь знакомые? Ты уже бывал тут?

— Нет. Ни разу, — возразил Джордж. — Я взял машину у мистера Томпсона из магазина поддержанных автомобилей. Оказал ему небольшую услугу, и он ее одолжил. У меня неприятности?

— Никаких, Джордж. Мы просто стараемся разузнать все, что может объяснить случившееся с Одри.

Джордж зыркнул в сторону огромного телевизора, на котором сгрудились фотографии в рамках. Впереди, по центру, стояла карточка Одри — похоже, с выпускного. Осознав, что прежде не видел ее фотографий, он, не спросив, поднялся и подошел к телевизору. При близком рассмотрении оказалось, что это не Одри, а просто девушка, немного на нее похожая, — с темно-русыми волосами, собранными в высокую прическу. Ей было лет восемнадцать, и она показалась бы симпатичной, если бы смыть зеленые тени. Губы бантиком, темные брови.

Джордж изучил другие снимки. Там было несколько портретов той же девушки школьных времен, но ни одной фотографии Одри.

— Можно, Джордж, смотри.

Это сказала мама Одри.

Джордж, сконфуженный, обернулся.

— Узнаешь эту девушку? — негромко спросил подошедший сзади детектив Чалфент.

— Нет. Виноват. А должен?

— Точно? — Детектив оглянулся и посмотрел на родителей.

Мысли Джорджа пустились вскачь. Он что, ошибся домом?

— О боже! — Миссис Бек чуть подалась вперед и забормотала что-то невнятное.

Мистер Бек встал, пересек комнату тремя широкими шагами, остановился и повернулся.

— Черт побери, — сказал он.

— Извините, — проговорил Джордж. — Я запутался. Чей это портрет?

— Одри Бек, — ответил детектив.

— И как ее звали? — спросила детектив Роберта Джеймс, держа шариковую ручку над нераскрытым блокнотом.

Приняв приглашение сестры, она устроилась на кушетке Джорджа. Ее напарник О'Клер предпочел стоять. Он все еще чуть заметно покачивался на пятках и осматривал жилище Джорджа, будто искал грызунов.

Пригласив их войти, Джордж выгадал немного времени, чтобы сходить в ванную натянуть футболку и джинсы. Там взял оставленную Лианой пачку денег и затолкал подальше в ящик с бельем. Рассудок еще буксовал от недосыпа, внезапного исчезновения Лианы и известия об убийстве Маклина. Все было взаимосвязано — он это отлично понимал. Подставили либо его, либо Маклина; Лиана ушла спозаранку, потому что знала или по меньшей мере подозревала о скором прибытии детективов. И все же, медленно надевая футболку, он прикинул, как ему, когда начнется допрос, защитить Лиану и одновременно защититься самому. Понимал, что поступает глупо, что единственно правильным было откровенно рассказать детективам все, что знал. Но ему не удавалось изгнать из памяти свежий образ Лианы, которая с повлажневшими глазами говорила ему, что ее величайшей бедой явилось расставание с ним, с одним семестром нормальной жизни, и Джордж против воли поверил ей.

А потому, сообщив детективу Джеймс о том, что ездил к Маклину передать деньги по просьбе друга, он посмотрел ей в глаза и ответил:

— Одри Бек. Мы познакомились на первом курсе, но с тех пор не встречались.

Это была ложь с толикой правды. Они могли проверить его слова. Наверняка проверят. И узнают, что Одри Бек — мертвая девушка из Суитгама, штат Флорида. Но при повторном допросе Джордж всегда мог заявить, что помнил только это имя. Они были знакомы три месяца. Ее звали Одри. С тех пор много воды утекло.

— Позвольте повторить для ясности, — сказала детектив Джеймс. — Итак, эта Одри Бек, которую вы двадцать лет не видели, подходит к вам в баре и просит помочь?

— Это я узнал ее в баре и подошел. Мы договорились встретиться на следующий день. Она пришла ко мне, сюда, и уже здесь попросила об одолжении. — Джордж решил опустить историю о двух Донни Дженксах и коттедже в Нью-Эссексе. — Она работала у Джерри Маклина и взяла у него некоторую сумму...

— То есть украла деньги?

— Это ее слова. Запутанное дело. Она служила у него, у них был роман, а потом он, насколько я понял, ее вышвырнул. Поэтому она и взяла деньги. Но ей стало совестно, и она решила их вернуть. Для этого и приехала в Бостон.

— Сколько она украла?

— Около пятисот тысяч долларов.

Детектив О'Клер повернулся к Джорджу и громко фыркнул. Детектив Джеймс вскинула бровь.

— Крупная сумма, — заметила она. — Вы ее видели?

— Я же сказал, что отвез ее Маклину в спортивной сумке. Глянул мельком, но не пересчитывал. Маклин пересчитал.

— А откуда приехала эта... Одри Бек... чтобы вернуть все эти деньги?

— Думаю, из Атланты. Там находится компания Маклина. Она мало рассказывала о себе.

— Ну а мне кажется, что вы узнали очень много личного.

Детектив улыбнулась, ее лицо изменилось. Без улыбки оно было скошенной книзу маской, почти деревянной на вид. Широкая улыбка зажгла ее золотисто-карие глаза, и Джорджу сразу стало нехорошо от его лжи.

— Итак, она рассказала вам о романе с женатым мужчиной, — продолжила детектив. — Тот ее бросил, и она похитила его деньги. Почему же она просто не поехала к Маклину в Ньютон и не избавилась от них? Вы-то зачем понадобились?

— Она заявила, что боится: он нанял кого-то, чтобы вернуть деньги.

— А кого, не сказала?

— Нет, но выглядела по-настоящему напуганной. По-моему, ей не хотелось встречаться и с самим Маклином.

— Вы так говорите, словно это обычное дело — вдруг нарисовывается человек, которого вы не видели двадцать лет, и просит передать краденые деньги.

Детектив снова улыбнулась — это было ее главное оружие. О'Клер на секунду перестал раскачиваться, ожидая ответа Джорджа.

— Конечно, это показалось мне странным. Такое не каждый день случается.

— Но вы согласились.

— Лето выдалось скучное.

Детектив Джеймс издала горловой звук — не то смешок, не то кашель.

— Не поспоришь. У вас был роман с Одри Бек, когда вы только познакомились?

— Да, — ответил Джордж.

— Хорошо. Тогда, наверное, я буду не слишком далека от истины, если предположу, что ваша готовность исполнить это поручение для малознакомого человека была вызвана надеждой на возобновление отношений? Или я слишком скромна в выражениях? Что это было — баш на баш?

— Что вы имеете в виду?

— Разве Одри Бек не провела здесь минувшую ночь?

Джордж помялся ровно столько, чтобы отрицать стало бессмысленно.

— Провела.

— Так я и думала. Вы не похожи на человека, который славно выспался. Знаете, а мы с напарником, возможно, и видели мисс Бек. — Она посмотрела на О'Клера; тот пожал плечами и нахмурился. — Разыскивая ваш дом, мы сделали с утра пару кругов. Проехали мимо женщины, которая шла по направлению к Чарльз-стрит. Зеленое платье, темные волосы до плеч?

— Похоже.

— Вот я и решила. Наряд не для выхода утром в воскресенье. Значит, мы ее упустили. — Женщина раздосадованно цокнула языком. — Она не сказала, куда собралась?

— Она ушла, пока я еще спал. Я удивился, когда ее не оказалось.

— А как насчет моего вопроса — это была сделка? Вы вернете деньги, а она отработает. Или опять же денег дала. Думаю, они вернулись не все.

— Нет, ничего подобного не было. Секс не упоминался. Очевидно, мне пришло в голову, что меня все еще тянет к ней... Или будет правильнее сказать, что я надеялся.

— Надеялись, если вернете деньги, она с вами переспит.

— Нет, я надеялся переспать с ней, и точка. Доставка денег была просто услугой.

— Угу.

Детектив скептически посмотрела в свой блокнот. Насколько мог видеть Джордж, она записала туда только имя: «Одри Бек».

— Тогда расскажите о визите к Маклину. Мисс Бойд сказала, что вы прибыли без четверти четыре после полудня.

— Мисс Бойд — это секретарша, которая мне открыла?

— Да. Карин Бойд еще и племянница Маклина. Это она нашла труп.

— Где его убили? Что произошло?

— Мы пытаемся разобраться, что произошло. Поэтому и задаем вам вопросы. Значит, приехали без четверти четыре?

— Похоже на правду.

— Как долго пробыли в доме?

— Думаю, минут сорок пять.

Детектив Джеймс посмотрела на своего напарника и снова перевела взгляд на Джорджа.

— Примерно это сказала и мисс Бойд. Почему так долго? Я думала, вы просто передавали деньги.

Джордж рассказал, как Маклин пригласил его в дом, как его обыскали, как оставили с хозяином наедине и тот поведал свою версию истории. Он опустил часть, в которой Маклин изложил свои подозрения насчет того, что Лиана морочила ему голову с самого начала, перекрасилась под его покойную жену и охотилась за ним с момента его прибытия на Барбадос. Но Джордж сообщил, что убитый, похоже, порядком обозлился на Лиану.

— Он забрал деньги? — спросила детектив.

— Да. Затем попросил меня уйти. Обронил, что вернется к постели жены. Она больна.

— Говорят, сегодня она умрет. Очевидно, ей не докладывают о том, что случилось с мужем.

— Вот даже как.

— Какое у вас впечатление о Маклине? Он не показался испуганным?

— Испуганным? Нет. Он выглядел раздраженным из-за того, что вынужден принимать назад собственные деньги, и опечаленным болезнью жены. А еще мне показалось, что ему было нужно выговориться. Удивило, сколь многое он мне открыл. Можно спросить, как его убили? И скоро ли после моего отъезда?

— Никого не заметили возле дома? Вас ведь впустила мисс Бойд?

— Да, там была мисс Бойд. И человек, который меня обыскал. По-моему, Маклин называл его Диджеем.

— Дональд Дженкс. Работает на Маклина. Уверены, что больше там никого не было?

Джордж немного подумал, прикрыв глаза и прижав веки кончиками пальцев. После вчерашних рома и пива началось запоздалое похмелье; вдобавок он остро сознавал объем лжи, которую вывалил полицейским. Сначала собирался рассказать правду, кроме подлинного имени Лианы, но вдруг поймал себя на том, что умалчивает о серьезных вещах — например, о фальшивом Донни Дженксе.

— Там были садовники, — сказал он наконец.

— Это мы знаем.

— Но они закончили работу и уехали раньше меня.

Детектив Джеймс перестала листать страницы.

— Уверены?

— Да, помню: когда вышел из дома, фургона уже не было.

— Озеленительного?

— Его самого.

Детектив Джеймс сделала пометку в блокноте. Джордж взглянул на ее напарника. Тот так и стоял. Может, глухонемой? До сих пор не произнес ни слова.

— Не против, если я воды налью? — обратился он в пустоту между ними.

Детектив Джеймс ответила, что не против.

— А вы ничего не хотите? Воды? Апельсинового сока?

Оба отказались; детектив Джеймс — вербально, а детектив О'Клер — молчанием в лучших традициях дзена.

Джордж нетвердой походкой проследовал в альков своей кухни и наполнил водой высокий стакан. Выпил до дна. Снова налил.

— У меня осталась еще пара вопросов, — объявила детектив Джеймс, не успев он сесть. — Как выглядела сумка с деньгами и сколько точно там было?

— Сам я не считал, но Одри сказала, четыреста пятьдесят три тысячи. Маклин, как я говорил, пересчитал. Они были в черной спортивной сумке.

— А вам не захотелось взглянуть, пока находились в машине наедине с его деньгами?

— Я знаю, как выглядят деньги.

— Или взять немножко себе?

— Я помогал подруге, а не навлекал на нее новые беды.

Детектив Джеймс чуть склонила голову набок, будто борясь со спазмом шейных мышц.

— Где вы работаете, Джордж?

Он назвал журнал. На лице женщины мелькнула тень узнавания, словно в далеком прошлом она слышала об этом литературном издании.

— Насколько я понимаю, вы не располагаете контактными данными Одри Бек? Адресом? Номером мобильного?

— Нет, не располагаю.

Детектив Джеймс заговорила не сразу. Джордж хлебнул воду, стараясь не допить залпом. Нора устроилась рядом на подоконнике возле засохшего паука.

— Последнее: знаете ли вы особу по имени Джейн Бирн?

Джордж чуть не ответил отрицательно, но вовремя спохватился. Конечно, он не мог не знать, что Лиана жила под личиной Джейн Бирн. Маклину была известно только она, и именно о ней сообщила бы полиции племянница-секретарша.

— Под этим именем ее знал Маклин. Думаю, она пользовалась им, когда работала у него.

Детектив Джеймс улыбнулась и посмотрела на напарника.

— Нам говорить не собирались?

— Извините. Я знал ее как Одри Бек и продолжаю так называть.

— У вас, наверно, полно друзей, которые меняют имена, подчиняясь капризам?

— Нет. Только Одри. Послушайте, говоря откровенно, даже Одри может быть не настоящим именем. Она проучилась в Мазер-колледже всего полгода и больше не возвращалась. Слышал, помнится, что она попала в беду во Флориде и притворилась не той, кем была, чтобы поступить в колледж.

Джордж не знал, насколько детективы углубятся в историю Одри Бек и Лианы Дектер и будут ли заниматься ею вообще, но счел полезным хотя бы немного подстраховаться. Если решат вникнуть и доберутся до полицейских отчетов, его имя всплывет и они поймут, что он лгал. Он разберется с этим по мере необходимости.

— Дайте нам знать, если увидите ее снова или вспомните о чем-нибудь важном.

— Обязательно, — пообещал Джордж.

Перед тем как подняться, детектив Джеймс вынула из блокнота и положила на кофейный столик визитку. Джордж проводил обоих до двери. Джеймс повернулась к нему спиной и уже выходила, когда ее напарник сказал:

— Еще одно, Фосс. Не уезжайте из города.

Его голос был тонок и гнусав. Джордж едва не подскочил, услышав его впервые.

— Вот как, — молвил он. — Меня подозревают?

— Да, черт возьми, подозревают, — ответил детектив О'Клер и осклабился.

Джордж позвонил начальнице и предупредил, что опоздает; затем принял душ и побрился. Казалось нереальным, что наступил рабочий день, понедельник, и его ждут в офисе, несмотря на неожиданный статус подозреваемого в убийстве.

Еще более странным было явиться туда — на третий этаж перестроенной фабрики между Бэк-Беем и Норт-Эндом. Дарлина приветствовала его из-за конторки протяжным «Ммм?» У Джорджа несколько тягостных секунд ушло на осознание того, что она имела в виду «Ред сокс», которые с пятницы упали на три позиции.

— Хорошо, что сезон долгий, — отозвался он, направляясь в свой офис.

— Слава богу, — подхватила она вдогонку.

Журнал уже несколько лет сокращал штаты, но пока не переехал в меньшее помещение — возможно, потому, что нынешний землевладелец, испуганный ухудшением ситуации на рынке, исправно снижал арендную плату и всячески побуждал редакцию остаться. Из-за этого долгое шествие Джорджа в его офис с окном на юг мимо голых столов и пустых конференц-залов становилось все более унылым. Джордж устроился на эту работу меньше чем через год после окончания Мазер-колледжа. Это было его второе место работы после фирменного книжного магазина на стажировке в Сан-Франциско, где он жил с подружкой-старшекурсницей. Связь длилась всего полгода и завершилась, когда Джордж, вернувшийся с работы пораньше, застал Рейчел в постели с барменом из их любимого гадюшника.

Он уехал домой. Его мать, никогда и не бывшая особо счастливой, с годами все чаще высказывалась о жизненных разочарованиях, считая, что пожертвовала карьерой ради роли жены и матери, а теперь осталась в пустом гнезде с почти немым трудоголиком-мужем. Она вступила в местный гончарный кружок и — Джордж подозревал — завела там с кем-то роман. Отец его, напротив, в последние годы сильно замкнулся. Он продолжал работать как вол; каждый вечер возвращался изможденный, с багровым лицом; предсказуемо приступал к ужину, выпивая дневную норму зараз, а после читал у себя в кабинете. Несмотря на его молчаливость, даже отчужденность, Джорджу с ним было легче, чем с матерью. Отец был вполне самодостаточен.

Джордж провел дома два месяца. Отец, употребив второй разбавленный скотч (редкий случай), сказал, что залог счастья — найти себе дело и заниматься им на совесть. Так говорил ему собственный отец. Будь зодчим, учись не забивать криво — и никогда не испытывай недостатка счастья. Это была самая откровенная за всю жизнь беседа с отцом. Джордж часто вспоминал ее, особенно после того, как через пару годков родитель скончался от обширного инфаркта в шестьдесят пять лет.

Сидя дома, Джордж просмотрел газеты на предмет вакансий, подал заявление и занял пост административного помощника в бухгалтерии самого престижного бостонского издания. «Ты всегда превосходно управлялся с цифрами», — замечал отец. На мать произвел хорошее впечатление статус журнала в литературных кругах.

Джордж переехал в город, нашел квартиру — этаж в дешевой трехэтажке в Чарльзтауне, — где поселился с парой знакомых из Мазер-колледжа. Джордж преуспел в работе, и его взял под крыло коммерческий директор журнала Артур Скут, закоренелый холостяк и к появлению Джорджа — старейший сотрудник. Артур научил молодого человека всему, быстро организовал повышение и водил его на длинные полупьяные ланчи.

Работа не только приносила удовлетворение — сдать номер вовремя и уложиться в бюджет было сродни грамотному забиванию гвоздя, — но и воодушевляла. Джорджу нравилось быть частью великой литературной и интеллектуальной традиции, пусть даже он просто заведовал приходами и расходами.

Журнал оплатил Джорджу вечернее обучение, и через несколько лет он стал дипломированным бухгалтером. Повышение жалованья позволило ему покинуть Чарльзтаун и переехать в нынешнюю мансарду, рост квартплаты за которую регулировался законами города. Он впервые зажил один. Понравилось. Жилье было точно таким, как Джордж хотел: полным книг и без пыли. Он начал встречаться с Айрин, которая работала заместителем редактора и не спешила ни переезжать к нему, ни обручаться. Вот так он веселился и в ус не дул и плыл по течению, пока не перевалило за тридцать. О Лиане вспоминал все реже, но продолжал ловить себя на том, что ищет в толпе ее лицо и походку; ночами по-прежнему одолевали яркие и тревожные эротические сны, в которых она нависала над ним — большая и неотвратимая.

Примерно через год после того, как Артура вынудили уйти на пенсию, Джорджа назначили коммерческим директором. Для журнала настали смутные времена: сменился владелец, бурно развивался интернет. Штат сократили, издание резко перешло от литературы к политике. Из ежемесячных номеров повыкидывали рассказы; из них сделали отдельный летний художественный сборник. Стихи убрали вовсе. В офисе воцарилась гнетущая атмосфера. Айрин получила тепленькое местечко в сетевом отделе «Бостон глоуб». Джордж остался, понимая, что, пока журнал на плаву, у него есть работа. Вдобавок он знал, что новые хозяева, в чьем ведении было много доходных предприятий, не печалились по поводу ежемесячных убытков журнала, которые тот терпел то в большей, то в меньшей степени.

Усевшись за стол, Джордж просмотрел входящие сообщения на предмет неотложных дел и, не найдя таковых, вышел в Сеть поискать сведения о смерти Джеральда Маклина. Нашлось всего несколько статей о том, что Маклина нашли мертвым в его доме в Ньютоне и причина смерти оставалась неясной. Читатель неизбежно заключал, что престарелый бизнесмен скончался от сердечного приступа. Одна заметка сопровождалась корпоративным фото, как минимум, пятнадцатилетней давности, на котором Маклин красовался в легком синем костюме. В обеих статьях погибшего описывали одинаково, почти слово в слово: «Джеральд Маклин, основатель и президент компании „Мебель Маклина“ со штаб-квартирой оптовой торговли в Атланте, недавно заключил партнерское соглашение с Полом Халлом. Они основали „Фонд Халла“ — благотворительную организацию, которая финансирует онкологические исследования. У мистера Маклина осталась жена, Тереза Маклин, урожденная Ривера».

Ни слова об убийстве. Ни слова о донорских фондах и схемах Понци. Ни одного упоминания офшорных счетов. И ни единой строчки о спортивных сумках, набитых наличкой.

Джордж попытался работать. Журнал организовывал в колледже на западе Массачусетса летнюю конференцию — на деле, скорее, сбор средств, — там читатели за плату могли пообщаться с некоторыми известными авторами. Колледж потребовал страховой сертификат как дополнение к страховке журнала на весь период конференции. Джордж стал посредником между весьма ненадежным директором колледжа и крайне ленивым страховым агентом. Он начал составлять электронное сообщение для агента,

подробно растолковывая формулировку для сертификата, но не сумел сосредоточиться и дописать. Мысли постоянно возвращались к событиям уик-энда и его месте в недавних происшествиях. В голову приходило одно: Маклина прикончили из-за возвращенных денег. И если это так, Лиана к убийству не имела отношения. Начать с того, что деньги были у нее и она их вернула. Только это и успокаивало.

В разгар утра зазвонил телефон. Это была Айрин.

— Ты что, забыл?

— Очевидно, да.

— Мы договорились на ланч.

— Точно. — Джордж смутно припомнил, что условился с Айрин насчет понедельника. — Повтори-ка, где?

— В новом заведении на Стюарт-стрит. Какое-то мексиканское название.

Он решил ждать Айрин снаружи. Воздух снова прогрелся до девяноста, от вчерашнего библейского потопа не осталось и следа. Он прочитал меню, вывешенное в рамке у входа. Стандартная техасско-мексиканская кухня — тако с беконом и «маргарита» с кинзой. Вдруг испытал голод: давешние пиво и скверная китайская пища наградили его похмельем, которое полуосознанно ощущалось все утро. Выбрал бурито с рубленой говядиной и большую диетколу — может быть, с каплей рома.

Джордж заметил Айрин за три квартала. Она шла медленно, понутив голову и держа руки по швам. Он подшучивал над ней, говорил, что двадцать бостонских зим настолько переменили ее физически, что ходить она стала как при минусовой температуре. Она заявляла, что мерзнет всегда, даже душным и влажным бостонским летом; что кошмарные зимы поселились в ее костях и остаются там круглый год. Вот, подумал Джордж, идет его настоящая жизнь, нравится ему это или нет, шагает во всем своем заурядном блеске. Айрин была просто Айрин. Педантичная, ехидная, трудолюбивая и до того верная, что не убоилась бесконечной череды влечений и разочарований. Когда она была еще в квартале от него, Джордж принял решение не говорить о своем уик-энде. Во всяком случае, не сегодня. Хотелось на час вернуть прежнюю жизнь — пить и есть, не ведая горя.

Но стоило Айрин подойти и запрокинуть лицо при свете ясного дня, как Джордж увидел полоску белого пластыря от наружного края левой брови примерно на два дюйма вниз. Кожа вокруг глаза отдавала бледной синевой, а само яблоко, видимое в щель между распухших век, было сплошь красным.

— Что за хрень? — спросил он.

— Внутри расскажу. Все не так плохо, как выглядит.

— Нет, говори сейчас. Что случилось?

— Вроде как грабитель напал, — пожалала она плечами.

— Что значит «вроде как»?

— Ну, он ничего не взял. Короче говоря, вчера я около одиннадцати возвращалась домой. Этот тип стоял у входа. Спросил, который час. Я посмотрела на часы, а когда подняла глаза, он ударил меня в лицо.

— Господи...

— Само собой. Я так и подумала. Грохнулась на мостовую и решила, что мне конец, но он просто ушел. Даже не взял кошелек.

— Копов вызвала?

— Чуть не раздумала. Почудилось, что это сон, но после я передумала, а поскольку он

назвался...

— Что значит «назвался»?

— Не знаю, было ли имя настоящим, но он после того, как ударил, и перед тем, как уйти, очень вежливо представился. — Айрин улыбнулась и поморщилась, когда дрогнул пластырь.

— Как это — представился?

— Я лежала и ждала, что меня изнасилуют или выстрелят в голову, а он посмотрел сверху и сказал: «Приятно познакомиться. Меня зовут Донни Дженкс». А потом ушел.

За следующие десять минут детектив Чалфент показал Джорджу еще несколько фотографий. Тот изучил их все. Одри Бек, которую он видел, была не той, кого он знал по Мазер-колледжу. У обеих — темно-русые волосы, голубые глаза, светлая кожа. Они, в общем, были одного типажа, но безусловно различались. У девушки на фото — настоящей Одри? — нос был немного картошкой; девица из небедной семьи могла бы исправить это при помощи пластической хирургии. И рот, будто готовый скривиться в обиде, был не тот; и глаза посажены слишком близко.

— Подозреваю, у тебя нет фотографии подружки? — осведомился Чалфент. — Нет, не с собой, а в мотеле или колледже?

— У меня вообще нет ее фото. Я уже подумал об этом, когда услышал о ее гибели.

— Но ты уверен, что это не она?

— Уверен. Абсолютно.

Все еще ошарашенный событиями последней четверти часа, Джордж ощутил первые проблески понимания и надежды. Если его подруга была не Одри Бек, то она жива. Он хотел спросить об этом у детектива, чтобы подтвердить свою версию событий, но прекрасно понимал, что вокруг него — скорбящая семья настоящей Одри Бек. Отец продолжал расхаживать, вздыхать и качать головой.

— Что происходит? — донесся с порога новый голос.

Все повернули головы. В гостиную вошел подросток, долговязый и белокурый, со скобами на зубах, в футболке с эмблемой «Флоридских аллигаторов» ^[24] и спортивных шортах.

— Ничего, Билли, — ответил мистер Бек.

«Брат», — подумал Джордж.

Только вот «Одри» никогда не говорила, что у нее есть брат. Она назвалась единственным ребенком в семье. Он повернулся к детективу Чалфенту.

— Давайте на этом остановимся, — обратился тот ко всем присутствовавшим. — Джордж, если ты не против, я хотел бы видеть тебя в участке для дачи показаний. Хватит докучать Бекам. Поезжай за нами, если не предпочитаешь наше с офицером Вильсоном общество.

Джордж встал.

— Меня всяко устроит...

— ...То есть вы говорите, что Одри вообще не доехала до колледжа?

Это очнулась миссис Бек. Она заговорила пронзительно, и вино чуть выплеснулось из бокала, который так и оставался у нее в руке. Женщина обратилась к центру комнаты, и слова упали где-то между Джорджем и полицейскими.

— Ну же, Пэт! — Чалфент поднял руку. — Давай не будем делать скоропалительных выводов...

— Скоропалительных выводов?

— Согласен, пока не очень понятно, кто отправился в колледж под именем твоей дочери. Мы выясним это и разберемся, что стряслось. Сообщу вам, как только хоть что-то узнаю. Обещаю.

— Куда же она делась, если не поехала в колледж?

— Именно это мы и стараемся выяснить.

Джордж следом за полицейской машиной доехал до участка — здания с бежевой штукатуркой. Всю дорогу он курил и пытался сосредоточиться на вождении. Ладони взмокли.

Детектив провел его в свой кабинет — один из нескольких в длинном унылом коридоре. Джорджу он напомнил приемную аллерголога, куда его часто водили в детстве.

Кабинет Чалфента был уютным: безделушки на полках, стена сплошь увешана фотографиями — в основном, малышей. Джорджу предложили вращающийся стул с высокой спинкой, а сам Чалфент уселся за стол на деревянный.

— Это чтобы не заснуть на службе, — подмигнул он Джорджу. — Я про стул, — добавил Чалфент и взялся за телефон.

— Вы знали? — спросил Джордж. — Знали, что Одри — не Одри? Не хочу показаться нахальным, но...

— Дениза, радость моя, не в службу, а в дружбу! — произнес в телефон Чалфент, воздев палец. — Мне нужны выпускные альбомы Суитгамской средней школы за последние три года... Ага... Нет, начиная с прошлого... Они же у нас есть?.. Тогда можно и на четыре отмотать. Принеси их сюда, будь добра. Бегом... Спасибо, радость.

Отключился и поставил каблуки на нижнюю перекладину стула. Он был похож не столько на сыщика, сколько на подавленного тренера бейсбольной команды в разгар провального сезона.

— Давай расскажу о том, что нам известно. Мне всегда проще поделиться всеми данными по делу. Мы знаем, что настоящая Одри Бек, дочь Сэма и Патриции Бек, с которыми ты только что познакомился, провела часть, а то и целый прошлый семестр в Уэст-Палм-Бич. Родителям и большинству друзей она сказала, что едет в Мазер-колледж. Набила машину свитерами и джинсами и покатила на север, но потом, очевидно, повернула на восток. Йен Кинг... Слышал о нем? Наверное, нет. По словам Йена Кинга, девушка провела большую часть осени в съемном доме с ним и его группой. Он играет в бэнде «Наживка для аллигатора», ты вряд ли...

Джордж помотал головой.

— Да откуда тебе знать! Мне все это известно, потому что вчера Йен Кинг нарисовался здесь. Пришел ко мне, решив, что Одри Бек убил наркоторг Сэм Пэрис. Похоже, «Наживка для аллигатора» и Одри Бек задолжали деньги за наркоту. То, что жертва употребляла наркотики, нас не удивило — это было понятно из отчета coronera. Удивило то, что она не приехала в колледж. Мы уже собрались звонить в Мазер-колледж... О, привет, Дениза! Положи, пожалуйста, на стол.

Похожая на грушу густо покрашенная женщина лет, как минимум, пятидесяти оставила на столе кипу выпускных альбомов.

— Мы собрались звонить в Мазер-колледже — и тут с Беком связался ты, сокурсник. Согласись, понятно, что нам было крайне любопытно тебя послушать.

— Думаете, кто-то выдавал себя за нее?

— Похоже на то, сынок, если не посчитать, что она находилась одновременно в двух местах.

— На фотографиях была точно не та Одри Бек, которую я знал.

— Правильно. Поэтому я решил, что тебе есть смысл полистать эти альбомы. Какая-нибудь однокашница вполне могла занять место Одри, притвориться ею.

— Хорошо. — Джордж положил руку на обложку верхнего альбома, обтянутую искусственной кожей. — Я сделаю все, чтобы помочь вам, но и вы помогите найти девушку, которую я ищу. Согласитесь, она-то должна быть жива.

— Не хочу заниматься домыслами, сынок, но это одно и то же. Ты поможешь нам, а мы — тебе. Сейчас мне пора заняться делами. Тебе здесь удобно или пойдешь в другой кабинет?

— Здесь нормально.

Джордж принялся листать альбомы Суитгамской средней школы. Рассматривал фото одно за другим: девушки с начесами и покрашенными губами; девушки, глядевшие вполоборота через плечико; девушки с угрями, скрытыми под толстым слоем косметики; девочки с крестиками поверх блузок; девушки, которым фотограф велел чуть приподнять подбородок; девушки, подававшие надежды, и девушки, выглядевшие так, будто все светлое осталось в прошлом. Вперемежку с оцепенелыми юношами: некоторые были красивы; большинство — нет, но почти все с угловой стрижкой и пустыми глазами. Джордж изучил и другие снимки: черно-белые клубные и спортивные, с кружков, со школьных вечеров, все коллективные фото, где могла затеряться его Одри. Он перелистывал страницу за страницей, пока не занял кончик пальца. Отдельно мелькали многие ее черты: прическа Мэри Стефанополис; профиль брюнетки, что рисовала стенгазету; линия губ и длинные ноги у девушки из команды по плаванию — но все это была не она.

— Еще есть? — спросил Джордж у детектива Чалфента, который теперь, стоя, в бифокальных очках, изучал содержимое папки из манильской бумаги.

— Нет. Хватит. Переживаю за твое зрение.

Он вдруг подошел сзади, положил ладонь на левое плечо Джорджа и сжал. Джордж, потомок бесстрастных мужчин, нашел этот жест обескураживающим — и одновременно невыносимо приятным.

— Расскажешь о подруге? Какая она была?

Джордж выложил свою историю и осознал, пока говорил, насколько заурядны были их отношения. Познакомились на пирушке. Она ему понравилась. Он приглянулся ей. Обрядовый танец, что исполнял миллион первокурсников со всего земного шара.

— Я так и не заподозрил, что она не та, за кого себя выдает. Она не очень охотно говорила о прошлом, но я думал, ей просто не хотелось. Не все это любят.

— А о чем ей нравилось говорить?

— Она спрашивала обо мне, моем городе, родителях. Мы обсуждали фильмы и книги, сплетничали об общих друзьях. Она не любила Флориду. Назвала ее мерзкой и провинциальной.

— А твой город был не такой?

— Очевидно, нет. Я прибыл из городка небольшого и вполне зажиточного. Никогда не задумывался об этом, но ей нравились мои рассказы.

— Чем еще она интересовалась?

— Она была умна. Сказала, что хочет специализироваться по политологии и дополнительно — по английскому. Собиралась стать юристом.

— Училась хорошо?

— На «отлично».

Детектив Чалфент вернулся за стол, поставил ногу на стул и начал перешиуровывать

ботинки.

— Надолго к нам? В Суитгам?

— Теперь, наверное, задержусь. Пока не выясню, что произошло.

— Ладно. — Чалфент вручил ему визитку. — В мотеле остановился, если не ошибаюсь? Будем на связи.

Синее небо покрылось шахматным узором легких облаков — разрозненных ватных шариков. Под «дворниками» оказалась записка — листок разлинованной бумаги, вырванный из блокнота. Лиловыми чернилами нацарапали семизначный телефонный номер — и все.

Джордж аккуратно сложил бумажку и сунул в карман. Почерк не похож на Одри, но он не мог поручиться, что писала не она.

По дороге в мотель — поездка затянулась, он угодил в час пик, когда по домам разъезжались работники томатной фермы, — Джордж испытал воодушевление не только потому, что девушка, которую он знал, могла быть жива, но и от участия в деле намного загадочнее, чем можно было мечтать. Скучные будни Мазер-колледжа и родного пригорода отступали в прозаично-серое прошлое.

Он завел «бьюик» на парковку торговца автомобилями и оставил машину. Дэн Томпсон предложил ему холодного пивка и такое же дельце на завтра. Джордж ответил, что утром, скорее всего, появится снова, и отказался от пива — не потому, что не хотел, а просто счел лишним задерживаться в конторе, пропахшей табаком и лизолом. Ему нужно было позвонить.

Джордж немного замешкался, отпирая дверь. Замок слегка заело, и он выругался — достаточно громко, чтобы не сразу заметить, как позади распахнулась и захлопнулась дверца машины. Но кое-что уловил — неминуемую опасность за долю секунды до того, как его с силой толкнули на пол гостиничного номера.

Ланч тянулся бесконечно.

За время, ушедшее на то, чтобы войти в ресторан, назвать официантке имя и сесть за столик возле окна, который сбивал с толку своим ослепительным блеском, Джордж решил: признаться Айрин в том, что человек, ударивший ее по лицу, на самом деле послал восточку ему, — невысказано. Это только взбудоражит ее, ему придется рассказать все, и она окажется в еще большей опасности. Он собирался перекусить чем-нибудь простеньким и приятным и отдохнуть от трудов остаток дня. Но что потом? Если удастся разыскать Лиану или человека, притворявшегося Донни Дженксом, а то и вернуться в коттедж в Нью-Эссексе, то Айрин должна держаться подальше от этих дел.

Аппетит вдруг пропал, но Джордж, как и хотел, заказал буррито с говядиной, ром и колу. Он ухитрился съесть половину, хотя желудок, казалось, съежился до размера сморщенного лимона. Джордж расспросил Айрин, стремясь убедиться, что человек, назвавшийся Донни Дженксом, был жилистым коротышкой с серыми зубами, а не тучным работником Маклина. Ее описание развеяло все сомнения. На нее напал тот же, кто встретился Джорджу в Нью-Эссексе. Айрин была странно спокойна, словно наконец узрела изнанку городской жизни — и та оказалась не такой уж скверной. Очевидно, инцидент успел превратиться в забавный анекдот, из тех, что пересказывают за коктейлями и на кухне в офисе. Чем больше она об этом говорила, тем явственнее ощущал Джордж испарину на лбу.

— У тебя неважный вид, — заметила Айрин.

— Просто беспокоюсь за тебя.

— Честно говоря, не думаю, что увижу его снова. Кажется, он сделал со мной именно то, что хотел, — ударил и представился. Лежа на мостовой, первое, что я подумала: «Пусть просто убьет, не насилуя!» Разве не кошмар? И это была не паника, а здравое рассуждение. Тупое убийство лучше, насилия мне не пережить. Подумала о тебе. Сперва о маме, конечно, а потом о тебе. Стало интересно: что ты сделаешь, когда узнаешь о моей смерти. Странно, правда? Передумала все это за пять секунд — а он берет и отчаливает. Мне будто даровали дополнительный срок. Что это ты пьешь? Ром и колу? Я, может, выпью «маргариту».

Джордж огляделся в поисках неуловимой официантки.

— Серьезно, ты неважно выглядишь. Давно был у врача?

— С похмелья — ни разу.

— Похмелье в понедельник. Я и не спросила, как прошел твой уик-энд.

— Все как в тумане. Послушай, мне и правда нехорошо. Наверно, отравился у Тедди кальмарами. Ты не против на этом прерваться?

Когда они вышли наружу, Джордж отговорил Айрин, которая собралась провожать его до офиса. Задержал прощальные объятия чуть дольше, чем всегда. Айрин отстранилась, вопросительно посмотрела. Он ласково поцеловал ее в висок, чуть выше русой пушистой брови.

— Ты красавица даже с одним глазом.

— Теперь я точно знаю, что ты нездоров.

— Нет, я серьезно. С тобой случилась жуткая история.

— Позвони, когда станет лучше. Ладно? И если не станет — тоже. В любом случае позвони.

Он проводил ее взглядом, ощущая сложную смесь любви и заботы. Встретясь ему сию секунду Донни Дженкс, Джордж бы не испугался, а расвирипел. Страшно было, когда он угодил на плаху один, но теперь дело коснулось Айрин, и в его жилах вскипело известное благородство.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Джордж поехал в Нью-Эссекс. Он не знал, что еще сделать. С Лианой было не связаться, Донни Дженкса не выследить. Единственный надежный факт — они имели какое-то отношение к ветхому прибрежному коттеджу. Донни Дженкс побывал там, и Лиана то же утверждала о себе, но теперь Джордж воспринимал все ее слова с великим скепсисом.

Позвонил в офис, сослался на нездоровье и сказал, что отправился домой. Включил на полную мощность кондиционер и на самую малую — радио. Ехать было приятно, привычные действия давали время поразмыслить. Совершенно ясно, что деньги, которые Джордж вернул Маклину, были прямо или косвенно связаны с его убийством. Но смысла во всем этом не наблюдалось. Возможно, крошка Донни Дженкс как-то узнал, что Джордж привез деньги. Он пробрался в дом и убил бизнесмена, чтобы завладеть ими. Но ведь он мог забрать их и раньше — у Лианы. По ее словам, он вышел прямо на нее в казино «Солнце могикиан» — тогда бы и взял. Джордж обдумал возможность совместного заговора Лианы и Донни, но это показалось еще большей чепухой. Будь оно так, они могли просто поделить деньги. Зачем возвращать их Маклину, а после убивать его ради них же? Мог быть и третий — незнакомец; возможно, кто-то из работавших в доме увидел сумку, полную денег, и решил прибрать. Настоящий Донни Дженкс? Медсестра-убийца, что ухаживала за умирающей женой? Племянница, которая отворила ему?

Он медленно миновал центр Нью-Эссекса. Туристы нахлынули потоком — в основном пенсионеры прогуливались от сувенирной лавки к мороженщику и обратно. Несколько мужчин обмякли на скамейках в ожидании жен, предававшихся шопингу. Они были так безнадежно неподвижны, будто уже не ждали от жизни ничего яркого.

На Бич-роуд было тихо, пока он не доехал до старой каменной церкви, где вдоль дороги, и без того узкой, в два ряда стояли припаркованные машины. Джордж кое-как протиснулся и мельком увидел блестящий черный катафалк и мужчин в темных костюмах, стоявших у входа.

Найдя улицу Капитана Соьера, он свернул. Выбоины и борозды на грязной дороге казались глубже, в некоторых после вчерашнего дождя еще стояла вода. Сквозь сосны пробивался солнечный свет, и Джордж различил тучи кружившей мошкары, что наводняла летом болота Новой Англии. Подъехал. Перед коттеджем машин не оказалось, но все остальное выглядело как прежде. Джордж припарковался, взошел на крыльцо и постучал в трухлявую дверь, краска на которой давно выцвела. Заглянул в грязное боковое окно, затянутое изнутри паутиной. Глаза привыкли не сразу, но, когда это произошло, Джордж увидел, что коттедж в полном запустении. Стены почернели от плесени, из мебели — только диван без чехла (желтая набивка выбивается из швов). Услышав что-то сзади, Джордж быстро оглянулся, но это просто щелкнул остывавший мотор.

Он обошел коттедж. Дошел до ветхого пирса над болотистой водой. К его самой прочной части была привязана лодка из стекловолокна, с наружным мотором. Она, в длину не больше двенадцати-четырнадцати футов, не выглядела ни новой, ни дорогой, но все-таки была ярким пятном среди общего запустения. Он попытался вспомнить, была ли она в прошлый раз. Пирс помнил, а лодку — нет.

Джордж повернул обратно к дому. Тот когда-то дополнили верандой с противомоскитной сеткой, но она наполовину отошла, а одна стена веранды просела. На брусках разрослись пухлые белые грибы.

Дверь веранды заперли на засов, но Джордж приналег, и тот поддался в древесной трухе. Вторая дверь, которая вела в сам коттедж, была открыта, но сдвинуть ее оказалось труднее. Она слетела с верхнего шпингалета и нижним углом уперлась в пол. Джордж пнул ее — и та распахнулась внутрь, выломав щепки из косяка. В лицо Джорджу ударил кислый запах пыли. Он сделал шаг, но дальше решил не ходить. Пол был усеян пластиком с потолка — он заплесневел и осыпался на потрескавшийся, весь в пузырях линолеум. Диван, который был виден в окно, в новом ракурсе выглядел даже хуже. Было ясно, что его разодрали дикие животные. Ключья желтой набивки разбросали повсюду.

Он развернулся и пошел к машине. Возможно, он многого не знал о Лиане Дектер, но не сомневался, что она никогда не стала бы ночевать в этом коттедже.

Доехав до конца улицы, Джордж встретил только одно частное строение — коричневый палубный дом, почти невидимый в сосновом сумраке. Он решил вернуться на Бич-роуд, но вдруг сдал назад и подрулил к его подъездной дорожке. На свежескрашенном почтовом ящике значился номер двадцать два, а над ним обнаружился пластмассовый ящик для «Бостон геральд». Ее текст выцвел почти до полной нечитаемости. Он одолел короткий подъездной путь под шорох сорняков, царапавших дно, и притормозил перед гаражом. Дом был больше, чем казалось с дороги. Каменный фундамент, почти плоская гонтовая крыша и квадратные окна от пола до потолка — темные, как протравленная обшивка. Непонятно, был ли кто в доме, но низкие живые изгороди по обеим сторонам крыльца подстригали недавно, и Джорджу, когда он вышел из машины, померещилось движение в одном из узких окон входной двери.

Он позвонил и услышал в глубине дома глухой звук гонга. Прошло секунд десять, пока он не уловил стук цепочки. Дверь открылась примерно на три дюйма. Над туго натянутой цепью появились глаза — таких сверхъестественно огромных Джордж в жизни не видел; настолько светло-голубые, что оттенок приближался к цвету снятого молока.

— Простите за беспокойство, — сказал Джордж. — Я искал жильцов коттеджа возле воды. Может, вы знаете — там кто-нибудь есть?

Женщина отступила на полшага, и Джордж рассмотрел ее лучше. Ей могло быть и двадцать пять, и сорок пять, и где-то посередине. Длинные тонкие волосы расчесаны на прямой пробор; одета в узорчатый халат из тех, что застегиваются на молнию спереди; но он был велик и соскользнул с одного плеча. Кожа незнакомки была так бледна, что чуть не просвечивала. Когда-то она была красива — мелкие черты лица и выступающие скулы. Губы широкие и плоские, но вконец иссохшие, с крошечными трещинами, а один край рта покрывала белая корка.

Она взялась за халат, сгребла его на груди в горсть.

— Вообще-то, я здесь не живу, — ответила она и добавила: — Это семейный дом.

— Не важно! Меня интересует только тот коттедж. Подруга сказала, что останавливалась в нем, а я пошел взглянуть — и он оказался совершенно непригодным для жилья. Ничего об этом не знаете?

Она подалась своей большой головой вперед и посмотрела в сторону коттеджа, будто могла увидеть его из дома. Голова настолько приблизилась, что Джордж почувствовал запах изо рта — кислый, как у промокшего зерна.

— Там никто не живет. Во всяком случае, я не замечала.

— Чей он, знаете?

— Нет.

— Ну а этот дом кому принадлежит?

Она сделала шаг назад и опустила припухшие веки. Джордж понял, что слишком многого хочет.

— Сигареты не найдется? — спросила она.

— К сожалению, нет.

— Ладно. Ну, я пойду.

Она захлопнула дверь. Солнце скрылось за тучей, и под сенью деревьев вдруг наступили сумерки. В тишине Джордж слышал, как переругиваются на болоте чайки. Звук казался странным во мраке соснового бора. Он вернулся к машине и поехал в Бостон.

Припарковавшись в гараже, Джордж медленно побрел домой. Он собирался лечь спать. Не реагировать на звонки и стук в дверь. Наплевать на телефоны. Он не знал, чем займется после сна, — разберется по ходу. На обратном пути из Нью-Эссекса навалилась усталость, и все казалось нереальным, словно в болотном тумане.

Джордж достаточно долго прожил в своем районе, чтобы сразу заметить незнакомый автомобиль. Перед его домом стоял белый «сузуки-самурай» с опущенным откидным верхом. По прямоугольным бокам — черные и красные гоночные полосы, а на ветровом стекле еще тянулась белая трафаретная надпись «SAMURAI». За охранительным блеском стекла притаились две фигуры, маленькая и большая. Джордж замедлил шаг, нисколько не сомневаясь, что поджидают его. Стоило ему сбавить ход, как обе дверцы распахнулись. Из-за руля вылез похожий на грушу здоровяк, с которым Джордж познакомился в доме Маклина. Второй Дональд Дженкс, или Диджей, как называл его Маклин. Он посмотрел на Джорджа вскинул руку как бы в приветственном жесте и повернулся к своей спутнице, выбиравшейся с пассажирского сиденья. Ее Джордж тоже знал. Молодая женщина, впустившая его в дом Маклина. Полицейские упомянули ее имя, но он его забыл.

— Джордж Фосс, — произнесла она сварливо.

Тот кивнул и приблизился. Она обошла «сузуки» и встала возле Джорджа.

— Прошу прощения... не напомните ваше имя?

— Карин Бойд. Мы виделись вчера в Ньютоне. Я впустила вас в дом Джерри Маклина.

— Точно. Конечно.

Она держалась не так официально, как прежде. На ней были черные легинсы и белая блузка без рукавов, с глубоким вырезом. Светлые распущенные волосы чуть вились от влажности. Глаза покраснели, будто она плакала, и Джордж вспомнил, что девушка, по словам детективов, была племянницей Маклина.

— Мы хотим немного поговорить, не возражаете?

Водитель шагнул вперед.

— Мы тоже знакомы. Я Дональд Дженкс. Диджей.

Он извлек из бумажника удостоверение частного детектива. Если рассматривать впритык, он был симпатичен, с загорелым, гладким лицом и ровными черными усами.

— Я частный детектив. Был нанят покойным. Позвольте нам побеседовать с вами.

Джорджу не хотелось звать их домой, и он предложил соседнюю кофейню. Взял себе большой стакан кофе глясе. Карин Бойд и Диджей не заказали ничего.

— Убийством, мистер Фосс, мы предоставляем заниматься полиции, — сказал Диджей,

когда Джордж сел с запотевшим стаканом. — А нам нужна ваша помощь для возвращения похищенного. Речь идет о больших деньгах.

Джордж, пока брал кофе, решил рассказать им то же, что и полиции. Он опустит часть о фальшивом Дженксе. Было ясно, что в конце концов придется выложить все, но Джордж считал, что кое о чем лучше умолчать, пока он не разберется сам. Отчасти он беспокоился за Лиану, но гораздо больше — уже за Айрин.

— Полиция сообщила мне мало, — сказал Джордж. — Что произошло?

Диджей и Карин переглянулись.

— Сначала скажите, — ответила последняя, — как вы впутались в это дело. Почему Джейн Бирн послала вас возвращать краденые деньги?

— Повторю то, что сказал полиции. Я знал Джейн в колледже, хотя и под другим именем...

— Под каким? — спросил Диджей и вынул сотовый телефон с клавиатурой.

Джордж назвал Одри Бек — то же имя, которое сообщил полиции, — и Диджей набрал его большими пальцами, не уступая в проворстве подростку.

— Я не видел ее двадцать лет. Мы повстречались в баре... неподалеку... и она попросила помочь в этом деле. Просьба показалась мне странной, но она объяснила, что хочет вернуть деньги, не желая видеться с Маклином, вашим дядей... — Он повернулся к Карин. — Тогда я решил, что в этом есть резон.

— Куда вы отправились, покинув дом?

— Поехал в Согас, встретился с... Джейн в «Коулуне». Рассказал, как все прошло. Показалось, она испытала облегчение. Мы пообедали. Будьте добры, расскажите, как убили Маклина? По-моему, информация поможет мне подсобрать вам. Это случилось сразу после моего ухода?

Они снова переглянулись. Карин едва заметно кивнула Диджею. Было очевидно, что теперь он работает на нее.

— Его ударили по затылку молотком.

Диджей похлопал по собственному черепу ладонью, слишком миниатюрной для его габаритов. Он носил обручальное кольцо, а ногти были наманикюрены в салоне.

— Это произошло в его спальне — вероятно, через считанные минуты после того, как вы ушли. Вам очень повезло, мистер Фосс, что Карин видела, как вы выходили, иначе вас бы уже арестовали.

— Вы видели, как я уходил? — переспросил Джордж Карин; сам он не помнил, чтобы они встретились на выходе.

— Мой кабинет на втором этаже. Дядя заглянул после беседы с вами, а потом ушел к себе — сообщил, что все прошло нормально. Я вышла из кабинета и сверху заметила вас. Над парадной дверью есть окна. Вы сели в машину и отъехали. Но это не означает, будто я не подозреваю вас в причастности к смерти дяди.

У девушки был бесстрастный взгляд искушенного следователя.

— Клянусь, что я только вернул деньги по просьбе подруги. Я ничего не знал об убийстве до сегодняшнего утра, когда явилась полиция.

Карин взирала на него с прежним выражением. Ее бледная, слегка веснушчатая кожа не была тронута косметикой. В основании шеи расплзлось розоватое пятно не то от духоты, не то от напряженной ситуации.

— Мы верим вам, мистер Фосс, — произнес Диджей холодным тоном адвоката,

желающего скрыть удивление, оттого что его подзащитный выиграл дело. — Мы ищем наводки, которые позволят выяснить, где находится Джейн Бирн или кто она такая на самом деле.

— Насколько я понял, деньги пропали?

— Те, что вы принесли в сумке?

— Да.

— Эти-то деньги пропали, да, но нас волнует другое. После беседы с вами мистер Маклин пошел в спальню положить их в сейф. Мы считаем, что убийцы поджидали его там. Окно второго этажа в задней части дома было открыто — наверное, через него и проникли. У нас работали садовники, а они обычно приносят лестницы для глициний. Конечно, это не оправдание. Следовало обеспечить охрану понадежнее. Так или иначе, сейф отперли, и пропало все, кроме его бумаг. Мистер Маклин не доверял валюте — во всяком случае, не вполне — и несколько лет скупал неограниченные алмазы. Дорогие, редких цветов. Это превратилось чуть ли не в хобби. Согласны, Карин? В том сейфе их было прилично. Стоили кучу денег — намного больше пятисот тысяч долларов. Это наводит на мысль, что деньги вернули для того, чтобы он открыл сейф, после чего на него напали, а сейф опустошили. Уверен, что их интересовали алмазы. Ваша подруга наверняка о них знала. Это очень серьезное дело.

Как только Диджей упомянул о сейфе, перед глазами Джорджа чуть поплыло. Не потому, что он смешался, или слишком устал, или изнемог под бременем избытка информации — события вдруг представились ему абсолютно ясными, последний фрагмент головоломки лег на место. Все это время Джордж считал, что на кону была спортивная сумка с деньгами, которых там оказалось больше, чем он повидал за всю свою жизнь, — но это была просто приманка, уловка, чтобы в нужное время направить Маклина к сейфу.

— Вам плохо?

— Извините, — произнес Джордж. — Я не знал о сейфе. Сколько стоили алмазы?

Диджей и Карин посмотрели друг на друга.

— Я не уполномочен сказать точно, но много, — ответил Диджей. — Мы думаем, не меньше пяти миллионов долларов. Надеюсь, вы понимаете, что мы не обвиняем вас в краже алмазов...

— Нет-нет, все понимаю. Простите. Для меня это неожиданный поворот. Очевидно... — Джордж беспомощно взглянул на свой полупустой стакан, где шевельнулся кубик льда.

— Вот я и говорю, — заметил Диджей. — Нас интересует, не знаете ли вы, как связаться с Джейн Бирн или где она могла остановиться, пока была здесь. Нас интересует вся полезная информация.

Джордж едва ли слышал детектива. Мозг лихорадочно переваривал новые сведения. Новости были скверными. Умышленно или нет, Джордж стал соучастником убийства. Он отпил кофе, чтобы выиграть время, но желудок свело, и рот наполнился слюной.

— Прошу прощения, — сказал он, глубоко дыша носом. — Я просто слегка расстроен. А еще пытаюсь осмыслить ваши слова. Мне нужно в туалет.

Он отодвинул стул, встал и пошел прочь, убежденный, что его сейчас вырвет. Дверь в мужской туалет в задней части кофейни была нараспашку. Он захлопнул ее и заперся. Лампа дневного света неровно мигала. Пол был мокрый, словно его недавно мыли, но все равно выглядел грязным, с прилипшими к кафелю волосками. Джордж опустил на колени перед

унитазом. В ноздри ударил запах древних труб, и Джордж согнулся, уже желая сплевать, несмотря на прострелы в боку. На этом все и кончилось. Тошнота сменилась головокружением. Ухватившись за унитаз, он оттолкнулся и встал. Пустил холодную воду и несколько раз вымыл руки, затем плеснул в лицо и на шею. Потом еще раз глубоко вдохнул через нос, выпрямился и привалился к раковине.

Посмотрел в зеркало. Бледность шокировала. Волосы взмокли от пота. «Каким же я был придурком», — подумал Джордж. Он пялился на свое отражение еще минуту, дожидаясь, когда перестанет кружиться голова.

Джордж перекатился на спину. В номер вошли двое, захлопнули за собой дверь. Один, пониже и жилистее, хотел ударить каблуком Джорджу по колену, но промахнулся. Второй, выше и толще, командовал:

— Вставай, урод! Убью, к гребаной матери!

Джордж отполз на середину комнаты, глаза привыкали к полутьме. Гости были его возраста или младше. Они смахивали на пару полузащитников из школьной команды, переодетых к походу в «Бургер-кинг» в субботу вечером. На обоих были футболки «Оушен пасифик», заправленные в битые ^[25] джинсы.

— Тогда я лучше полежу, — отозвался Джордж.

— Пидор сучий! — заговорил второй. — Сказано встать, подымайся!

— Дай минутку подумать, я не врубился.

Мелкий, который топотун, нагнулся и сгреб в кулак последнюю чистую рубашку Джорджа. Тот попытался врезать ему в нос, промазал и заехал в адамово яблоко. Гость прерывисто вздохнул и отшатнулся, схватившись за горло и округлив рот.

— Сука... — сипло выдавил недоросток.

Джордж встал, понимая, что надо бы испугаться, но инстинкт выживания позволил сохранить хладнокровие. Он выставил ладони.

— Не знаю, что вам надо...

Тот, что был поздоровее, бросился на него. Джордж попытался ударить, но не успел замахнуться, как был уже скручен и брошен на свежезастеленную постель. Противник заломил ему руки так, что притиснул ничком, удерживая шею предплечьем и пригвоздив поясницу коленом.

— Нравится, сука? Нравится?

Посчитав вопрос риторическим, Джордж не ответил. Паренек, которого он саданул в горло, подошел к кровати, вступив в полосу света, проникавшего через задернутые занавеси. Он раздышался и осторожно оцупал шею. У него был узкий подбородок, багровый от прыщей, и стрижка «ежик», сквозь которую белела испещренная родинками кожа.

— Тебе конец, паскуда, — сообщил он хрипло.

— Скажи только, что я такого сделал, — отозвался Джордж.

— Сам знаешь, — произнес здоровяк, перенося всю тяжесть тела на колено, которое упиралось Джорджу в хребет.

В матрасе запела пружина.

— Честное слово, нет! Это касается Одри Бек?

— Не, ни капли, — с издевкой ответил заморыш, теперь вращавший челюстью на манер пассажира самолета, у которого заложило уши.

— Серьезно, мне известно не больше вашего. Даже не понимаю, ее ли я знал.

— Это ты посадил ее на наркоту?

— Мы говорим о разных людях. Одри Бек не поехала в колледж. Кто-то выдавал себя за нее. Одри отправилась в Уэст-Палм-Бич с каким-то Йеном Кингом. Богом клянусь!

— Что за пургу ты несешь?

— Дай перевернуться, и я скажу.

— Ага, вертай его, — подхватил мелкий.

Парень, державший Джорджа, выполнил очередной хитроумный комплекс борцовских движений: перевернул его на спину, а колено упер ему в солнечное сплетение. Джордж рассмотрел своего главного обидчика. Тот был широк и высок, с жирным подбородком и лбом крупнее остальной части лица. Светлые волосы коротко острижены на макушке и висках, а на затылке оставлены длинными.

— Может, послушаешь секунду? Я не вру. Похоже, я вообще не был знаком с Одри Бек. Лбище покачал башкой, как родитель, которому дитя малое пудрит мозги.

— Если мы выясним, что ты приложил руку к тому, что с ней случилось, затравлю, как оленя, и пристрелю. Усек?

— Да, но...

— Понял, урод?

— Понял.

— Скотт, дай-ка я двину ему по горлу, как он мне.

— Я сам, — ответил Скотт и занес пухлый кулак.

Джордж поднял плечи и прижал подбородок к груди, а потому ему досталось по верхней губе и носу. Кровь брызнула и оттуда, и оттуда, а из глаз хлынули слезы.

Ребята убралась так же стремительно, как пришли.

Джордж проковылял в ванную и зарылся лицом в тонкое полотенце, которое пахло отбеливателем. Сильнее всего болел нос, потом — место между скулами и глазами. Он прижимал полотенце к лицу минут пять; затем сообразил, что дверь так и открыта, — пересек комнату и запер ее. Сел на кровать и набрал номер из записки, что обнаружил на машине. Сердце колотилось, и он забеспокоился, сможет ли говорить внятно.

— Алло?

Ответила девушка; голос был встревоженный, с легким южным акцентом — другим, не очень похожим на выговор Одри.

— Вы оставили мне записку с этим номером.

Голос Джорджа звучал напрочь простуженным.

— Это вы из Мазер-колледжа?

— Да. Вы кто?

— Дружила с Одри.

Джордж принялся трясти сигаретной пачкой, пока не выскочил кончик с фильтром.

— Я тоже, казалось, но получается, что нет.

— Она не поехала в колледж, — сказала девушка.

— Ну, кто-то все же поехал. Как вас зовут?

— Кэсси Завински.

— Значит, вы знали, что Одри не поехала в Мазер?

— Да, знала.

— А кто заменил ее, знаете?

— Как зовут — нет, но знаю, что кто-то это сделал. По-моему, она училась в Чинкепине. Вы же с ней встретились, познакомились? Какая она была?

— Она была моей подружкой. Клевая.

Джордж зажег сигарету. От первой затяжки нос немного прочистился — и учуял кровь.

— Но толком о ней ничего не известно? — спросила Кэсси.

— У меня к вам тоже полно вопросов. Понятия не имею, откуда вы знаете, что я

здесь, и чего добиваетесь. Может, увидимся?

— Это можно.

— Придорожную забегаловку «Шони» знаете?

— Конечно.

Через два часа Джордж, приняв душ и переодевшись, с разбитым носом и рассеченной липкой губой, сидел в задней кабинке с огромным стаканом колы.

«Шони» был забит парочками — одинокими пожилыми и молодыми с шумными детьми. Кэсси было легко узнать, едва она вошла: одна, ровесница Джорджа, в винтажной мужской жилетке поверх футболки «Краудед хаус» ^[26] и тесных драных джинсах. Джордж помахал ей, и она подошла — плавно скользнула к нему.

— Что с тобой стряслось? — спросила она.

Наверное, пора на «ты».

— Два типа явились в мотель и захотели выяснить, что я сделал с Одри. Может, ты их знаешь?

— Что за типы?

У нее были короткие рыжеватые волосы, маленькие сине-зеленые глаза, курносый нос-кнопка и огромный рот с большими белыми зубами. Она не стала краше от алой помады, наложенной слоем в четверть дюйма и запятанной клык.

— Не знаю. Качки. Одного звали Скотт.

— Ой, надо же! Скотти — мой брат. А другой был худой и лопоухий?

— Точно.

— Это Кевин Лайнбек, его закадычный дружба. Ой, надо же, вот нехорошо! Они должны были... Они бы и не узнали про тебя, если бы не я.

— Все равно не понимаю, как ты проведала.

Появилась официантка, и Кэсси заказала «Доктор Пеппер».

— Значит, ты был сегодня у Беков? — спросила она. — А Билли Бека видел? Брат Одри? Ну, это он позвонил мне и сказал — наверно, через минуту после того, как ты ушел. Понимаешь, кроме меня, только он знал, что Одри не собиралась в колледж. А он знал, что я знала, — вот сразу и позвонил. Мой брат, свинья такая, должно быть, подслушал, как я говорила с Билли. То есть я так думаю. Прошлым летом Скотт пообещался с Одри минут пять — и до сих пор по уши влюблен.

— Как ты догадалась оставить записку на машине?

— Билли сказал, что ты поехал за полицейскими в участок. И описал машину. Я решила, что если оставлю просто телефон, то пусть увидят — все равно не поймут.

Опустив руки, Кэсси склонилась над своим «Пеппером» и присосалась к соломинке. Она была довольна собой.

— А как же Скотт и его дружок узнали, где меня найти?

— Это все Билли. Он сказал по телефону, а я, наверно, громко повторила или не знаю что, потому что Скотт услышал. А может, подслушал. Телефон в моей комнате, но линия не моя, подслушать сумеет любой из домашних. Короче, так Скотт узнал, где ты остановился. Наверное, мне за тебя достанется.

— Одного никак не пойму: почему Одри не захотела ехать в колледж? Она же наверняка подала документы.

— Ей пришлось. Родители заставили. Она типа одна из немногих в Суитгаме, кто

может позволить себе четыре года в колледже, — тем более поступить туда. Короче, родители так велели. Думаю, она выбрала Мазер, потому что он очень далеко. Но ехать не хотела. Вообще. Она запала на этого Йена Кинга...

— Из «Наживки для аллигатора».

— Фигасе, ты о них слышал!

— Да нет на самом деле. Это мне детектив сказал. Заявил, что Одри сбежала с этим Йеном.

— Такой был план — во всяком случае, она так сказала. Родителям наплела, что поедет учиться, а сама просто смылась из города. Рассудила: ну что ей сделают, если не найдут?

— Значит, она сама нашла себе замену?

— Ага. Штука в том, что об этом Одри рассказала мне мало. Мы дружили, но закадычными подружками, чтобы до гробовой доски, не были. Типа выросли вместе. Наши папы знакомы. Мамы тоже. Так мы все и перезнакомились — Билли, я, Скотти, Одри. Вроде как одна семья. Поэтому, когда Одри заявила, что не поедет в колледж, я типа — ну, не знаю что. Но потом она доложила, что познакомилась с девчонкой из Чинкепина, которая вроде похожа на нее и ума палата, но из плохой семьи, без денег и страшно хочет учиться.

— Как они познакомились?

— У дебатеров, по-моему.

— У кого?

— В дискуссионной команде, на соревнованиях. Я в этом неважно разбираюсь.

— Но имя этой девчонки она так и не назвала?

— Наверное, она испугалась, что и так много выболтала. Мы, повторяю, не были неразлейвода. Она потребовала не выдавать ее, и я дала слово. Теперь мне немного совестно. Может, и надо было сказать.

— Повторите, ребята? — материализовалась официантка.

Оба кивнули.

— Что будете есть, решили?

— Я не такой уж голодный, — сказал Джордж.

— Может, картошку фри? — спросила Кэсси. — Она здесь хорошая.

Картошку, нарезанную хворостом, доставили через десять минут на большом овальном блюде. Кэсси еще долго тараторила, но главное уже было сказано. Девушка, которую он разыскивал, была родом из Чинкепина и состояла в дискуссионной команде. Завтра он снова просмотрит альбомы и узнает имя. Правда, он еще не решил, займется ли этим сам или прибегнет к помощи детектива Чалфента.

Джордж проводил Кэсси до ее машины. Она взглянула на звездное небо.

— Смотри, Большая Медведица, — указала пальцем.

— Не думаешь, что та другая девушка могла иметь отношение к тому, что случилось с Одри? — спросил Джордж.

— Конечно, я думала об этом. Но Одри крепко подседа на наркоту, так что, сам понимаешь, всякое может быть.

— Позвонишь, если что-то выяснится?

— Обязательно. И не бойся, я передам Скотти, что ты тут ни при чем, и он больше тебя не тронет.

— В следующий раз я буду готова.

— Он типа урод.

— Я заметила.

Ночью то и дело заряжал дождь; Джордж лежал без сна на своем покалеченном матрасе. Лицо продолжало болеть. Ветхий мотель скрипел и постанывал. По комнате пробегали тени машин с шоссе — длинные, короткие и снова длинные. Джордж забил окурками пепельницу, несколько раз включил и выключил телевизор. На рассвете, когда ветер стих, а восходящее солнце излило на землю ровный слабый свет, он уснул — со жжением в губах и сильным привкусом табака во рту.

С утра позвонил Чалфенту и сообщил, что девушка, которую они разыскивают, могла быть родом из соседнего города и он готов просмотреть другие альбомы. Джордж сказал, что речь, очевидно, идет о Чинкепине. Чалфент велел заглянуть в участок после ланча.

Дэн Томпсон снова одолжил Джорджу машину.

— По-мексикански говоришь?

— К сожалению, нет.

— Ничего страшного, хотя пригодилось бы. У меня к тебе дельце. Знаешь мексиканскую забегаловку «У Абелито»?

На Дэне был тот же, песочного цвета костюм, но с другими галстуком и платком. Нынче они слепили лазурью.

— Нет, но найду.

Дэн назвал ему улицу с перекрестком и вручил бумаги на подпись.

Джордж рассчитал так, чтобы совместить задание с ланчем, и поел в людном мексиканском ресторанчике. Кормили там хорошо, но у него почти не было аппетита. Он предчувствовал, что через несколько часов узнает, кто на самом деле та девушка, которую он знал как Одри. А увидит когда? Расплатившись, поехал в полицейский участок.

Чалфента не было, но секретарша оставила на столе стопку выпускных альбомов, в том числе Чинкепинской средней школы. Оставшись наедине с ними, Джордж начал с самого свежего. Не стал смотреть отдельные фотографии, сразу заглянул в конец, где были коллективные снимки кружков и спортивных команд. Нашел «Дебаты и речи»: на черно-белом фото в полстраницы человек семь школьников стояли в два ряда. Джордж нервно изучил лица.

Там она и отыскалась. Прическа другая — волосы были длиннее, воздушнее и вроде даже светлее, но остальное не изменилось: лицо, поза и полуулыбка.

Он прочел напечатанные внизу имена. Она была во втором ряду, третья слева: Л. Дектер; черное платье с вырезом и нитка жемчуга. Он долго смотрел на снимок. Но ее глаза не сказали ему ничего нового.

Джордж закрыл альбом, но оставил на коленях. С тех пор как секретарша проводила его в кабинет, в коридоре стояла мертвая тишина. Он изменил первоначальный план, положил альбом на место и как бы с ленцой покинул владения Чалфента. Секретарша, стоя к нему спиной, рылась в картотеке, а потому он спокойно миновал пост, вышел через стеклянные двери и окунулся в теплый ветреный день.

В Чинкепине числилось шесть Дектеров. Он начал с первого. Набрал номер, решил просто спросить Лиану, кто бы ни ответил. По двум номерам не отозвался даже автоответчик; по третьему прозвучало малообещающее сообщение. Еще по двум ему

сказали, что он ошибся. Последняя попытка...

— Кто спрашивает? — ответил мужчина.

— Я ее друг, сэр.

— Может, назоветесь или мне загадки отгадывать? — Голос был старчески дрожащий, исполненный глубокого равнодушия.

— Джордж Фосс.

— Хорошо, Джордж. Я передам, что ты интересовался. Не обещаю, что она перезвонит, но это уже твоя проблема.

— Спасибо, сэр. — Джордж мало кого называл сэром, но поймал себя на том, что обзавелся этой привычкой с момента приезда во Флориду. — Номер мой не запишете?

— А что, у нее еще нет?

— Нет, сэр.

— Тогда, мальчишечка, пошел ты... За дочкину сводню меня держишь!

Он отключился.

Джордж взглянул на телефонный справочник, раскрытый на коленях. Указательный палец побелел, притискивая номер, по которому он только что звонил. Имелся и адрес.

К. Дектер жил на Восьмой улице. Джордж нашел ее, проехав полчаса. Очередное захолустье: квадратные дома с мощеными двориками, перед большинством из которых стояло по две-три раздолбанные машины. Вместо тротуара вдоль дороги тянулась сточная канава с зеленоватой водой. За домами виднелся забор, а за ним — заброшенный искусственный пруд. Даже придорожные пальмы казались старыми и изможденными. Землю усыпали пожелтевшие листья.

Он сбавил скорость, высматривая четверста первый дом. Пришлось описать круг. Здание обнаружилось по номеру на соседнем — триста девяносто седьмом. Четверста первый был отделан выцветшим винилом. Под навесом для машин стоял повидавший виды пикап. На земляном пятачке рос дуб, развесив грязно-серые бороды испанского лишайника. Предположив, что дома только отец, Джордж решил понаблюдать. Съехал на обочину под дуб, надеясь, что в тени будет и прохладнее, и не так заметно.

Через полчаса стало ясно, что расчет был неверный. Салон «бьюика» раскалился, как мансарда в июле, а те немногочисленные автомобили, что проезжали мимо, неизменно притормаживали, и водители тянули шеи взглянуть на чужака-извращенца в задраенной тачке. Джордж осознал: это лишь вопрос времени, когда кто-нибудь остановится или выйдет из соседнего дома и спросит, какого дьявола он тут забыл.

Тревоги эти соревновались с пустившимися вскачь мыслями. Близость дома Лианы Дектер, она же Одри Бек, побуждала к полной переоценке ее личности, ее воспитания. Не затем ли она поменялась с Одри местами, чтобы избежать некой незавидной участи на этой самой улице? И в чем заключался ее долгосрочный план? Навеки остаться Одри Бек? Возможно, в Мазер-колледже, за многие мили и штаты, это и выгорело бы, но в конечном счете правда открылась бы. Так оно, по сути, и вышло. Из-за смерти Одри. Джордж переваривал все, что узнал за последние двадцать четыре часа, срываясь на осмысление логики нынешних действий и слезки из автомобиля. Он надеялся увидеть Лиану — выходящей из дому или возвращающейся домой. Хотел поговорить с ней первым, услышать ее версию событий и предупредить: полиция знает, что Одри Бек не добралась до колледжа.

Подъехал какой-то неопознаваемый крутой автомобиль, всю изрыгая клубы черного

дыма. Джордж сполз на сиденье с незажженной сигаретой во рту.

Дверь машины распахнулась, и из салона неуклюже выбрался верзила в джинсе. Ему было под тридцать; длинные черные волосы собраны в тугий хвост; лицо казалось издали бледным и с мелкими чертами. Солнцезащитные очки.

Джордж проследил, как он пересек улицу широким, размашисто-безмятежным шагом и приблизился к дому Дектеров. «Бьюик» стоял под дубом чуть позади него, а потому входная дверь просматривалась плохо. Через две минуты мужчина нарисовался вновь и непринужденно направился к Джорджу. Тот поспешно зажег сигарету, фильтр которой уже намок.

Мужчина положил одну руку на крышу машины, другую — на раму, после чего сильно наклонился, чтобы его физиономия с тарелку величиной чуть ли не всунулась в окно. Глаза, почти синие, пристально изучили салон. Джордж хотел заговорить первым, но не знал, что сказать.

— Как дела? — небрежно осведомился незнакомец.

Голос был приветлив, как на радио. Джордж отметил карандашные усики над бесцветной губой и слишком высокие для мужчины скулы.

— Ничего.

— Не стану спрашивать, че ты тут шаршишься, потому что знаю. Лиана мне все про тебя рассказала. Хороший мальчик, говорила, из приличной семьи.

— Я просто хочу с ней увидеться.

— О, это я знаю! Это ясно и понятно. Думаю, при других обстоятельствах она тоже была бы не прочь. Но тебе придется уразуметь, что сейчас это не очень удобно. Она велела мне передать, чтобы ты уезжал из города обратно в колледж.

— А что будет, если не вернусь? — произнес Джордж тоном, который счел вполне оправданным.

Наверное, типу понадобилось какое-то время, чтобы переместить руку с крыши машины на горло Джорджа, но тот не сумел его высчитать. Только что он договаривал вопрос, а в следующий миг уже задыхался под лапой со здоровенными костяшками, которая одновременно стискивала его горло и вжимала в подголовник.

— Похоже, ты уже где-то схлопотал и решил, что от плюхи большой беды не будет. Посмотрим, что у нас тут такое... — Мужчина ошупал лицо Джорджа свободной рукой, как это делает пластический хирург с дамой, обратившейся по поводу морщин. — Носу, должно быть, пришлось несладко.

Он сплющил искалеченный нос Джорджа большим пальцем, с подушечкой широкой и плоской, как кофейная ложка. Джордж инстинктивно поднял руку, чтобы защититься.

— Не рыпайся, падла.

Мужчина крепче сжал ему горло и надавил пальцем. В рот Джорджу потекла свежая кровь, он слышал похрустывание хряща.

— Если врежу по носу, уже не пройдет. На всю жизнь останется. На рожке будет только клочок кожи. Понимаешь, что я говорю? — Он покивал головой Джорджа вручную, словно чревоуещатель — башкой болванчика. — Молодец.

Мимо медленно проехал автомобиль, но не остановился. Тип с конским хвостом и глазом не моргнул.

— Ладно, Джордж, я отваливаю и предлагаю тебе сделать то же самое. Увижу еще раз — будет очень больно, так что лучше не попадайся.

Он отпустил лицо Джорджа и выпрямился. Джордж смахнул со щеки слезы и сделал глубокий, болезненный вдох. Парень знал, что рано или поздно расплачется, да не просто слезами, а с соплями, навзрыд, но решил, что продержится, пока его мучитель не пропадет из виду. Тот отошел и поддержал тесные черные джинсы с ремнем, украшенным огромной пряжкой с логотипом «Джек Дэниелс». Затем той же небрежной походочкой вернулся к своей приземистой черной тачке, сложился, как перочинный нож, и укатил прочь.

В мотеле Джордж действительно расплакался, но плач продолжался не так долго и надсадно, как ему показалось. Худшее было позади — лютый страх перед тем, что человек с конским хвостом покалечит его по-настоящему, всерьез. Останется на всю жизнь, посулил он, и эта фраза засела в голове Джорджа.

Пора было убираться из Флориды. Он сядет в автобус, вернется в колледж, а оттуда позвонит детективу Чалфенту, расскажет все — и пусть тот разбирается. Лиана угодила в передрагу, которая была ему не по зубам.

Зазвонил телефон, и он чуть не послал его к черту.

— Привет, Джордж, — сказала она.

Джордж стоял в туалете кофейни — тошнота проходила, но паника сохранялась. Нужно решить, что сказать Дональду Дженксу и Карин Бойд. Он полагал, что они заслуживали правды, но все же хотел соблюсти осторожность. Не ради Лианы — ради себя. Когда его допрашивала полиция, он не сказал ни о втором Донни Дженксе, ни о доме в Нью-Эссексе ни даже о том, что знал настоящее имя Джейн Бирн. Но он тогда не знал размаха, с которым его использовала Лиана; не ведал того, что его участие привело к убийству. Замысел был гениален и прост. Как заставить человека открыть сейф? Дать ему что-нибудь, чтобы положил, а самим выждать и проследить. Он оказался идеальным актером, потому что не знал, что играл. Хорошим человеком, намеренным сделать доброе дело: вернуть деньги владельцу. Оградить женщину от угроз. Восстановить порядок в мире. Пока он играл свою роль, кто-то — возможно, тот, кто притворялся Донни Дженксом, — караулил с молотком наверху возле сейфа. Как он туда проник? Приехал с садовниками?

Тем не менее Джорджу еще хотелось верить в невиновность Лианы, в то, что она не стояла за ограблением и убийством. Не потому, что он считал ее неспособной на это, а потому, что надеялся: она не смогла бы так его использовать. Джордж с тех пор был немного влюблен в Лиану и хотел думать, что она всегда отвечала ему тем же. Но стремления защитить ее было недостаточно для того, чтобы не пойти и не рассказать все полиции. Если она невиновна, она тоже в опасности.

Нет, главным препятствием, не позволявшим Джорджу немедленно выложить все Карин Бойд с Диджеем и полиции, было то, что накануне ложный Донни напал на Айрин. Это предупреждение адресовали ему, и лишь ему: его поступки отразятся не только на собственном, но и на ее благополучии. Но почему? После убийства Маклина и кражи алмазов оставалось только встретиться с Лианой и смыться из города. Выследить их невозможно. Джордж знал настоящее имя Лианы, но та не пользовалась им годами, и он понятия не имел, кто ее сообщник. Зачем тогда они угрожали Айрин? И откуда вообще узнали, кто такая Айрин и где ее найти? Джордж вдруг осознал, что все события минувшего уик-энда были спланированы задолго до их начала.

Он вернулся к столику более собранным, зная, что скажет. Карин и Диджей негромко переговаривались, но умолкли, когда Джордж отодвинул стул и сел.

— Все в порядке? — спросила Карин.

— Бывало и лучше. До этой минуты я не понимал, насколько все было продумано. Немного неприятно узнать, что ненароком оказался замешан в убийстве.

Глаза Диджея сверкнули, усики чуть дрогнули.

— Хотите рассказать все как было?

— Я расскажу, — пообещал Джордж. — Все. Но сделать это сию секунду не могу. Нужно несколько часов, чтобы кое в чем разобраться.

— Мне это не нравится, — произнес Диджей тоном профессора, которого просят об отсрочке сдачи курсовой.

— Поверьте, когда я расскажу все, что знаю, вы будете разочарованы. Мне не известно ни где находится Джейн, ни куда подевались алмазы. По-моему, их здесь давно нет. Но я позвоню вам позднее.

Диджей неожиданно успокоился и вроде как сдался, Карин же стала медленно

багроветь. Румянец переполз с груди на шею. Она повертела на пальце кольцо.

— Если вы что-то знаете, то обязаны нам сказать, — заявила она, переводя взгляд с Джорджа на Диджея. — Правильно? Мы вызовем полицию. Вы скрываете информацию важную для расследования убийства.

— Спокойно, Карин, все хорошо, — вмешался Диджей, потянувшись своей пухлой ладошкой.

Карин повысила голос. Бариста за стойкой подняла глаза.

— Полиции я тоже все расскажу, — ответил Джордж. — Обещаю. Мне просто нужна пара часов.

— Мы не можем его отпустить, — сказала Карин.

— Ничего страшного. Выбора нет. Позвоните мне, мистер Фосс?

— Позвоню.

— Понимаете, мне придется сообщить офицерам, ведущим расследование, о том, что вы скрываете информацию.

— Понимаю.

У Карин в сумочке проснулся телефон. Джордж встал. Она быстро ответила неизвестному абоненту, что сейчас перезвонит.

— Моя визитка у вас есть, — сказал Диджей.

Джордж похлопал себя по нагрудному карману.

— Я позвоню, — повторил он и вышел.

Измощенный и взмокший, Джордж направился через проулок к задней лестнице своего дома. У входа его вполне могли ждать. Лиана, театрально льющая слезы, или фальшивый Донни Дженкс с молотком, или бригада сыщиков с вопросами и ордером на обыск. Там не оказалось никого, как и в квартире. Только Нора спала на рубашке, которую он оставил на полу. Джордж взял ее на руки. Кошка замурлыкала, довольная тем, что хозяин вернулся один. Он согласился с ней, вдруг устыдившись того, как чернил свою бессобытийную жизнь.

Джордж опустил Нору на пол. Поставил на максимум кондиционер в спальне. Одним из плюсов этого допотопного устройства был шум, из-за которого хозяин не слышал ни телефона, ни стука в дверь. Разделся, заполз под перекрученные простыни, рассчитывая уловить запах Лианы, но почему-то не смог. Она исчезла целиком и полностью. А может, все это ему пригрезилось. Такова была его последняя внятная мысль перед провалом в глубокий сон без сновидений.

Джордж проснулся ранним вечером со смутным ощущением нереальности бытия, какое бывает после дневного сна. Кондиционер гудел с накалом симфонического оркестра, но все же устроил в комнате зиму. Кожа, где высох пот, была липкой. Во рту еще сохранилась кофейная горечь, а зубы покрыл налет. Лежа неподвижно, он смотрел на блекло освещенный потолок и пытался вычислить время, хотя достаточно было повернуть голову и взглянуть на прикроватные часы.

Сквозь гул кондиционера он различил приглушенное неистовое царпанье: в дверь скреблась возмущенная Нора. Наверно, ей пора обедать — уже часов шесть.

Джордж снова закрыл глаза и ощутил, как его накрывает тяжелая пелена сна. Может, стоило так и проспать до утра. Какой сегодня день? Нужно ли завтра на работу?

Вслед за этими мыслями нахлынули другие. Он вспомнил свое обещание Карин Бойд и

Дональду Дженксу рассказать все, что знал. А еще про Айрин, которая должна быть в курсе происходящего. Он вновь поднял веки и на сей раз посмотрел на часы. Было самое начало восьмого.

Покормил Нору, проверил автоответчик. Припомнил, что сквозь сон слышал далекие телефонные звонки, но сообщений не было. Может, приснилось. Принял душ, оделся и пошел в кухню искать съестного. Разогрел английский маффин и съел с молоком. Душ и еда не оживили, а, напротив, утомили еще сильнее. Отчаянно хотелось снова залечь на кушетку и посмотреть бейсбольный матч или старый фильм, но Джордж пробудился с готовым планом, который нуждался в осуществлении.

Айрин жила за рекой в Кембридже; владела квартирой в трехэтажном кирпичном здании, где некогда размещалась обувная фабрика, которая преобразовалась в светлые, экологически чистые лофты^[27] в девяностых годах, перед самым бумом на бостонском рынке недвижимости. Айрин заплатила за тысячу двести квадратных футов бешеные, как казалось тогда, деньги, а теперь эта цена выглядела смехотворной. Приобретение лофта спровоцировало первый из множества мелких кризисов в отношениях Джорджа и Айрин. Они были вместе всего года два и оба после колледжа жили в дрянных комнатухах, но вот она обмолвилась о возможности вложиться в кондоминиум и спросила, не хочет ли он поселиться с ней. Они посетили это пустынное место вместе с агентшей по недвижимости — особой с пышной прической. Она общалась с ними как с молодоженами: расписывала всевозможные достоинства квартиры, нержавеющей сталь и потолочные окна. Но Джордж увидел лишь ипотеку, которую не мог себе позволить, и помещение без внутренних дверей — квартиру для взрослых, где они с Айрин будут обречены на постоянное общество друг друга без шанса уединиться. В тот же вечер за пивом на Оллстон-стрит он заявил, что это слишком дорого, чересчур поспешно. Раздосадованная, она все же решила купить квартиру в одиночку. Это была первая из многих за тот год мелких размолвок, что подточила их отношения.

Джордж припарковался за пару кварталов от дома Айрин. Звонить заранее было незачем; он был уверен, что в воскресный вечер она будет на месте. Она была приверженкой устоев, а одно из правил гласило, что вечер воскресенья предназначен для простых обедов и английских сериалов на государственных каналах. Джордж прогулялся через густонаселенный район, узкие улицы которого были забиты трехэтажными палубными строениями. Здание бывшей фабрики занимало добрых полквартала — как яхта, пришвартованная среди сотни лодок. Айрин жила на последнем этаже; до лестницы надо было пройти под наружную арку, а после позвонить в домофон. Полированная металлическая панель соседствовала с массивной дверью; Джордж нажал кнопку напротив имени «А. Димас». Ожидая ответа, он сквозь пожарную лестницу рассматривал темнеющее небо. Жара держалась, но лето заканчивалось, и ночь наступала быстрее.

— Алло? — донесся из динамика ее глухой голос.

Хозяйка — в коротких пижамных штанах и выцветшей футболке «Ред сокс» — встретила его на пороге. Он знал не глядя, что на спине ее майки имя и номер Тима Уэйкфилда. Волосы были перехвачены сзади тряпичной лентой, а лицо блестело, будто она недавно умылась и наложила какое-то ночное увлажняющее средство. На том месте, куда ударил Донни Дженкс, красовался свежий пластырь, и кожа — хотя Джордж видел Айрин с

утра — успела припухнуть и пожелтеть.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Прости, что врываюсь, нужно поговорить. Можно войти?

В лофте было темнее, чем снаружи, но Айрин зажгла торшер до того, как они уселись на кушетку. Образовалось неровное озерцо мягкого света. Несмотря на холодную геометрию просторного лофта, Айрин обставила его красиво: закутки превратились в уютные теплые комнатки. Джордж не задерживался здесь, ибо это место постоянно напоминало о том, что их пара потерпела фиаско; на этой «музейной — выставке» демонстрировались его отсутствие, его неспособность на поступки. Джордж не думал, что Айрин считала именно так; эта квартира прослужила ей домом больше десяти лет, но он, оказываясь здесь, не мог избавиться от мысли, что тоже мог в ней жить.

Джордж отказался от выпивки и пристроился с краю огромной кушетки. Айрин села напротив.

— Помнишь, я в пятницу говорил о женщине из «Кроу»? — начал он.

Айрин кивнула.

— Это действительно была та девушка из колледжа, о которой я рассказывал. Лиана Дектер.

— Так я и подумала. Ты слишком разволновался, когда увидел. Ну и что было дальше? Вернулся? Поэтому и сказал, что тебе нехорошо?

— Да.

— Значит, с ней уик-энд и провел?

— Да, но пришел не поэтому. История намного длиннее и касается того, что случилось с тобой в субботу.

Джордж выложил ей все как было. Айрин почти не перебивала, пока он не дошел до Джерри Маклина; тогда она обронила, что совсем недавно прочла о его убийстве в свежем «Глоубе».

Когда он закончил, Айрин проговорила: «Господи, Джорджи» — и промокнула глаз краем футболки.

— Ты расстроилась?

— Нет, мне страшно. За тебя. О чем ты думал, мать твою перемать? Она же убийца!

— Я знаю. И тоже боюсь. Не представляешь, каково было слушать про то, как тебя избивали, и понимать, что это я виноват, а сказать нельзя.

— Не знаю, с чего ты взял, что мне нельзя сказать. Я взрослая девочка. Справилась бы, а тебе не пришлось бы ехать в такую даль.

— Это понятно. Прости за все. День выдался сумасшедший, и я только сейчас разобрался, что делать.

— И что же?

— Расскажу все полиции, сыщику Маклина и всем, кому будет интересно. Я не собираюсь защищать Лиану. Сию секунду кажется, что я ничего ей не должен. И потому начал с тебя. Хотелось, чтобы ты все узнала. И еще одно... Тебе лучше ненадолго уехать из Бостона.

— О чем ты говоришь?

— Не знаю зачем, но Донни Дженкс, забрав из сейфа Маклина алмазы, в тот же вечер навел на тебя, продемонстрировал, что может причинить тебе вред, и назвал свое имя. Он понимал, что я узнаю. Это было прямым посланием для меня. Не знаю, какой в нем смысл.

Наверное, мне советуют помалкивать. Теперь, коль скоро я решил не молчать, тебе придется покинуть город — наведаться к Алексу в Сан-Франциско или еще куда. Мне будет намного легче.

— У меня работа. С утра совещание.

— Это поправимо.

— Ты серьезно? — рассмеялась она. — Да что все это значит?

— То, что я сдуру подверг тебя опасности и ты уже пострадала. — Он неопределенно махнул в сторону ее побитого лица. — Сделай мне это маленькое одолжение, чтобы я больше за тебя не волновался. Дорогу оплачу.

— Дело не в деньгах...

— Понимаю. Просто... не переживу, если с тобой что-то случится. И если перестраховываюсь, значит есть причины.

Айрин поджала губы. Джордж знал, что она покусывает их изнутри, обдумывая услышанное. Ее веки, обычно густо затененные, всегда казались беззащитными, когда она смывала косметику. Айрин вздохнула, перебралась на софу и положила правую ногу на подушку. Хлопчатобумажная пижамная штанина натянулась на целлюлитном бедре. Джордж отвел глаза, он знал о ее страданиях из-за полноты. Айрин водрузила на подушку другую ногу и свела обе вместе. Джорджа вдруг охватило почти нестерпимое желание — чувство, которое, он знал, относилось скорее к покою и безопасности, чем к сексу.

— Я могу уехать, — ответила она. — С удовольствием повидаюсь с племянницами. Да и вообще это возбуждает: сорваться и уехать из города из-за того, что твоя жизнь в опасности.

— Спасибо, спасибо!

— Но как же ты?

— Я сам себе господин, — произнес он шуточным баритоном.

— То-то и оно, что нет.

— Разумеется, нет. Я собираюсь довериться полиции. Это единственный — и правильный — выход. Откровенно говоря, даже представить не могу, что Лиана или Дженкс еще торчат в Бостоне. Это бессмысленно. Они получили то, за чем приехали.

— А вдруг один из них кинул другого? Может, Донни Дженкс забрал алмазы... Или это сделала Лиана, а он теперь рыщет вокруг.

— Я думал об этом. Не исключено. Вообще, вариантов масса. Вот почему хочется, чтобы ты уехала. Я понятия не имею, что происходит.

— Договорились. Я уезжаю. Не могу отделаться от мысли, что пропущу нечто важное. Все, что здесь произойдет, — улыбнулась она.

— Ничего смешного. Я только и смотрю на твой жуткий глаз.

Она потянулась к пластырю.

— Все время забываю. Обещай ежедневно звонить и делиться новостями. Я тоже за тебя волнуюсь.

— Обещаю. — Джордж остался сидеть на софе.

— Ты не уходишь, — заметила Айрин.

Джордж подался к ней и поцеловал. Он не знал, чего ждать, но Айрин ответила с голодной жадностью, толкнула его и очутилась сверху. Он задрал ее футболку с — Уэйкфилдом и положил ладони на груди — маленькие темные соски уже затвердели.

— В спальню? — глухо и хрипло спросил Джордж.

Она помотала головой и схватилась за молнию на его шортах. Он сунул пальцы под пояс

ее пижамных штанов, намереваясь их снять. Она удержала его, оттянула полосатую ткань и направила его внутрь, не раздеваясь. Он закусил губу, чтобы не кончить сию секунду. Женщина придавила его всей тяжестью, с редкостным исступлением задвигала бедрами. Завладев его рукой, она сложила ее в кулак, прижала к себе и принялась тереться о костяшки. Через минуту оба кончили — одновременно.

Айрин проводила его до двери.

— Ты чуть не убил меня, хорошо бы почаще, — сказала, когда они обнялись на прощание.

— Не прикалывайся.

Они расцепились. Айрин отвела взгляд и густо покраснела.

— Жутко совестно за это паскудство... — произнес Джордж.

— Пфф, — отмахнулась Айрин. — Ты же не хотел натравить на меня убийцу.

— Дело не только в этом...

— Ладно, ты становишься сентиментальным. И выглядишь измотанным. Можешь остаться, если хочешь, это же не вопрос.

— Мне нужно в полицию.

— Будь осторожен! Я позвоню, когда решу, куда поеду.

Дверь закрылась. Джордж постоял перед ней — смятенный, но укрепившийся в намерениях.

Небо было голубым от электрического света, но под аркой царила крошечная тьма. Немелодично позвякивали ветровые колокольчики, свисавшие с пожарной лестницы. Два встроенных светильника отбрасывали на кирпичный внутренний дворик густые скрещенные тени. В одной померещился мужской силуэт. Джордж постоял, давая глазам привыкнуть к ночи. По улице бесшумно проехала «тойота-приус», наскоро высветив фарами дворик. Этого хватило, чтобы Джордж понял: он один.

Он направился к машине, попеременно коря себя то за недостаток, то за избыток осторожности. Если фальшивый Донни Дженкс еще ошивается в городе, то почему бы и не здесь? Накануне он тут побывал и ударом отправил Айрин на землю. Если хотел связаться с Джорджем, то здесь было самое подходящее для встречи место. Джордж немного прибавил ходу, минуя дом с распахнутыми настежь окнами. С плоского экрана чудовищных размеров неслось: «Домашнее видео, самое смешное в Америке!» Когда звука не стало, Джорджу послышалось эхо шагов позади. Он пошел чуть быстрее, пригнул голову и больше ощутил, чем увидел чужое присутствие. Сердце забило в два раза быстрее. Совсем скоро справа — улица, где он припарковался. Свернув, Джордж получит возможность оглянуться и проверить, действительно ли сзади кто-то есть. Он припустил еще быстрее, повернул и обернулся как можно небрежнее. Там кто-то был. Примерно на полквартиры дальше, частично скрытый придорожными деревьями. Шел почти праздно.

Джордж прикинул, как быть. До машины оставалась пара сотен ярдов. Он мог побежать, надеясь, что преследователь в худшей форме, или так и шагать — авось паранойя и этот тип просто прогуливается воскресным вечером. Но опыт последних дней подсказывал, что о паранойе говорить не придется. Справа, на подъездной дорожке перед частным домом, обозначился мини-фургон. Не раздумывая, Джордж скользнул за него и присел, надеясь, что преследователь еще не дошел до угла.

Приказал себе дышать потише. Прислушался. Шаги, звучные и с шорохом, будто одной ногой слегка загребали, стали громче. Ему почудилось короткое торможение, будто шедший вдруг озадачился, куда это он забрел, но продолжил идти. Там, где затаился Джордж, было темно, но на нем была светло-голубая футболка, а фургон был выкрашен в темный металлик. Джордж вжался в водительскую дверь и... задел головой ручку! Машина взвыла сиреной и замигала передними и задними фарами.

Он не заорал и не обмочился, хоть и были такие позывы. Вместо этого он бросился наутек, будто фургон вдруг загорелся, и вжался в колючую живую изгородь у подъездной дорожки. Стиснув зубы, повернулся к мужчине на тротуаре. Тот свернул к нему. По фигуре, напомилавшей кеглю, Джордж моментально понял, что это не тот Донни Дженкс, которого он так боялся. Это был Диджей, частный детектив. Он пятерней держался за сердце и выглядел испуганным не меньше, чем Джордж. Он все еще частично находился в тени, но Джордж различил мертвенную бледность и капли пота. Диджей уперся руками в колени и тяжело задыхался.

— Вам плохо? — спросил Джордж, выходя на тротуар. Сирена завывала на всю округу. — Давайте-ка уйдем от этого фургона.

Бок о бок они шагали к его машине. Диджей пытался, как полузащитник, только что пробежавший сорокаметровку.

— Вы что, поехали за мной? — осведомился Джордж.

— Ну да. От этой сирены чуть инфаркт не схлопотал.

— Может, и вправду шарахнуло?

— Вряд ли. У меня уже был, знаю, что это такое. Сейчас непохоже.

— Откуда вы за мной ехали? — спросил Джордж, не зная, что сказать. — От Бостона?

— Да. Надеялся, что вы приведете меня к Джейн Бирн.

— Откуда знаете, что не привел?

— Вы приехали к Айрин Димас, и если она как-то не приютила Джейн...

— Как узнали про Айрин?

— Я сыщик. Занимаюсь сыском. Неужели вы надеялись скрыть пятнадцатилетний роман с бывшей сослуживицей?

— Наверное, нет. Вы так и стояли все это время снаружи?

— Стоял. Без ужина.

Они дошли до машины Джорджа. Позади все еще заливалась сирена. Они постояли и неловкости, будто не знали, продолжить встречу или проститься.

— Я не знаю, где Джейн, — произнес Джордж.

— Верю. А мисс Бойд — нет. Нам известно и то, что вы сказали не все.

— Это правда. Я подумал об этом и готов рассказать вам все, что хотите знать. Полиции — тоже.

— Хорошо.

Сирена смолкла. Насколько Джордж мог судить, никто, включая хозяев мини-фургона, так и не вышел взглянуть, не совершается ли преступление.

— Откровенничать лучше не на улице. Может, зайдём куда-нибудь? Где ваш «сузуки»?

— На соседней улице, — рассмеялся Диджей.

— Не сказал бы, что это удачная для слежки машина.

— Но я же ехал за вами!

— А что вы делаете, когда объект выезжает на автостраду? Она выжмет больше шестидесяти?

— Ладно, бросьте, это же моя крошка! Давайте ограничимся тем, что в моей работе мне редко приходится гоняться за подозреваемыми по автострадам или как-то иначе. Я больше просиживаю в офисе.

— Так где будем говорить? — спросил Джордж. — Можно вернуться в Бостон, поближе ко мне. Там неплохой бар.

— Идет. Встретимся перед вашим домом. Думаю, не отстану.

Джордж обогнул машину, направившись к водительской дверце. Диджей собрался перейти улицу. Сыщик посмотрел налево, направо, оценил темную, спокойную магистраль. Джордж улыбнулся его предосторожности. Но стоило Диджею двинуться с места, как показался белый автомобиль — он мчался на всех парах с выключенными фарами. Джордж крикнул Диджею, чтобы поберегся, но тот уже дошел до середины улицы. Диджей помедлил, решая, идти дальше или вернуться. В ту же секунду тормоза взвизгнули, как девчонка из фильма ужасов. Диджей успел шагнуть к тротуару, а потом полетел вверх тормашками через еще продолжавший движение капот. Джордж увидел, как его необъятный зад воспарил, словно невесомый. Он защитил голову локтем — им же и расколошматил лобовое стекло. Выполнив пируэт, Диджей скрылся из виду. Машина остановилась, визг тормозов резко оборвался, и Джордж услышал тошнотворно-тяжелый удар тела Диджея о

мостовую.

Джордж рванулся было к нему, скосив взгляд на водителя, но замер. Окно автомобиля — белого «доджа» — было опущено; шофер держал обрез, небрежно положив стволы-близнецы на оконную кромку. Джордж машинально поднял руки. Ноги его начали разворачиваться. Зацепившись пяткой за бровку, с которой только что сошел, он упал на тротуар. Услышал звук, как понял, передернутой помпы, и наполовину впрыгнул, наполовину вкатился за свою машину в тот самый миг, когда воздух разорвало выстрелом. «Сааб» Джорджа подпрыгнул. В одном окне осыпалось стекло. В наступившей тишине он услышал, как снова коротко взвизгнули шины, и «додж» укатил, оставив после себя запах горелой резины и горячего металла.

— Диджей, — позвал Джордж в ночь, но ответа не получил — только шипение поврежденной покрышки, да где-то еще распахнулась сетчатая дверь, и к нему начали приближаться голоса.

Джордж около часа просидел в допросной бостонского полицейского участка в одиночестве, на пластиковом стуле под флуоресцентными лампами. Он допил кофе и принялся сосредоточенно отрывать ободок одноразового стакана, пока не обкорнал наполовину. Около полуночи дверь распахнулась, и вошла детектив Роберта Джеймс: в джинсах, блузке с коротким рукавом и зеленой бейсболке с эмблемой «Бостон селтикс»^[28].

— Привет, Джордж, — сказала она и села за стол, поставив на него кружку и положив папку.

— Мое почтение, детектив, — ответил Джордж.

— Слышала, вы нынче сильно перепугались?

— Что с Дональдом Дженксом? Я уже всех тут спросил.

— Сломан локоть. Вывихнуто плечо. Признаки сотрясения мозга. Ночь проведет в больнице.

Джордж выдохнул. Когда в него выстрелили, он, заставив ватные ноги двигаться, перешел улицу. Диджей лежал на боку; волосы мокрые и липкие от крови. Раненый был в сознании. Джордж справился о его самочувствии, но Донни в ответ лишь глянул смущенно и снова уставился на тротуар, будто вопрос его позорил.

— Что случилось? — спросил кто-то сзади.

Это оказалась блондинка за тридцать, с короткой стрижкой. Она топталась в нескольких ярдах, обеспокоенно морща лоб.

— Его сбила машина, — ответил Джордж. — И уехала.

Его голос был прерывист и сух. Джордж подумал, что тоже близок к шоку. Женщина нерешительно шагнула к ним. Потом вдруг рядом появился мужчина, говоривший по мобильному телефону. Он шептал, будто не хотел быть услышанным. Патрульная машина ненамного опередила «скорую». На улицу высыпали местные: образовали полукруг и вполголоса переговаривались. Пока Диджеем занимались медики, Джордж побеседовал с офицером полиции — показал ему следы протекторов на асфальте и раскучуроченный бок «сааба». Офицер, такой же автолюбитель, изучил повреждения с мрачной серьезностью. Джордж рассказал все как было, опустив намного более запутанную предысторию, но показал визитку детектива Джеймс и сообщил, что происшествие было связано с текущим расследованием.

— Расскажите, что случилось? — спросила детектив Джеймс.

Он же подумал о ее напарнике О'Клере — может быть, сидит где-то за монитором и слушает.

— Конечно.

— Знаете, кто в вас стрелял?

— Знаю, но не подлинное имя. Он назвался Донни Дженксом.

— Донни Дженкс, который сейчас в больнице?

— Нет, там настоящий Донни Дженкс. Человек, который его сбил и стрелял в меня, называет себя Донни Дженксом, но это явно не его имя — или поистине чудесное совпадение.

— Я в замешательстве.

— Ладно, — сказал Джордж. — Я начну сначала и расскажу все, что знаю.

И он рассказал. Во второй раз за вечер — первый был для Айрин, — и повторение только укрепило его ощущение собственной наивности и бестолковости. Джордж выложил детективу Джеймс все, что случилось с вечера пятницы, не вдаваясь в подробности о событиях двадцатилетней давности, касавшихся Лианы. Однако назвал ее подлинное имя.

— У вас должно быть на нее дело. Ее разыскивают во Флориде за убийство.

— Повторите по буквам фамилию.

— Д-е-к-т-е-р.

— Почему вы утром об этом не сказали?

Джордж пожал плечами:

— Тогда я еще не знал, что она... что замешан в убийстве. И все-таки не исключал, что она говорит правду и приехала в Бостон, чтобы вернуть деньги и вернуть свою жизнь в относительно безопасное русло. Очевидно, я ошибся.

— Не знаете, где она может быть?

— Без понятия. Правда, очень сильно сомневаюсь, что она до сих пор поблизости. Готов был бы спорить, что Лиана скрылась, если бы здесь не ошивался ее сообщник.

Детектив Джеймс открыла папку, вынула черно-белую фотографию анфас и в профиль и развернула лицом к Джорджу.

— Этот человек назвался Донни Дженксом?

У мужчины на снимке были зачесанные назад длинные волосы; выглядел он, как минимум, на десять лет моложе «Донни Дженкса» — но черты их лиц казались похожими: мелкие, собранные в кучку, а голова расширялась к макушке. Джордж посмотрел на нос; по зернистому фото судить было трудно, но вроде тот же, курносый и с уплощенной переносицей.

— Похож, — ответил он. — Кто это?

— Его зовут Берни Макдональд. Вам знакомо это имя?

Джордж сказал, что нет.

— Но вы уверены, что это он ударил вам по почке в Нью-Эссексе?

Джордж взглянул снова. Лицо на полицейском снимке было спокойным, почти нахальным, будто мужчина не особенно переживал и о событиях, которые привели его в такую ситуацию, и о своей дальнейшей судьбе. Именно это хладнокровие убедило Джорджа, что перед ним был тот самый «Донни Дженкс».

— Да, уверен. Он как-то связан с Лианой Дектер или Джейн Бирн?

— У нас нет ничего определенного, но до недавних пор он жил в Атланте. Был барменом в заведении неподалеку от места, где работала и жила Лиана. Его отпечатки

найлены на угнанной машине, которую бросили за городом. Так мы и подняли его дело.

— За что его арестовывали?

— Особо ничего серьезного. Нападение при отягчающих. Мелкие кражи. Ни убийств, ни покушений — по крайней мере, пока.

— Приятно слышать.

— Думаете, Берни Макдональд и Лиана обосновались в том местечке в Нью-Эссексе?

— Нет, исключено. Там полное запустение, дом совершенно нежилой. Кто-то из них про него узнал, и они решили разыграть там мою встречу с этим типом... этим Берни. План, очевидно, заключался в том, чтобы напугать меня сильнее и склонить к помощи Лиане.

— А как насчет тамошней округи? Как по-вашему, почему они выбрали Нью-Эссекс?

— Дальше по улице есть еще один дом. Я даже наведалься — вдруг что-то узнаю. Хозяйка была изрядно под кайфом.

— Имя узнали?

— Нет. Просто спросил, не известно ли ей о жильцах старого коттеджа. Проку от нее было мало.

— Ладно.

Детектив вернула фото Берни Макдональда в папку и закрыла ее. Затем распрямила плечи, и Джордж услышал внятный щелчок.

— Я могу идти? — спросил он.

Его ломало. Несмотря на дневной сон, казалось, что он вырубится, едва прикроет глаза.

— Да, если вам больше нечего сказать...

Детектив Джеймс откинулась на спинку кресла и положила руки на подлокотники. Джордж впервые заметил, какие у нее гладкие, точеные кисти.

— Меня очень огорчит, если выяснится, что вы опять что-то скрыли. Мы больше не будем столь благодущны.

— Я ничего не утаил. Если что и забыл, то исключительно потому, что еле соображаю. Хочется одного: пойти домой и лечь спать.

Детектив наградила его взглядом, в котором ухитрилась совместить угрозу со скукой, и резко встала.

— Идите за мной. Вы свободны.

Патрульный офицер отвез Джорджа домой; «сааб» остался в каком-то ремонтном цеху на другом берегу реки.

Он сидел сзади. Потрескавшийся винил благоухал очистителем с ароматом сосны и общественным сортиром. Офицер без умолку разговаривал по мобильнику — спорил с женой насчет того, можно ли отпустить дочь-подростка одну на какое-то мероприятие. Джордж не совсем понял, на чьей стороне полицейский, но тот, похоже, проигрывал. «Жизнь продолжается, — подумал Джордж, — невзирая на убийства, миллионные кражи и кретинов вроде меня, которые в это ввязываются».

Офицер подъехал к его дому, попросил жену минуту обождать и обернулся:

— Устроит? Или проводить вас внутрь?

Джордж уставился в темный проулок, на миг представив, что там собрались все Берни Макдональды земного шара.

— Справлюсь, — ответил он.

Офицер отпер дверцу.

Джордж поблагодарил и вышел, слишком уставший, чтобы заботиться о возможных гостях на лестнице. Там никого не было. Как и в квартире. Если не считать крайне разгневанной и голодной кошки. Он покормил Нору, выпил несколько стаканов воды и снова залег в постель. Тело казалось необычно тяжелым, мышцы ныли. Он вспомнил, из последних сил напрягся — и тут обрез продырявил «сааб».

Джордж закрыл глаза, но сразу заснуть не сумел. В голове роились вопросы. Он не мог понять, почему продолжал участвовать в происходящем. Было ясно, что изначально его использовали, но между Лианой Дектер и Берни Макдональдом явно возник какой-то разлад. Иначе зачем Макдональду рыскать вокруг? Решил, что алмазы у Джорджа?

С едва уловимым мявом Нора запрыгнула в изножье кровати и начала, как всегда, устраиваться поудобнее. Джордж, медленно засыпая, перевернулся на живот. Он думал о Лиане: возвратившись на сутки назад, вспоминал минуты, когда она лежала обнаженной в этой самой постели. Он все еще видел ее лицо, видел, как оно обернулось маской в свете зари. Смутно угадывал глаза, нос, рот. Поморщился, вспомнив, о чем спросил, когда они лежали, сплетя руки-ноги.

«Мне же не приснилось? То, что у нас было в колледже?»

На непроницаемой маске ее лица не отразилось ничего.

«Ш-ш-ш», — произнесла она, притянув его ближе, так что губы коснулись уха, и провела по шее кончиком языка.

Затем он подумал об Айрин — как они вместе кончили, как она зарылась лицом в его шею и они лежали неподвижно; оставшись внутри, Джордж ощущал на ключице ее теплое дыхание.

Образы сошлись в поединке, затем слились — и Джордж провалился в беспокойный сон.

Глава 18

— Привет, Одри, — сказал Джордж Лиане Дектер в телефонную трубку.

Он сидел в номере, все еще отходя от встречи с человеком из крутой тачки, и был уверен, что голос его дрожал.

— Значит, ты решил, что я умерла?

— А что мне было думать?

— Прости.

Джордж ничего не сказал.

— Наверное, Дейл здорово тебя напугал, — продолжила она. — За это тоже прости.

— Он старался.

— Да, это его работа. Но он вернулся в Тампу, и я подумала, что мы можем увидеться вечером. Хочу объяснить все.

— Лады, — ответил Джордж, выдержав секунду.

— В Чинкепине есть место под названием «Палмс-лаундж». — Она продиктовала адрес. — Найдешь?

Встретиться договорились в девять вечера, и она положила трубку, прежде чем Джордж учинил допрос. Некоторое время он просидел на краю кровати. План еще оставался в силе. Уехать из Флориды. В пути позвонить детективу Чалфенту и все ему рассказать. Никогда впредь не встречаться с Одри, или как там ее теперь звали. Но телефонный звонок все изменил. Она хотела видеть его, и он не мог не пойти. Он прибыл во Флориду за истиной — и приблизился к ней.

Джордж принял душ, хоть чистой одежды и не осталось; потом заглянул к Дэну Томпсону попросить на вечер машину. Тот позволил держать ее всю ночь при условии, что он появится к восьми утра.

Выехал Джордж еще засветло, пораньше — в номере было не усидеть. Пересек реку Дахун — и оказался в Чинкепине; дальше катил по Кортес-авеню до самого острова Святой Анны. Запарковался у берега. Синева залива отдавала металлом, заходящее солнце окрасило небо багрянцем, рассылая над морем ослепительно-белые лучи. Джордж прошелся по берегу, минуя рыболовов и пожилых туристов, и отыскал старую деревянную пристань. В ее конце нашелся открытый бар с тремя пустыми, потрепанными непогодой стульями. Джордж заказал бутылку «Будвайзера» — и получил ее. Он уже выпивал в барах — забегаловки рядом с колледжем славились тем, что никогда не давали от ворот поворот местным студентам, — но в других местах его еще никогда не обслуживали. Быстро прикончив первое пиво, он заказал второе, закурил и дальше тянул бутылку медленно, наблюдая, как в угасающем свете снуют лодки.

Через полтора часа (до встречи с Лианой оставалось еще столько же) Джордж поставил «бьюик» на засыпанную гравием парковку «Палмс-лаунджа». Заведение расположилось на пересечении двух ровных пустынных дорог: старый сельский дом с выцветшим рисунком пальмы на стене и неоновой вывеской над дверью. Он купил чизбургер в киоске быстрого питания и съел его в автомобиле. Машин на стоянке было всего две, обе — грузовики. Он с облегчением отметил отсутствие крутых тачек.

Помещение «Палмс-лаунджа», размером с вагон, было залито ярким светом висящей в передней его части флуоресцентной лампы, тогда как в задней было почти темно. Один

бармен, один клиент; оба сидели впотьмах за коктейлями. Первый был мужчиной лет пятидесяти с густыми усами и лысеющей макушкой; клиентом была женщина примерно того же возраста в соломенной ковбойской шляпе с узкими полями.

Джордж подошел к стойке, оперся о нее локтем. Бармен приблизился, и Джордж спросил пива.

Тот снял с полки бутылку, взял два доллара.

— Музыкальный автомат сломан. Если хочешь песню, это бесплатно, — сообщил бармен.

Прихватив пиво, Джордж направился к старому автомату с горизонтально уложенными сорокапятками за гнутым стеклом. Названия песен — в основном кантри — значились на маленьких карточках, напечатанных или написанных от руки. Джордж наугад выбрал несколько, ориентируясь на знакомые имена. «Хэнк Уильямс»^[29], к примеру, о чем-то говорило. Как и «Пэтси Клайн»^[30].

Он перенес пиво на столик в дальнем углу и стал ждать.

Она вошла, когда часы показали одну минуту десятого. За время ожидания появился коротышка в виниловом пиджаке: подсел к женщине в ковбойской шляпе, заказав виски и колу. Потом прибыла пара — тучный мужик с костлявой женой в татуировках. Они попросили два «виски-сауэр», заняли столик поближе к стойке, молча выпили и ушли.

Одри-Лиана шагнула через порог, предоставив двери захлопнуться самостоятельно. Ее ослепил верхний свет, и Джордж перехватил невидящий взгляд, которым она обшаривала темную часть бара. На ней были черные хлопчатобумажные брюки из тех, что порой носят официанты и официантки, и блузка с коротким рукавом ее любимого зеленого цвета. Это была девушка, которую он помнил: узкоплечая, чуть широковатая в бедрах, с магическими глазами, потрясающая. Она заметила его.

Он продолжал сидеть, пока она переходила из света в сумрак, быстро покосившись на барную стойку, потом сразу положила руку ему на плечо, чуть подавшись вперед. Пахло от нее, как прежде, — коричневой жвачкой. Джордж осознал, что эту мелочь он позабыл всего за несколько недель.

— Документы спросили? — указала она на пиво.

— Нет. Об этом можешь не беспокоиться.

— Еще хочешь?

— Я возьму. А ты садись. Хочешь пива или чего-то еще?

— Пиво в самый раз.

Она села за стол, а он отправился к бармену еще за двумя бутылками.

Когда он вернулся, она сложила руки на столе с видом ребенка, который ждет, когда его покормят. Джордж уже видел ее такой. Несмотря на самозванство, Лиана была Одри, которую он знал. Слегка пьяный, он захотел потянуться через стол и обхватить ее за плечи. Поцеловать.

— Поверить не могу, что ты проделал такой путь, — произнесла она, всосав пивную пену, выступившую из горлышка.

— Не тебе раньше меня начинать фразу словами «поверить не могу».

— Справедливо, — улыбнулась она.

— Я думал, ты мертва. У тебя есть хоть...

— Перестань. Я сама себя поедом ем. Дай минуту объяснить, и, может быть,

поймешь. Ты видел мое жилище и знаешь, что я не из богачек, мне не хватило бы на колледж. Не хочу вдаваться в подробности, но мы с отцом живем вместе. Он стар, ему почти семьдесят. Лет тридцать назад, в Калифорнии, он писал для телевидения. Говорит, «Сумеречная зона» — его работа, но я ничего об этом не знаю. Теперь он только дует пиво, курит траву и играет. Боже, это звучит как... ах, я бедняжка — да? Короче говоря, без матери, с ужасным стариком-отцом, который вечно в долгах, и я сама — простушка, которой, видимо, после школы светит местный двухгодичный колледж. Если повезет.

— А потом ты познакомилась с Одри Бек. В дискуссионной команде.

Она набрала полную грудь воздуха.

— Верно. Ты все разнюхал, детектив Фосс. Мы стали подругами — точнее, просто знакомыми. Общались на соревнованиях. Ей понравились мои сережки. Я похвалила ее джинсы. И так далее, и тому подобное. Кроме прочего, она сказала, что родители гонят ее в колледж, хотя ей по жизни хочется одного — закатиться в приморский домик, который снимал ее дружок со своим группешником. Я ответила, что смерть как хочу поступить в колледж, да денег нет. И сказала, что мой папаша небось не заметит, даже если я приведу в спальню кавалера. Так мы и придумали план. Нет, не совсем. Мы сочинили сказку, твердя, как было бы здорово поменяться местами. Будь у меня ее родители, я бы отправилась в колледж, и все были бы счастливы. А будь у Одри мой папаша, она бы спокойно зажила с приятелем у моря. Произошло это в мае. Затем мы обе окончили школу — и до августа от нее не было вестей.

— Чем ты занималась все лето? Какие были планы?

— Подрабатывала в ресторанчике «Ривервью», как и последние два года. Записалась в общинный колледж^[31]. Хреново, но куда деваться? Потом позвонила Одри. Она заявила, что решила не ехать учиться. Вместо этого собралась в Уэст-Палм-Бич. Родители, дескать, все узнают, когда она не появится в колледже. А потом Одри сказала, что я должна ее заменить. У меня была машина. Я наплела бы отцу, что решила свалить, — ему наплевать; я в состоянии добраться своим ходом до Коннектикута под видом Одри Бек, и никто ничего не заподозрит. Она же выкроит время, чтобы еженедельно звонить родителям как бы из колледжа. А если они позвонят уже мне, притворюсь соседкой по комнате, приму сообщение и передам во Флориду Одри. Это казалось возможным — то есть оно так и было. Мы сделали как хотели, и у нас получилось. — Лиана стиснула зубы и посмотрела Джорджу в лицо. — И получалось бы дальше...

— Но Одри умерла.

— Да. Одри умерла. А значит, и я.

Один глаз Лианы блестел в свете от музыкального ящика. Пэтси Клайн пела что-то с полуночных прогулках.

— Что случилось?

— Ты про Одри?

— Ну да.

— Она позвонила, когда я вернулась во Флориду. Она снова была в Суитгаме. Мы встретились. Кстати, именно здесь. Она совсем растерялась. Неудивительно: дружок ее оказался гадом. Одри сказала, что, кроме наркоты и порева, его ничего не интересовало. Заявила, что он уговаривал ее трахнуть со всей командой. Думаю, последней каплей стали наркотики, потребовавшие с них денег. Чистый кошмар! Она спросила о Мазер-колледже, и я рассказала, что там и как. Судя по ее виду, подруга считала, что совершила

огромную ошибку, да так оно, пожалуй, и было. По-моему, тем вечером она тоже ширнулась или закинулась — была не в себе, когда пришла, а потом напилась. Так или иначе, сказала, что хочет махнуться обратно: отправиться в колледж на второй семестр.

— Неужели она думала, что никто не заметит?

— Она вообще не думала. Я сказала, что это невозможно, что нельзя просто появиться там и представиться настоящей Одри Бек. Ответила, что, если ей так хочется, я брошу колледж — но она переведется в другой. На том и порешили. Она была расстроена. По-моему, Одри всерьез считала, что можно просто запрыгнуть обратно в жизнь, которую продала. Мы же не близнецы.

— Ты — нет.

— Вот и поговорили. Она поехала домой, я — тоже. Той ночью она умерла.

— Думаешь, покончила с собой?

— Пьяная в хлам, она могла просто заехать в гараж и вырубиться. Я узнала только через два дня. И, понятно, решила не возвращаться в колледж. Собиралась позвонить тебе и Эмили, но Одри умерла, и я не знала, что делать.

— О господи...

Джордж зажег сигарету. Пиво было выпито, в голове уже шумело, но в ее рассказе он увидел нестыковку.

— Каково тебе было, когда Одри потребовала назад свое имя? Ты же наверняка собиралась вернуться в колледж.

— Ну да, собиралась, но я всегда знала, что это временно — быть Одри. Я стала другим человеком — как полагается, сам понимаешь: студенткой-отличницей, с бойфрендом... бойфрендом вроде тебя. Но это казалось какой-то тайной болезнью — внутри будто тикали часы... Как сердце. В любой момент зазвонит будильник — и Одри Бек не станет. Она умрет, а я снова превращусь в Лиану Дектер. Боже, теперь он кажется сном, тот семестр.

— Думаю, странное было чувство.

— И приятное. Хорошее было время, согласишься?

— Может, тебе как-то удастся вернуться. Самой собой. Ты же отлично училась!

Лиана рассмеялась:

— По-твоему, мне легко простят самозванство? Особенно родители Одри, которые платили за обучение постороннего человека.

— Ее родители уже знают, что Одри не было в Мазер-колледже. То есть это все знают, включая полицию.

— Да, слышала. Подозревала, что правда всплывет. Уверена не была...

— Но благодаря мне...

— Тебе и твоей несгибаемой преданности.

Она потянулась и положила ладонь ему на щеку. Некоторое время они молчали. Пиво и ее близость лишили Джорджа чувства реальности.

— Я тоскую. Тосковал по тебе.

— И я — по тебе.

— Можно тебя поцеловать?

— Давай.

— У меня губы малость разбиты.

— Я заметила. Ничего страшного.

В темном закутке пивной они осторожно поцеловались под бодрое рокабилли, что сменило Пэтси Клайн.

— Ты не все рассказала, — заметил Джордж.

— Знаю. Сначала выкладывай, что творилось в колледже. Как народ отреагировал?

Он расписал подробно — сообщение Эмили, бдения в корпусе Барнарда, встречу с деканом и как Кевин едва ему не вломил. Лиана слушала внимательно, чуть разомкнув губы и больше обычного округлив глаза.

— Будто побывала на собственных похоронах, — молвила она. — Своего рода нездоровый интерес.

Джордж перешел к поездке во Флориду и событиям двух последних дней.

— Теперь рассказывай об этом типе, — потребовал он, добравшись до эпизода возле дома Лианы.

— О Дейле.

— Да, о Дейле.

— Ладно. Думаю, ты заслужил, но тебе это не понравится.

— Он твой приятель?

— Типа.

— Бойфренд.

— Не совсем так, но в каком-то смысле. Дай сказать. Во-первых, как я уже говорила, мой папаша играет. По-крупному. Раньше ходил на бега, потом переключился на спорт и зачастил в букмекерскую контору в Тампе. Если честно, я даже не знаю, как зовут чувака, которому он звонит, но он постоянно висит на телефоне — больше, чем я по малолетству. Задолжал кучу денег, а когда не платит, приходят серьезные ребята. Одним из них и был...

— Дейл.

— Правильно. Будучи сборщиком, он навещал нас довольно часто. Он, видно, мастер причинять боль, не оставляя следов...

— Мне он сказал иначе. Обещал, что следы останутся.

Лиана взяла Джорджа за руку.

— Прости, что тебе пришлось с ним столкнуться. Понимаю, приятно мало. Какое-то время он не появлялся. На летних каникулах не приходил — папаша начал посещать «Анонимных игроманов». Отчасти поэтому я и решила, что можно рвануть в колледж. Сказала отцу, что поеду с приятелем по стране и буду звонить и проверять. Он ответил, что все будет в ажуре. Я взяла с него слово ходить на собрания, но он его не сдержал.

— И Дейл вернулся.

— Да, только он еще и меня искал. Можно сигарету? Мои кончились.

Джордж чиркнул зажигалкой.

— О том, что было дальше, — продолжила она, — говорить нелегко. Дела приняли по-настоящему скверный оборот, и мы оказались в большом долгу. То есть не мы, а папа, но я решила, что это и меня касается. Дейл угрожал серьезно его покалечить, а то и убить. Он знал меня, потому что бывал в доме. Я ему нравилась. Поэтому мы в свое время заключили сделку.

— Какую?

— А ты как думаешь?

— О господи...

— Да.

— Сколько тебе было?

— Когда это началось — шестнадцать. Потом я заставила папашу бросить играть на весь выпускной год, и Дейл приходил реже.

— О боже...

— Думаешь, я больная?

— Нет... То есть да — история больная. Дейл больной, и отец твой тоже. Это чудовищно. Господи, мне отчаянно жалко. Тебя.

— Ну, это не было похоже на «Маленький домик в прериях»^[32], но все уже позади. Отец собирается завязать с игрой — уже завязал. Дейл перестанет рыскать вокруг...

— А на Рождество? Вы с ним...

— Да, он поэтому и нарисовался, но нет, ничего не было. Странно, но Дейл, несмотря на принуждение, по-своему искренне считает меня своей девушкой. Он охраняет меня, поэтому на тебя и напал. Отец заметил тебя в окно, позвонил Дейлу... А тот — в своем репертуаре. Меня и дома-то не было.

— Тебе нужно как-то разобраться с этим.

— Не бери в голову. Все в прошлом. Давай сменим тему, или нет — лучше уйдем отсюда. Место гнетущее.

Они перешли на темную стоянку под россыпь желтых звезд. Лиана припарковала машину рядом с «бьюиком» Джорджа, и они стояли меж них, целуясь и обнимаясь. Джорджу казалось, что остальная жизнь — где-то за миллион миль и миллион лет.

— Я ограничусь пожеланием спокойной ночи, если буду знать, что увижу тебя завтра, — сказал он.

— Хорошо. Но в конце концов тебе придется вернуться в колледж.

— Не знаю. Может, получится остаться с тобой.

— Я не позволю тебе остаться. Все равно, насколько я тебе дорога, — здесь не место ни для тебя, ни для кого другого.

— Что — не место? Флорида? Или с тобой?

— И то и другое.

— Во Флориде не так уж плохо. Где еще купишь в одном магазине фейерверки и апельсины?

— А, фейерверки и апельсины! Идеальная характеристика моего штата. Поверь, апельсины — не такая уж славная штука. Я часто езжу мимо соковой станции — знаешь, как там воняет? Видеть не могу апельсины, не говоря уж о том, чтобы пить сок. А про фейерверки вообще не спрашивай.

— Что ты имеешь против фейерверков?

— Они бессмысленны. Куча народа ахает, глаза на дурацкие взрывы в небесах. Несколько вспышек — и твой IQ упал на двадцать пунктов.

— Что-то не припомню за тобой такого цинизма.

— Теперь ты видишь меня настоящую.

Он обнял ее крепче, и она поцеловала его ключицу.

— Приедешь завтра в мотель? — спросил Джордж.

— Обещаю. Когда?

— Как можно скорее.

— Буду к полудню. Сходим на ланч.

— Заметано. Обсудим варианты.

— Заметано. Варианты. Люблю варианты.

— Мы можем куда-нибудь поехать, но не с концами. Думаю, полиция захочет узнать, что произошло между тобой и Одри.

— Знаю. Разберусь с этим позже, — сказала она.

— Не ты, а мы.

— Правильно. Мы.

Лиана села в машину первой. Опустила стекло, и Джордж нагнулся поцеловать ее на прощание.

— Ты еще не назвал меня по имени.

— Спокойной ночи, Лиана... Странно звучит.

— Что поделать — такое оно, настоящее. Откровенно говоря, мне больше нравится Одри. Можешь так и звать, если хочешь.

— Нет, я хочу как есть.

Он увидел, как ее габаритные фонари закачались на гравийной дорожке; затем включились фары и ближним светом высветили дорогу среди лугов. Впоследствии он гадал, ехала ли она и дальше всю ночь куда хотела или все-таки останавливалась у отчего дома.

Разбудил его стук в дверь. Джордж полежал секунду, плохо соображая под стремительным наплывом воспоминаний. Похожие на ошметки сна, они тем не менее были реальны и подкреплялись дробными ударами из соседней комнаты. В прошлой жизни к нему никто не пришел бы незванным, особенно спозаранку во вторник.

Джордж надел халат, хоть кожа и была еще влажной и липкой от духоты в комнате. Накануне, вконец обессилив, он забыл включить кондиционер — и воздух загустел, как в бане. Пересекая гостиную, Джордж ощутил пустоту в голове и желудке; он не помнил, когда в последний раз ел. Стук повторился громче, отчетливее; он понадеялся, что это полиция, а не Берни Макдональд или Лиана явились докончить дело.

— Кто там? — спросил через дверь.

— Карин Бойд.

Чтобы осмыслить имя, Джорджу понадобилась пара секунд — не потому, что он забыл племянницу Маклина, а потому, что все еще выплывал из мутных глубин ночного сна. Отворив, он собрался пригласить Карин внутрь, но та ворвалась сама.

— Прошу прощения. Приступайте, раз так, — сказал он, закрывая дверь.

Ее лицо было пунцовым, челюсти стиснуты намертво.

— Вам сообщили о Диджее, — предположил Джордж.

— Я видела его утром. Повезло, что жив остался.

По тону можно было понять, что сбил его лично Джордж.

— Слышал, у него сотрясение. Он помнит, что произошло?

— Он помнит, как следовал за вами, как вас нашел. Сказал, что вы собирались выложить ему все, но дальше ничего не помнит. Полиция заявила, что на вас напали.

— Напавший на нас человек, скорее всего, убил вашего дядю. Послушайте, мне нужно сварить кофе и сесть. Проходите и тоже присаживайтесь. Я не собираюсь морочить вам голову, теперь я на вашей стороне.

Школьником Джордж целый год страдал от тирании хулиганки на год старше. Она имела привычку тарашиться на него с той же неумной враждебностью, какую сейчас излучала Карен Бойд. Джордж отошел от нее подальше, в сторону кухни.

— Сядьте же наконец, — бросил он и испытал облегчение, когда она пристроилась на краю кресла, что изодрала Нора. — Хотите чего-нибудь? стакан воды?

Карин отказалась. Джордж отправился на кухню, где выпил не меньше пинты воды. В джезве, так и стоявшей на конфорке, осталось на четыре пальца черной жидкости давностью в несколько дней. Он выпил ее в стакан, добавил молока и льда и вернулся в гостиную. Карин озиралась с неодобрением, хотя это могло быть обычным выражением ее лица.

— Точь-в-точь жилище вашего дяди, — брякнул Джордж и моментально пожалел об этом.

Карин вскинула брови.

— Хорошее место, — заметила она, оставив без внимания неуклюжую шутку Джорджа. — Вчера Диджей собирался отчитаться, но так и не позвонил. В итоге я поздно вечером отправилась к детективу Джеймсу, и она меня просветила. Сказала, что допросила вас, но отпустила. Я приехала сюда сразу из больницы, чтобы выслушать то, что вы хотели сообщить Дональду.

Говоря, Карин постоянно скрещивала и расцепляла ноги. Одета она была небрежнее, чем в прошлый раз, — короткая черная юбка и выцветшая синяя рубашка-поло. Волосы собраны в хвост, макияжа нет. Кожа отливала нежной голубизной, как парное молоко. Джордж подумал: Карин избегает солнца.

— Наверно, вы будете разочарованы. Сказать особо нечего, но я выложу, что знаю. Полиции уже сообщил.

— Насколько я понимаю, вы не сказали ей, где находится Джейн Бирн?

— Сказал бы, если бы знал. Понятия не имею. Думаю, что она опустошила сейф вашего дяди и теперь далеко, очень далеко отсюда. Единственное, что меня смущает, — ее сообщник, который остался здесь.

— Это он на вас напал!

— Думаю, что да. То есть уверен, хоть сам его и не видел.

— Откуда вам знать, что это не Джейн?

— Я уже замечал его в этой машине... Может, рассказать по порядку?

— Давайте.

Джордж в третий раз за двадцать четыре часа изложил события целиком — все, что случилось со встречи с Лианой в пятницу вечером. Карин, как и детектив Джеймс, отдельно заинтересовалась безлюдным коттеджем в Нью-Эссексе и домом, где жила потасканная молодая особа.

— Не думаете, что там-то они и скрываются? — спросила Карин.

Она так и сидела на краю кресла. Пока Джордж говорил, солнце, клонившееся к западу, заглянуло в узкое окно гостиной и наполовину осветило лицо Карин — ее крохотное ушко стало почти прозрачным в его лучах.

— Говорю же, им вообще незачем скрываться где-то здесь, если только один не надул другого. Не могу исключить, что они жили в доме возле коттеджа. Это укладывается в картину. Допустим, кто-то из них знаком с хозяевами. Они находят заброшенный коттедж и используют его как сцену для моей встречи с Берни Макдональдом, который якобы работает на вашего дядю. Он пугает меня, и я соглашаюсь помочь Лиане... Джейн. Если кто-то вернется туда, как сделал я, то найдет только помойку возле воды.

— Свозите меня туда?

Джордж ждал этого вопроса, но пока не решил, как ответить. Он проспал всю ночь, но усталость не прошла, и нервы шалили. Его все так же интересовала судьба Лианы и алмазов, но легче предоставить властям разбираться с ними.

— Я могу объяснить, где это. А лучше поделимся нашими соображениями с детективами. Пусть съездят они.

— Но вы же успели им все рассказать? И о коттедже, и о соседнем доме. Они поедут, если захотят.

— Вот и пускай займутся вместо нас.

— Но риск же минимальный! Может, и нулевой. Нас не убудет, если проверим.

— Я могу показать место.

— Не хочется ехать одной. Мне спокойнее, если вы будете рядом.

— Послушайте...

— По-моему, вы у меня в долгу. Мой дядя мертв, и в этом есть ваша вина. Будь Дональд в форме, я бы поехала с ним, но вы и тут постарались!

Девушка почти сорвалась на визг, и Джордж понял, что она — права или нет — отвела

ему главную роль в совершенном злодеянии.

— Я отвезу вас, — сдался он. — Но если там кто-то есть или замечу подозрительную машину, мы немедленно развернемся и вызовем полицию.

— Договорились.

— Мне нужно собраться. Сделать пару звонков.

Карин посмотрела на часы, словно решала, даровать ли ему испрошенные минуты.

— Я подожду, — сказала она.

Джордж почистил зубы, взъерошил мокрыми руками волосы и лишней раз спрыснулся дезодорантом — вместо душа. Одеваясь в спальне, он первым делом позвонил в офис и сообщил дежурной, что не придет — еще не здоров. Затем позвонил на мобильник Айрин, и та ответила после нескольких вызовов.

— Где ты? — спросил он.

— В пути. Сестра с детьми гостит у папы в Рочестере, еду туда же. Ты выбрал удачное время, чтобы поставить под угрозу мою жизнь.

Она говорила бодро и беззаботно, и Джордж решил не упоминать недавний инцидент возле ее дома.

— Смотри рули осторожнее.

— Хорошо. У тебя все в порядке?

— Беспросветно, как в луже. Я сказался больным, но просто вымотан. Передавай родне привет.

— Передам.

Карин оставила свою «ауди» цвета серый металлик перед домом Джорджа на стоянке для жильцов. Джордж осторожно опустился на ковшеобразное сиденье, все еще испытывая боль там, куда его ударил Берни. Стоял замечательный день, какие бывают в конце лета; температура упала градусов на десять, влажность вдруг перестала докучать. Карин включила зажигание, опустила стекла и тронулась с места.

— Знаете, как добраться до Нью-Эссекса? — спросил Джордж.

— До центра доеду, а там покажете.

Оба молчали. Карин прокладывала путь сквозь утренний муравейник бостонского трафика, каким он бывал по будням. На стыке девяносто третьей северной и девяносто пятой магистралей образовалась приличная пробка; Карин шипела и бранилась, будто Нью-Эссекс грозил в любой момент испариться. Но стоило им выехать на девяносто пятую, как трасса освободилась, и тишина в салоне начала тяготить.

— Как здоровье миссис Маклин? — спросил Джордж. — Извините, не помню имени.

— Тереза. Трейси. Немного лучше. Она умирает, конечно, но на время пришла в себя. На деле это позорище: нам пришлось сообщить ей о смерти мужа. Решили не говорить, что его убили в собственном доме. Сказали, что у него случился инфаркт, и теперь молимся — лишь бы ей не стало лучше настолько, чтобы взяться за газеты или включить телевизор. Она по-прежнему мучительно угасает, но теперь еще и скорбит.

— У вас близкие отношения?

— С дядей. У него не было детей, а я росла смышленной, пробилась в магистратуру по деловому администрированию. Во время кризиса работала в «Леман бразерс»^[33]. Дядя — возможно, из чувства вины — предложил место секретарши, пока не найду работу. По мне, так переход был неплохой.

— Почему из чувства вины?

Карин ответила не сразу.

— Не знаю, занимался ли он чем-то незаконным, но накануне ипотечного кризиса заработал фантастическую сумму. Наверно, кто-то пострадал — так он разбогател. Поэтому какая-то вина могла быть. Я слишком много болтаю.

— Он пользовался схемой Понци?

— Кто вам это сказал?

— Никто, — солгал Джордж. — Просто похоже на нее, по вашему описанию.

— Думаю, без этого не обошлось. Все это, как говорится, не для протокола.

— Меня это не касается. Мне совершенно все равно, откуда взялись деньги у вашего дяди.

Их разговору мешал свист бившего в окна ветра. Карин утопила кнопку — подняла стекла, задраивая их наглухо. В салоне вдруг повисла почти мертвая тишина. Девушка, снова замолчав, включила на минимум кондиционер. Джордж почувствовал, что ей не хочется распространяться о дядюшкином богатстве, — но ему было интересно. В конце концов, все это случилось из-за денег Маклина.

— Ваш дядя держал в ньютонском сейфе все свои алмазы? — спросил Джордж.

— Господи! Нет, конечно. Но немалую часть. Мы заклинали его положить их в банк, но он стал одержим этими алмазами, все время вынимал и любовался. Собирал их по цвету — они, знаете ли, бывают не только белые.

— Об алмазах мне известно только то, что они стоят кучу денег.

— Да, а еще их легко украсть, и еще легче — продать.

— С ними можно утаить, сколько у тебя денег.

— Послушайте... Да, он не всегда поступал этично, но состояние сколотил законным путем на инвестициях и торговле мебелью. По-вашему, я не унимаюсь только из-за денег, которые были в сейфе?

— В том числе, как мне показалось.

— Моего дядю подставили, ограбили и убили. Я хочу найти урода, который это сделал. Занялась бы этим, даже хранись в сейфе игрушечный паровозик.

— Понимаю. Сам чувствую то же.

— В любом случае, если мы вернем эти деньги, я их не возьму. Они отойдут его жене, а что написано в ее завещании, только Богу известно.

Карин повысила голос и — отметил Джордж — соответственно увеличила скорость «ауди». Они без труда покрывали девяносто миль в час, когда он указал поворот на Нью-Эссекс. Девушка умело пересекла три транспортные магистрали и вписалась в петлю съезда. Джордж направлял ее, показывая дорогу до центра Нью-Эссекса и прочь из него. На Бичроуд велел высматривать каменную церковь. Она снова опустила стекла, и салон заполнился соленым морским воздухом. Джордж смотрел на гляцевую лазурь Атлантики, усеянную солнечными бликами. Хоть на дворе и был будний день, там обнаружилось множество лодок, владельцы которых пользовались плюсами высокого давления, изгнавшего недельную духоту.

Джорджу вдруг стало страшно. Считая дом и коттедж на улице Капитана Сойера пустышками, он не исключал, что может быть иначе — их поджидает Берни Макдональд со своим обрезом. Он напомнил себе, что, если в каком-то из домов обнаружатся малейшие признаки жизни — например, рядом будет стоять машина Берни, — нужно немедленно развернуться и уехать. Вызвать полицию. Но Джорджем руководило что-то еще, и он

осознал: дело в Лиане. Это шанс снова увидеть ее; была малая, но вероятность того, что Берни Макдональд удерживал ее насильно, и Джордж, пускай без всяких оснований, еще питал слабую надежду на то, что Лиана действительно нуждалась в нем.

Он пестовал эти чаяния двадцать лет.

Они миновали церковь. На ее маленькой парковке машин не было. Джордж указал на улицу Капитана Сойера, и Карин, притормозив, резко свернула. День выдался ясный, но там, под сенью деревьев, было темно. Девушка с разгона наехала на корень, и дно автомобиля царапнуло почву. Она сбавила скорость до минимума.

— Хочешь взглянуть на коттедж? — спросил Джордж.

— Брошенный?

— Ну да, у воды.

— Нет. Поедем сразу в дом, где была девушка. Если толку не будет, проверим коттедж.

Он показал, как подъехать, и она покатила туда. Высокие сорняки, как и прежде, торчали везде из разбитой гравийной дорожки и голой почвы. Палубный дом стоял все такой же непроницаемо-темный. Гараж был заперт, ни одной машины; окна сливались с голыми бурными стенами. Дом казался таким же нежилым, как и коттедж, разве что был в лучшем состоянии.

— В прошлый раз машина была? — спросила Карин, и голос ее чуть дрогнул — темный лес действовал на нервы.

— Нет. Все было точно так же.

Они припарковались и вышли из машины. Джордж думал, что во мраке соснового бора еще прохладнее, но воздух был вязкий, словно знойная духота минувшей недели угнездилась под сплетением ветвей. Несмотря на близость океана, ветра не было вовсе. Они подошли к двери. Джордж позвонил. Как и тогда, из глубин дома донесся низкий звук гонга. Молча прождали полминуты. Он повторил и прижался лицом к одному из узких дверных окон. Интерьер был выстроен уступами; ковровая дорожка вела к двум коротким лесенкам — вверх и вниз. Ни единого движения.

Карин подергала ручку, но дверь была заперта. Они переглянулись.

— Проверим другие окна? — спросил Джордж.

— Я подумывала вломиться.

— Давайте сперва хотя бы обойдем дом — вдруг где-то открыто. Предлагаю разделиться и встретиться позади.

— Лучше держаться вместе, — возразила Карин. — У меня мурашки от этого места.

Они двинулись вокруг дома по часовой стрелке. Дверь гаража оказалась заперта, пришлось сделать крюк. Короткая полоска двора отделяла темную стену дома от напившего леса. Сам двор не убирали, должно быть, с зимы — трава, вымахавшая по колено, полнилась дикими цветами. Джордж вторгся в заросли, высоко поднимая ноги, чтобы придавливать траву. Снизу взлетела мошкара.

— Сучья природа, ненавижу ее, — проговорила Карин, шедшая прямо за ним.

— Вообще?

— Издалека смотреть могу, но только не погружаться.

С этой стороны дома нашлось только одно окно: горизонтальный прямоугольник с замшелым деревянным ящиком для цветов, из которого торчали какие-то побеги. Вдоль фундамента стояли бутылки из-под молока и деревянный поддон, черный от гнили и плесени.

— Если встать на ящик, можно заглянуть в окно, — сказал Джордж.

Он поднял поблекшую пластиковую клеть, обнажив участок влажной черной почвы — ящик стоял здесь очень давно. Зеленая змейка скользнула в трещину, что расколола фундамент. Карин коротко заполошно взвизгнула, схватив Джорджа за руку.

— Просто ленточная змея^[34], — утешил он. — Наша официальная рептилия, символ штата.

— Плевать! Я в босоножках! Идем дальше — может, найдем окошко пониже.

Джордж согласился и опустил ящик из-под молока.

Задний дворик оказался таким же запущенным, но вдоль дома тянулось раздолбанное кирпичное патио, некогда обустроенное. Повсюду виднелись остатки мебели. Круглый стеклянный стол был залит черной водой; два стула лежали опрокинутые. Большим грилем очень давно не пользовались, его металлические рукояти и ножки проржавели, а сочленение одной украсилось ныне пустым гнездом пчел. Между патио и домом нашлись стеклянные двери — широкие, раздвижные. Карин попробовала открыть, но те были на замке. Через стекло они заглянули в гостиную. Состояние патио навело Джорджа на мысль, что картина внутри будет не лучше, но помещение выглядело жилым: низкий потолок, расчехленная мебель, книжный стеллаж во всю стену, камин из кирпича. На приземистом столике перед софой громоздились стаканы, пепельницы и грязные тарелки.

— Чуток подается, — сказала Карин, снова потянув дверь.

Джордж взялся за ручку и поднажал. Дверь была не то чтобы прочно заперта, ее заело; он сумел приоткрыть ее на полдюйма и увидел, что засов не задвинут. Присел на корточки, осмотрел нижний шпингалет. Там сидел тонкий деревянный дюбель. Джордж велел Карин приналечь еще и проследил, как тот согнулся и выдвинулся.

— Думаю, если поднатужимся, сломаем его.

Они взялись за ручку вдвоем, уперлись ногами и приложили весь свой вес к жалкому деревянному предохранителю. Тот продержался миг, а потом раздался на удивление громкий щелчок, и дверь отворилась. Джордж полетел на землю, Карин упала сверху. Она неуклюже скатилась, и оба нервно рассмеялись.

— Ау! — крикнул Джордж в полумрак, хоть и не сомневался, что дом пуст.

Он вошел вместе с Карин и помедлил, давая глазам привыкнуть. Воздух был затхлый, с примесью гнили. Джордж подошел к кофейному столику, заставленному грязной посудой со следами пищи, окурками и пеплом. На сигарной коробке лежала пара почерневших ложек, в которых, как понял Джордж, готовили героин или кокаин. Захотелось убрать ложки и открыть коробку, но что-то подсказало не прикасаться.

Карин вошла в кухню, находящуюся прямо за гостиной. Джордж видел ее через внутреннее окно. Девушка стояла, озираясь.

— Что там, в кухне? — спросил он.

— Мерзость, — отозвалась она.

— Неограниченных алмазов нет?

— В темноте не разберу.

Джордж щелкнул выключателем, проверяя, есть ли электричество. Наверху зашуршал вентилятор, и Джордж выключил его.

— Свет есть, — объявил он. — Давайте вы поищите здесь, а я спущусь вниз.

Карин вернулась в гостиную, держа руки вдоль тела, будто боялась испачкаться в грязи.

— Почему вы постоянно хотите разделиться? Я не собираюсь бродить здесь одна.

Давайте сначала тут разберемся.

От гостиной начинался коридор. В нем не было окон, тьма царила почти кромешная. Джордж снова взялся за выключатель, зажег два из трех встроенных в потолок светильников. Стены выкрашены в унылый серый цвет, на них — ни картин, ни фотографий. Ковер, который, насколько понял Джордж, покрывал весь этаж, был темно-зеленый, в тон лесу. Оставалось только гадать, сколько грязи и копоты в нем накопилось. В конце коридора оказались две двери, одна напротив другой. Джордж заглянул в открытую: спальня с обоями в мелкий цветочек, кучей прикнопленных постеров и фотографий в рамках. Он вошел, Карин — по пятам. Комната, похоже, принадлежала девочке-подростку. На постерах были рок-группы, а на снимках — девчонки, наряженные на школьный бал или в хоккейной форме. В углу стоял небольшой сосновый стол; на нем — доска объявлений, залепленная иллюстрациями из гламурных журналов. В противоположном углу находилась узкая односпальная кровать — не застеленная, а накрытая пухлым спальным мешком и с подушкой без наволочки.

— Вы видели женщину, которая здесь жила, — заговорила Карин. — Сколько, думаете, ей было лет?

— Трудно сказать. Она была наркоманка. Я бы дал немного за двадцать, но выглядела на сорок. Не подросток, уверен.

Карин остановилась у стола, рассматривая скрепленный спиралью блокнот.

— Вам что-нибудь говорит имя Кэтрин Аллер?

Джордж ответил, что нет.

Карин положила блокнот на место.

— Идем дальше?

Они вернулись в коридор. Джордж открыл дверь напротив — и в нос ударила вонь. Это была маленькая, отделанная кафелем прачечная — гаже всего, что они до сих пор видели. Помимо грязной стиральной машины и сушилки, помещение было заставлено большими мусорными баками, забитыми, в свою очередь, мусорными мешками. Один, переполненный, вывалился и лопнул. Из дыры натекала неопознаваемая черная жижа, на которую слетелись огромные ленивые мухи.

— Похоже, здесь была помойка, — сказал Джордж.

— Почему не снаружи?

— Не знаю.

Джордж зажал нос и рот и заглянул поглубже, не заходя в комнату. Между стиральной машиной и сушилкой виднелась глубокая, кубической формы раковина из белого пластика, усеянная черными крапинами. Над ней вились мухи. У дальней стены лежал толстый, размером со скатанный ковер, рулон прозрачной полимерной пленки длиной футов шесть. Концы его были туго перетянуты желтой нейлоновой веревкой. Получилась как бы огромная конфета «Тутси ролл» в фантике. Комната хорошо освещалась благодаря окну над раковиной, но Джордж все равно пошарил по стене в поисках выключателя. Не найдя, задержал дыхание, шагнул внутрь и потянул за шнур, свисавший с флуоресцентной лампы; в ее ровном, ярком свете помещение стало еще отвратительнее.

— Что вы делаете? — донесся до него голос Карин.

Джордж углубился в комнату, девушка отступила дальше в коридор.

— Хочу взглянуть, что это.

Он сел на корточки у рулона пленки. Потревожил мух. Те заметались в тесном

пространстве, гудя, как ожившие электрические провода. Слоев в рулоне было много, но Джордж различил в середине нечто темное, пяти-шести футов в длину. И вдруг с полной уверенностью осознал, что это такое.

— Что вы там нашли? — спросила из коридора Карин.

— Пока не знаю. — Джордж глотнул воздуха, стараясь подавить рвотный позыв.

Он заставил себя склониться над пленочным рулоном, уперся ладонью в смутное пятно. Слои спрессовались, обозначив содержимое. Темное лицо, различимый лоб, тени глазниц. Всклоченные волосы. Джордж убрал руки с пленки. Труп, потревоженный в своем временном саркофаге, заполнил камеру густым смрадом разложения. Джордж выпрямился и пулей метнулся в коридор, но остановился, осознав, что заспешил не туда. Склонился над глубокой пластиковой раковиной, и его вырвало. Карин странно притихла.

— Что там такое? — негромко произнесла она, когда он закончил. — Покойник?

— Да. Завернут в пленку. Надо вызвать полицию.

Он открыл кран, и тот несколько раз фыркнул, прежде чем выдать хилую струйку воды. Джордж понимал, что не должен ничего трогать на месте преступления, но отчаянно желал хотя бы немного прополоскать рот, а уж потом убраться как можно дальше от этого дома. Пригнувшись, он набрал в рот отдававшей ржавчиной воды, затем сплюнул в раковину. Карин отошла на пару шагов. Ее глаза тускло блестели, и Джордж подумал, не шок ли у нее.

— Мы обязаны вызвать полицию, — повторил он.

— Правильно. — Карин огляделась, будто ждала, что в коридоре по волшебству появится телефон.

— Мобильник при вас?

— В машине оставила. В сумочке.

— Я видел телефон на кухне. Давайте проверим.

Карин пошла за ним в сторону кухни. После приступа рвоты Джордж чувствовал, что избавился не только от тошноты, но странным образом и от всякого страха. Дальнейшие события развернулись перед ним кристально ясные. Они позвонят в полицию и дождутся машины, стараясь больше ни к чему не прикасаться. Он попробует поскорее связаться с детективом Робертой Джеймс, уверенный, что ей захочется взглянуть на нетронутое место преступления. Кухонный телефон был настенным. Джордж поднес к уху розовую трубку, но гудка не услышал. И не удивился.

— Придется звонить с вашего мобильного, — обратился он к Карин.

Ее лицо обрело краски в светлой кухне. Губы беззвучно размыкались и схлопывались, как у золотой рыбки, тупо глазающей на свое отражение. Она повернулась и спустилась на четыре ступеньки по направлению к передней двери. Он подумал, что было бы лучше уйти так же, как вошли, но, махнув рукой, двинулся следом. Девушка отомкнула тяжелую дверь, потянула ее на себя, и они узрели припаркованный за «ауди» Карин белый «додж», который перекрыл выезд... и Берни Макдональда, он же Донни Дженкс, непринужденно шедшего с ним с длинным ружьем под мышкой.

На следующий день после встречи с Лианой в «Палмс-лаундже» Джордж проснулся с рассветом. Лиана обещала быть в полдень; он не знал, хватит ли у него сил дождаться.

Приняв душ и одевшись, он пошел в «Шони», где взял большой кофе и датскую слойку. И сигареты купил. Лиана должна была появиться в мотеле только через пять часов, но Джордж не собирался рисковать. Он выпил кофе, съел слойку, затем сорвал целлофановую обертку с «Кэмел лайтс». Когда миновал полдень, Джорджу захотелось отправиться за «бьюиком», который он уже считал своим, и доехать до дома отца Лианы. К часу дня Джордж впал в панику: мерил шагами номер, выкурив почти полпачки «Кэмела». Он позвонил в тот дом — никто не ответил.

Тогда он решил взять машину, но, как только шагнул в теплый и пасмурный день, на парковку въехал темно-серый «форд-краун-виктория». В водителе Джордж узнал детектива Чалфента.

Чалфент выключил двигатель и вышел. Он был один.

— Минутка найдется, Джордж?

Они вернулись в номер, где было не продохнуть от запахов табака и нестираной одежды. Джордж присел на край разоренной постели. Чалфент устроился на единственном в комнате стуле, разгладил брюки и снял что-то с колена.

— Кошачья шерсть, — улыбнулся он Джорджу. — Хочу задать несколько вопросов, а потом попросить об одолжении. Ты не занят? Мне показалось, ты куда-то собрался.

— Хотел спросить по соседству машину. Может, проехаться по округе.

— Надеюсь, ты не думал вернуться в Чинкепин на Восьмую улицу и поискать Лиану?

Джордж промолчал.

— Ничего страшного, — произнес Чалфент чуть погодя. — Тебе незачем рассказывать то, что мы уже знаем. Мне надо бы тебя поблагодарить. Ты побегал за нас, хотя я тешу себя мыслью, что мы и сами бы туда добрались. Вчера офицер Вильсон следовал за тобой от участка до самого Чинкепина. Он пробил адрес, который тебя заинтересовал, и мы получили имя Дектер. Осталось заглянуть в альбом. Должен спросить: ты связывался с Лианой? Виделся?

Джордж замялся, лихорадочно соображая, что можно сказать.

— Мы разговаривали. Она позвонила сюда. Договорились встретиться сегодня в полдень.

— Звонила она тоже сегодня?

— Нет, вчера. Испуганная. Ей известно, что об обмене с Одри Бек узнали.

Чалфент втянул носом воздух.

— Джордж, говорить об этом неприятно, но у нас есть ордер на ее арест. Если ты что-то знаешь о ее местонахождении...

— За что ордер-то? Она выдала себя за другую, но это же дело, скорее, колледжа?

— Не за это, ты прав. Полиция тут ни при чем. Ордер выписан по подозрению в убийстве. Мы не верим, что Одри Бек покончила с собой. Есть убедительные доказательства того, что в гараже с ней, в машине, был кто-то еще.

— Не Лиана. Мы это обсудили. Тогда вечером они встретились раньше, в баре, но ушли порознь.

Джордж поймал себя на том, что тараторит и срывается на фальцет.

— Успокойся, Джордж. Если ты прав, а я надеюсь, что это так, разобратся будет намного легче, когда найдем Лиану. Свидетельств того, что в гараже находилась именно она, нет, но рядом с Одри в машине кто-то сидел. Мы знаем это наверняка. Нам также известно, что Лиана и Одри отправились в «Палмс-лаундж» вдвоем, а значит, и уехать могли вместе.

— Откуда вы знаете, что они поехали вдвоем?

— Их видел Билли, брат Одри. Лиану он узнал на фото из альбома. Джордж, ты можешь мне помочь. Если так убежден в невинности Лианы — а я не сомневаюсь в твоей правоте, — то лучшим для нее выходом будет объявиться и разгрести этот бардак.

— А вы у отца искали?

Чалфент покосился на бившуюся в стекло черную муху.

— Она уехала оттуда вчера рано вечером и не вернулась. Есть основания считать, что подалась в бега. И если ты знаешь, где она, или имеешь соображения на сей счет, придется нас просветить. Иначе ты станешь сообщником и укрывателем. Понимаешь?

— Понятия не имею ни куда она поехала, ни почему так резко снялась с места.

— Она ни о чем не проговорила в беседе? Может, назвала какое-то имя или место?

— Нет. Сказал же, она обещала приехать сюда в полдень.

— Верю, Джордж. Верю, что ты так думаешь. Но мы убеждены, что она уже далеко.

— Зачем ей это?

Джордж заметил, как Чалфент снова отвел глаза, совсем чуть-чуть. Он был уверен, что прежде детектив ему не лгал. Почему же он врет сейчас?

— Она цела? Это не связано с Дейлом? — спросил Джордж.

Полицейский поднял взгляд.

— А что тебе известно о Дейле Райане?

— Не много. Я даже фамилии его не знал. Вчера он был у дома в Чинкепине.

— Ладно, Джордж. Вот как мы поступим дальше. Поедем в участок, ты ответишь на несколько вопросов. Просто повторишь уже сказанное. Не беспокойся, у тебя неприятностей не будет. После ты соберешь вещи и уедешь в колледж. Сюда Лиана не вернется, но не исключено, что она подастся в Коннектикут. Ты должен быть там на случай, если она выйдет на связь. И просто сообщишь мне, как только это случится. Окажешь услугу?

Внимая детективу, Джордж начал испытывать ощущение надежности и покоя, которых не чувствовал уже несколько дней. Чалфент был взрослым; он объяснял Джорджу, что делать. Сам Джордж ничего не решал. Вдруг ему почти мучительно захотелось очутиться в Мазер-колледже. Дело было не в Лиане, которая могла его там искать, а в самом колледже, который даже без Лианы показался ему родным домом. Джордж почувствовал, как расслабились напряженные мышцы спины и шеи.

— Хорошо, — ответил он Чалфенту и встал.

Они снова отправились в полицейский участок Суитгама.

А затем Джордж вернулся в колледж дожидаться Лиану Дектер.

Берни Макдональд вскинул ружье плавным, почти небрежным движением. Джордж не услышал звука, но засек стремительно приближавшуюся пулю — красный прочерк, устремившийся к нему и Карин. Раздалось отвратительное чмокание — словно топориком по полену, — и стоявшая рядом девушка повалилась. Макдональд повел ружьем, Джордж захлопнул и запер дверь.

Он упал на колени и посмотрел на Карин. Та хваталась за горло, издавая глухие звуки, похожие на сдавленные зевки. Он отвел ее руки. Дротик не больше колышка для гольфа засел у основания шеи. Джордж схватил его за красный конический хвост и выдернул. Осталась припухлость и капелька крови с канцелярскую кнопку. Карин прерывисто вздохнула и застонала, трясая головой.

— Дротик, — сказал Джордж. — Очевидно, с транквилизатором. Как себя чувствуете?

Карин села, держась за шею. Припухлость быстро превращалась в волдырь. Девушка терла его, размазывая кровь. Джордж помнил, что они не заперли раздвижные двери в гостиной. До них нужно добраться, чтобы получить хоть небольшой шанс укрыться от Макдональда.

— Сидите тихо, а я запру заднюю дверь и попробую раздобыть телефон, — сказал он Карин. — Договорились? Привалитесь к стене. Все будет хорошо.

Собственный голос казался ему рассудительным и спокойным, будто он говорил коллеге, что отправит факс и сразу вернется.

Развернул Карин, усадил спиной к стене. Ее глаза были дикими, как у зверя, но ему показалось, веки чуть смежились.

— В меня стреляли? — спросила она.

— Всего-навсего транквилизатором. Наверное, вы заснете, но все обойдется.

Она отняла пальцы от шеи и посмотрела на их окровавленные кончики.

— Я мигом. — Джордж бросился к лестнице, ведущей на второй этаж.

На бегу метнул взгляд в гостиную и на раздвижные стеклянные двери. Макдональда не было видно ни на заднем дворе, ни в патио. Джордж плотно сомкнул створки и подогнал запор, затем отступил на середину гостиной, поняв, что запирается, скорее всего, бесполезно. Ясно, что этот дом и упакованный в пленку труп тесно связаны с Макдональдом и Лианой. У Макдональда должен быть ключ, а если нет, он просто разобьет стеклянные двери.

Джордж побежал обратно к Карин. Девушка сидела в той же позе, но глаза ее были закрыты, а дыхание тяжело вырывалось из расслабленного рта. Рука с окровавленными пальцами, на которые она смотрела, так и застыла перед лицом, согнутая и воздетая вверх. Карин смахивала на марионетку с одной уцелевшей нитью.

Джордж присел на корточки. Показалось, что с момента, когда он обнаружил в бельевой труп, миновал час, хотя прошли, скорее всего, считанные минуты. Ни единого звука ни внутри, ни снаружи. Как поступит Макдональд? Если он сунется в дом, Джордж услышит и убежит через другой выход. Уехать не сможет — машина заблокирована, — но запросто скроется в лесу. Шансы будут призрачными, но не нулевыми.

Джордж попробовал сосчитать входы и выходы. Знал он, как минимум, о трех: передняя дверь, раздвижные стеклянные в гостиной и такие же в спальне. Еще должен быть вход в

гараж — возможно, под лестницей, где он затаился. Почему Берни бездействует?

Джордж решил перебраться в темный коридор на втором этаже, куда Макдональд не сможет заглянуть через окно. Он выпрямился, громко хрустнув коленными суставами. Карин сидела, как и прежде, подняв руку, словно замкнуло локоть. Джордж склонился, осторожно взял ее за запястье и опустил. Теперь девушка выглядела так, будто перебрала на пирушке, заснула стоя и сползла по стене. Немногим, но лучше.

Он отправился на второй этаж, стараясь идти непринужденно — не очень быстро и не слишком медленно. Снова глянул через стекло на задний двор — и ничего не увидел; после, вступив в коридор, выключил свет. Прижавшись к стене, в очередной раз прислушался. Прошла минута. Его кожа, которую до этого жгло и покалывало, стала холодной и дряблой. Джордж запустил пятерню в волосы и поразился, как сильно взмок. В доме что-то приглушенно тикало... У него ослабли ноги. Джордж осознал, что отвага и сила, которые завели его так далеко, стремительно утекали, будто через слив в раковине. Вместо бегства из дома он рисовал себе Макдональда, внезапно выходящего из тьмы коридора: видел воочию, как застывает изваянием, а Берни стреляет ему в шею дротиком или чем похуже.

«Почему он не боится, что я вызову копов? — подумал Джордж. — Знает, конечно, что линия не работает, но почему уверен, что у меня нет мобильного? Может, ему известно, что сотовый здесь не ловит — в лесу, рядом с океаном?» Если дело обстояло именно так, спешить некуда, но Джордж знал: чем дольше он здесь пробудет, тем вернее слетит с катушек.

Он решил выбрать направление и броситься на прорыв. Шансы — пятьдесят на пятьдесят. Преимущество задней части дома — соседство с лесом, который начинался всего в нескольких футах от патио. Джордж попытался вспомнить, что там росло; ему удалось восстановить в памяти низкие, непроходимые заросли рододендрона и розовый куст ближе к стене, но он забыл, что именно граничило с патио. Если то же самое, то дела его плохи.

Плюсом передней части было то, что Джордж наверняка знал, куда податься: прямо по подъездной дорожке из гравия, держась обочины, чтобы деревья прикрыли, а оттуда выбраться на улицу Капитана Сойера. Перед домом он больше будет открыт, но сможет двигаться поживее.

Джордж составил план. Он быстро, но спокойно дойдет до передней двери и выглянет туда, где дорожка, — нет ли Макдональда. Если тот еще на месте, у машины, с ружьем в руке, развернется и опрорхит помчится назад — попытаться счастья в лесу. Если же он никого не увидит, то отперет дверь и на всех парах помчится к улице Капитана Сойера.

Он заставил себя направиться к передней двери. Осторожно спустился на площадку, миновал Карин, которая так и сидела кулем, хотя ее лицо начало приобретать тревожный серый оттенок. Остановился возле узкого бокового окна и выглянул на свет божий. Макдональда нигде не было. Его машина стояла на месте, позади «ауди» Карин. По дорожке, что-то выклеывая, пропрыгала ворона. Джордж старательно огляделся по сторонам и ничего не заметил.

Он отпер дверь, распахнул ее внутрь. Выйдя, посмотрел налево-направо — Берни не показался. Джордж рванул мимо «ауди» Карин, миновал «додж» Макдональда, на бегу заглянув в салон. На заднем сиденье лежала женщина. Сбавил скорость, чтобы рассмотреть получше. Лиана. Навзничь, с согнутыми ногами, чтобы уместилась целиком. Голова привалилась к спинке сиденья, волосы прилипли к щеке. Когда на нее пала тень Джорджа, последнему почудилось, что бледные веки дрогнули. Он подступил ближе. Несмотря на

неудобную позу, ее одежда была в полном порядке: знакомая, вишневого цвета юбка, хлопчатобумажный свитер с высоким горлом чуть задрался на талии, обнажив полоску белой кожи. Одна туфля с плоской подошвой была на полу, вторая свисала с изящной стопы. Джордж потянул за ручку, но дверь была заперта. Осторожно качнул машину, стараясь не шуметь, но Лиана полностью отключилась — несомненно, усыпленная зельем, которым Макдональд зарядил свое ружье. Джордж был рад, что заметил подрагивание ее век, — хотя бы знал, что жива.

Ощувив укол в плечо, схватился за него, выдернул крошечный дротик и отшвырнул, как живую осу. Макдональд шел к нему с расслабленной грацией, уже вернув ружье в исходное положение. Он появился из-за дома. Джордж угадал — преследователь был сзади. Джордж снова побежал к дороге. «Может, дотяну до леса, найду укромное место, заползу и залягу, — подумал он. — Может, он меня не найдет. Может, я успел вынуть дротик до того, как отравы попала в кровь».

Он нырял и выныривал из столбов солнечного света, который бил в проемы между деревьями. Через некоторое время земля начала ходить ходуном и неумолимо клониться вправо. Джордж попытался выровнять походку, но запутался в ногах и рухнул лицом в лесное подножное крошево. Он встал на колени; мир покачнулся опять; деревья закружились, будто в ускоренной съемке. Джордж снова опустился на мягкое ложе из сосновой хвои. Закрыв глаза — и кружение прекратилось.

Порой Джордж задавался вопросом, не случилось ли так, что ограниченная его память целиком забила мелочами, касавшимися Лианы, которые сплошь относились к первому учебному семестру — тем безумным шестнадцати неделям. Не имея фотографий, он четко помнил большинство нарядов Лианы; точные размеры и убранство ее комнаты; как она держала ручку, как курила сигарету; не забыл вкус ее губ. Эти вещи засели в памяти потому, что он снова и снова возвращался к тем мгновениям, предоставляя прочим событиям жизни плыть мимо незамеченными и необдуманно. И сознавал, что, возвращаясь к воспоминаниям о Лиане, он всякий раз воссоздавал их заново, отлаживал и подделывал. Джордж понимал, что больше не вправе им доверять, что эти предания искажены временем, как слова в игре «испорченный телефон».

Но в тот далекий сумрачный декабрь, в его начале, была ночь, воспоминаниям о которой Джордж верил. Он пережил ее мысленно тысячу раз — и тогдашний разговор не изменился, а потому он считал, что все так и было. Они отправились в студенческий кинотеатр «Трамбулл», приютившийся в богато отреставрированной лекционной аудитории на восточной стороне институтского комплекса. Смотрели «Дикую штучку» — фильм Джонатана Демме с Джеффом Дэниелсом и Мелани Гриффит; с тех пор Джордж его не пересматривал, но помнил почти целиком, эпизод за эпизодом, как и дешевые места на балконе и ощущение ее ладони в руке.

Был вечер пятницы, и после кино они собирались на пирушку, которая затевалась у Зака Гроссмана — друга и тогдашнего бойфренда Эмили, соседки Лианы по комнате. Местный, младший из трех братьев, он всегда располагал хатами для попоек первокурсников.

«Я придумала кое-что получше», — сказала Лиана, сжав Джорджу руку, когда они дошли до места под UV40, гремевшие из окна.

«Ну?»

«Пошли на разведку в новый научный корпус».

Прикрываясь от колючего ледяного ветра, они перебрались на северную сторону кампуса, где было начато строительство четырехэтажного здания. Его возводили на участке, который немного уходил под откос и примыкал к самой большой институтской парковке. Фундамент был готов; сваи, балки — все на месте. Четырехэтажное сооружение напомнило Джорджу большой конструктор. Участок был кое-как огорожен оранжевой пленочной лентой.

Лиана довела Джорджа до места, где опорный столбик был выдернут и лента просела. Перешагнула через нее, увлекая Джорджа за собой.

— Куда мы идем? — спросил он.

— Давай внутрь. Мне смерть как хотелось.

Джордж последовал за ней в здание. Они остановились на бетонном полу и дали глазам привыкнуть к темноте. Лестница была построена наполовину, на ней еще сохранились рейки для ступеней на верхний этаж. Отдельные этажные секции были готовы, но большинство еще нет. Джордж, подняв взгляд, различил фиолетовое вечернее небо и звездную россыпь.

— Наверх не полезу, — заявил он.

— А что так?

Лиана — не успел он ее остановить — взбежала по ступеням, погромыхая рейками.

Джордж подавил страх и двинулся следом. На третьем этаже она пересекла временный настил, который вел к участку в юго-восточном углу строения, где был вроде уже постоянный пол. Она уселась, и Джордж благодарно пристроился рядом. Натянутый вместо стен неприглядный синий брезент шуршал и хлопал на резком ветру.

— Как на корабле, — сказал Джордж.

— Точно, — отозвалась Лиана, ложась на спину, чтобы смотреть в небо.

Джордж повернулся, взглянул на кампус. Низкие шиферные крыши окружавших двор общежитий; за ними церковный шпиль, бледный в свете прожектора; вдали мерцают городские огни.

— Ладно, — признал он. — Мысль была классная.

Он улегся рядом с Лианой. Ветер и шорох брезента заглушали все прочие звуки, долетавшие с кампуса.

— Как по-твоему, Лулу была лгуньей? — спросила Лиана.

Джордж не сразу сообразил, что она говорит о недавно просмотренном фильме.

— Ну да.

— Потому что выдавала себя за другую? Или не говорила всей правды?

— И то и то.

— Но если так, каждый раз, знакомясь, придется рассказывать всю биографию.

— Это разные вещи — рассказать всю биографию и назваться подлинным именем.

— А как быть с чуваком из твоей общаги, который называет себя Шеви? Он взял себе это прозвище, когда поступил в колледж. Ничем не отличается от того, что в фильме сделала Лулу.

Лиана, обычно говорившая размеренно, монотонно, повысила голос — не так чтобы Джорджу всполошиться, но заметно. Джордж не знал, в чем дело, но подумал тогда, что девушка о чем-то недоговаривала. Он приподнялся, спрятал в горстях зажигалку и прикурил.

— Пожалуй, — ответил он.

— Я только одно хочу сказать: если человек создает себя заново, как Лулу, то разве не может быть, что эта новая личность оказывается честнее... больше похожей на нее, чем та... которой она родилась? Семью не выбирают. И имя не выбирают, и внешность, и родителей. Но с возрастом мы можем сделать выбор, став тем, кем предназначено быть.

— Намекаешь, что тебя зовут Боб и ты из Канады?

— Нет, но я не чувствую никакого родства ни с предками, ни с моей Флоридой. Могу сменить имя — ничего не изменится. Понимаешь?

— Да. Не скажу, что полностью согласен, но суть улавливаю.

— Как это — не согласен?

— По-твоему, выходит, что люди вольны поменять себя по случайной прихоти. Так не бывает. Нам может и не нравиться, кем мы уродились, но это ничего не меняет — мы все равно остаемся теми, кто мы есть.

— Это не имеет никакого отношения к вольнице. Я говорю лишь о том, что человек, в которого мы превращаемся, может быть нашим подлинным «я». Лулу из фильма такая же, как ее героиня. Даже притом что она сама все выдумала.

— Но кино же не об этом. Оно о том, что от прошлого не уйти.

— Понимаю. Я делюсь собственными мыслями.

— И все равно я соглашусь не со всем.

— Ты споришь просто ради спора.

— Ничего подобного. Я понимаю, о чем ты говоришь. Ты считаешь, что с возрастом у нас появляется возможность стать в большей степени самими собой. Я только думаю... в общем, люди, которые бегут от своего прошлого или отрекаются от родителей, — обманывают себя. Ничего не выйдет. Может быть, внешне, в глазах других они и изменятся, но глубоко внутри каждый является продуктом собственного прошлого.

— Значит, по-твоему, люди не меняются?

— Я этого не говорю. Мне только кажется, что полностью избавиться от своих истоков не удастся никому. Нравятся они или нет.

Джордж бросил окурок за край площадки. У него немного засосало под ложечкой от вида оранжевых искр, уносимых ветром. Он не любил высоты.

— Кровь выдаст, — покорно подхватила Лиана.

— Примерно так.

Лиана умолкла, глядя сквозь голый каркас здания. Джордж перевернулся на бок и посмотрел на ее профиль — черный абрис на фоне далеких огней парковки.

— Ты говоришь так потому, что любишь место, откуда ты родом, — проговорила Лиана. — Родителей, и город, и Новую Англию. Ты выбрал колледж, до которого ехать меньше двух часов. Ты вряд ли знаешь, что такое быть чужим в родной семье.

— Ладно, согласен. Успокойся. На самом деле я с тобой не спорю. Просто думаю, что... когда ты говоришь... говоришь, что человек, которым мы становимся, подлиннее того, кем мы были в годы юности, я не вполне с этим согласен. Нет, подожди. Дослушай. Я считаю, что истинны обе ипостаси. Даже если сильно захочешь, происхождение со счетов не сбросить. Оно никуда не девается. Это правда нашей жизни.

Лиана снова замолчала. Задним числом Джордж осознал, что она потерпела поражение. Разговор не повторился, но Джордж с годами возвращался к нему снова и снова. Он давно понял, что Лиана Дектер просила о разрешении навсегда стать Одри Бек. Она прожила в этой личине меньше трех месяцев, но не могла не увидеть возможностей и не понять, что это был редкий шанс навсегда сбросить старую кожу и начать новую жизнь.

Они провели в недостроенном здании еще час, все больше замерзая. Улегшись на бок, обнялись, чтобы согреться. Джордж помнил боль в бедре и что Лиану первой затрясло от холода. Они поцеловались, и Джордж заметил влажный отсвет фонаря в открытом глазу Лианы. Они трогали друг друга сквозь одежду. Джордж предложил вернуться в общежитие.

— Нет.

Джордж остался лежать на боку; она скользнула вниз, расстегнула его джинсы и взяла в рот. Лиана делала это и раньше, но всегда как прелюдию к чему-то еще, не вполне понимая процесс, а Джордж старался не кончить. В тот вечер Джордж достаточно расслабился, чтобы обратить внимание на ощущения. Он опустил голову на холодный пол и уставился в ночное небо. Лиана не разомкнула губ до самого финиша. Этот поступок, как и приведший к нему разговор, навеки засел в его памяти.

Лиана скользнула обратно вверх и поцеловала его. Теперь и он задрожал, но они пролежали еще четверть часа, прежде чем признали поражение.

Теперьшний Джордж, очнувшись с тошнотой и кашей в голове от транквилизатора и обнаруживший себя лежащим на боку лицом к лицу с Лианой, решил сперва, что видит сон или умер и вернулся к счастливейшему в жизни моменту. Но потом глаза Лианы открылись, он заметил в них страх и осознал, что связан по рукам и ногам, а жесткое ложе под ним

качается вверх-вниз. Джордж почувствовал запах бензина, услышал ровный рокот двигателя и плеск воды. Они были накрыты зеленым брезентом, достаточно прозрачным, чтобы Джордж различил дневной свет и смутные черты Лианы.

— Где мы? — проскрежетал он и сам не узнал свой голос.

Речь ослабила что-то в голове, и мир, уже вздымавшийся и опускавшийся, накренился еще опаснее, будто Джорджа понесло в открытый космос. Он рванулся, напрягшись всем телом, против того, что удерживало его на месте. Показалось, что запястья изрезаны бритвенно острым стеклом.

Отрыжку сменил приступ кашля, из-под сомкнутых век хлынули слезы. Когда утих и дыхание худо-бедно выровнялось, Джордж снова посмотрел на Лиану. Ей удалось немного отодвинуться от него, и он понял, что та под брезентом тоже связана.

— Ты цел? — спросила она.

Во рту и глотке у Джорджа стояла желчь. Накатила новая волна тошноты, и он закрыл глаза, пытаясь ее перебороть.

— В тебя выстрелили из сонного ружья, — сказала Лиана.

— Знаю, — ответил он и поднял веки. — Где мы?

— У Донни в лодке. Впрочем, ты уже, наверное, знаешь его настоящее имя.

— Берни.

— Правильно. Он нас убьет.

Суденьшко резко качнулось, создало волну и тяжело плюхнулось на воду. Джорджа толкнуло в спину нечто похожее на тело. Он попробовал повернуть голову, но увидел только наваленный на них брезент.

— Кто там за мной?

— Твоя приятельница. Я ее не знаю.

— Карин Бойд. Племянница Джерри Маклина. О господи...

— Она мертва, Джордж.

— Откуда ты знаешь?

— Видела, как он затаскивал вас троих в лодку. Берни сказал, что девушка умерла от транквилизаторов. Но это не играет роли. Он все равно собирается нас убить.

— Другое тело тоже в лодке?

— Кэти Аллер?

— Женщина, которая жила в том доме?

— Да, это Кэти Аллер. Берни убил ее прошлой ночью.

— Кто она такая?

— Долго рассказывать, а времени нет. Попробуй кое-что сделать. Он ведь связал тебе руки спереди?

— Угу.

— До того как он меня схватил, я успела взять столовый нож и спрятать под юбкой. За резинкой трусов. Самой никак не достать.

— Спереди?

— Угу.

Джордж придвинулся ближе, сколько мог, и в итоге его колени уткнулись в ее, а их лица оказались рядом. Брезент сдвинулся, но по-прежнему полностью покрывал их. Джордж не видел, как именно связал его Берни, но знал, что надежно обездвижены и лодыжки, и запястья. Еще казалось, что веревка была обмотана вокруг талии и дальше шла к кистям,

прижимая их к животу, где пряжка ремня. Онемевшие пальцы кололо, но шевелить ими получалось. Он подобрался достаточно близко, чтобы дотронуться до пальцев Лианы. Вдобавок нащупал нейлоновый шнур, туго затянутый на ее запястьях, и почувствовал на ее коже что-то липкое — пот или кровь.

— Опустись ниже, — велела она.

Он подчинился. Труд был тяжкий. Берни туго затянул веревку на каждом суставе, и Джордж ощущал боль в лодыжках и запястьях там, где нейлон врезался в кожу. Когда его кисти очутились под руками Лианы, та подтянулась ближе, так что его пальцы прижались к верхней части ее бедер. Он ощутил ткань юбки и кромку трусов на бедре. Нож не прощупывался.

— Справа, — сказала она.

Джордж повернулся, и его руки на дюйм приблизились к ее промежности, где вдруг наткнулись на твердый выступ — вероятно, тупой конец ножа.

— Можешь приподняться? — спросил он. — Стяну юбку.

Захватив пальцами ткань, он потянул ее на себя. Лиана чуть оторвала бедра от доски. Джордж сгреб побольше материи и зажал в пальцах. Лодка качнулась, и бедро Лианы резко опустилось. Та крикнула. Они добились своего через три мучительные минуты: Лиана выгнулась, а Джордж сдвигал ткань по дюйму зараз. Запястья горели от боли, пальцы сводило судорогой, но он не посмел признаться в этом Лиане. Было ясно, что отрывы от палубы причиняли ей жесточайшие страдания. Джордж слышал, каким прерывистым и сиплым стало ее дыхание. Наконец, коснувшись пояса юбки, он совершил последний отчаянный рывок и сунул пальцы за кромку. Теперь он трогал голые бедра Лианы.

— Слава богу, — произнесла она, расслабляясь.

Ее бедра были мокры от пота. Джордж дотянулся пальцами до края трусов.

— В этом занятии есть свои плюсы, — заметил он.

Она отозвалась усталым смешком.

Джордж поддел пальцем трусы, нащупал чуть выше колючие лобковые волосы, подтянулся ближе и приподнял руки так, что они наткнулись на нож, который лежал горизонтально, удерживаемый резинкой. Оттягивая белье, пока не коснулся деревянной рукоятки, он крепко сжал ее большим и указательным пальцем. Перекатившись назад, выдержнул нож. Тот чуть не зацепился за юбку, но Джордж удержал его и перехватил так, что он надежно улегся в правую ладонь.

— Достал? — спросила Лиана.

— Ага.

— Сможешь перерезать веревку?

— Твою или мою?

— Давай твою. Так будет проще. У меня руки совсем онемели.

— Дай мне минуту.

Лодка как будто сменила курс — жаркое полуденное солнце теперь лупило прямо в зеленый брезент. По лбу безостановочно стекал пот. Тело дышало страхом (Джордж явственно ощущал его запах), и было что-то еще — гнилая вонь, которая запомнилась по прачечной в доме на улице Капитана Сойера. Кэти Аллер в своем пленочном саване.

Джордж приспособил нож так, чтобы держать деревянную рукоятку четырьмя пальцами правой руки. Он вывернул запястья и почувствовал, как нож зубчатым лезвием задел веревку. Повторил несколько раз, и лезвие зацепило чуть меньше, а пропилило побольше.

— Думаю, получается, — сообщил он Лиане.

— Слава богу. Развяжешь руки, загляни в пластмассовый рыболовный ящик, который болтается и бьет меня по черепу. Я почти уверена, что там оружие. Револьвер.

— Хочешь, чтобы я пристрелил Берни?

Ответ был очевиден, но даже сам вопрос заставил желудок Джорджа сжаться от страха. Он вспомнил, каково пришлось в коридоре, когда к нему приближался Берни с ружьем. Много ли осталось в нем храбрости?

— Доберешься до пушки, направь ее на Берни и вели прыгать в воду. Он не послушает, но ты дашь ему шанс. Он постарается запудрить тебе мозги. Не позволяй. Скажи, чтобы прыгал. Если замнется или еще что выкинет, прицелься в корпус и выстрели. Либо он, либо мы, Джордж. Ты это знаешь. Как веревка?

— Подается.

Рокот мотора сменился комариным писком, и у Джорджа упало сердце при мысли, что Берни добрался до своего могильника прежде, чем он распилил хотя бы один узел... но двигатель снова набрал обороты.

— Чего он ждет?

— Думаю, вокруг полно лодок. Он направляется в открытый океан.

— Тебе придется объяснить, почему мы попали в такую передрагу.

Лиана сделала ровный выдох, ее дыхание было затхлым и теплым.

— Гордиться мне в любом случае нечем.

— Все это путешествие, твой приезд были уловкой, чтобы добыть алмазы из сейфа Маклина.

Джордж не спросил — констатировал. Если жить осталось недолго, подумал он, с него достаточно лжи Лианы.

— Да, — сказала она. — Но я не знала, что Берни собрался убивать. Клянусь! Он должен был вырубить Маклина, забрать алмазы и дать деру.

— Как Берни проник в дом?

— Мы знали, что в субботу приедут садовники, и подгадали. Я заехала на улицу, откуда Берни мог через лес попасть на участок. Он переоделся садовником и не вызвал бы подозрений, если был бы замечен выходящим из леса. Он изучил дом и знал, что окно над задней верандой обычно приоткрыто. Прихватил с собой короткую лестницу. Это было легко. Кабинет Джерри на втором этаже. Берни залез и подождал. Заполучив алмазы, он должен был просто принести их к машине, где ждала я.

— Зачем тебе понадобился я?

— Я действительно не хотела показываться в доме Маклина. Все, что я сказала о наших отношениях, правда. Его жена умирала, он мог быть не в себе. Лучше было послать кого-то постороннего. К тому же, если бы поехал ты, я смогла бы вести машину. Берни не хотел, чтобы незнакомая тачка три часа простояла в фешенебельном районе Ньютона. Она привлекла бы излишнее внимание. Что там с веревкой?

Джордж все еще пилил, когда ощутил то же, что, видимо, почувствовала и Лиана: Берни описывал широкий круг, заглушая мотор. Нашел надежное место?

— Вроде режу, но рукам не свободнее. Зачем ты пришла в «Коулун»? Это было необязательно.

— Решила, что будет правильно проведать тебя напоследок. Утром мы с Берни были бы далеко, если бы он не взбесился. Я не знала, что он был уверен: мы с тобой заодно и

собираемся его кинуть. Вот почему пригрозил твоей подруге, а потом начал убирать свидетелей. Он заикнулся.

Джордж почувствовал, что нейлоновый шнур провис. Он пошевелил запястьями, но те остались туго стянутыми. Изменил угол наклона ножа и принялся пилить очередной слой.

— Мы выкрутимся, — сказала Лиана, но ее тон не показался Джорджу уверенным.

— Продолжай говорить. Это помогает.

— О чем?

— Где вы были вчера?

— В основном в Нью-Эссексе. В доме, который ты нашел. Я пыталась убедить Берни что нужно просто уехать из города. А он считал, что останется слишком много свидетелей. Ты, разумеется. Кэти Аллер...

— Кто такая?

— Мы познакомились на островах. Она была наркоманкой, прожигала родительские деньги. Они мертвы; им принадлежала вся земля и строения на улице Капитана Сойера. Я связалась с ней, когда было решено, что мы с Берни приедем. Она разрешила остановиться у нее...

— И воспользоваться ее коттеджем.

— Да, и воспользоваться ее коттеджем, и...

— Лодка, должно быть, тоже ее.

— Ее. Послушай, Джордж, я могу повторить это тысячу раз, но знаю, что разницы не будет, поэтому скажу только раз. Прости, что втянула тебя в это дело. Я была уверена, что опасности нет. Ты должен мне поверить. Смерть заслужила я, но не ты.

Джордж почувствовал, что веревка начала слабеть. В пальцы хлынула кровь, и он сумел отвести правое запястье градусов на сорок пять, как минимум. Это позволило поудобнее приладить нож. Он дважды с силой полоснул, веревка лопнула, и правая рука освободилась. Левая еще оставалась привязанной к талии.

— Рука свободна, — сообщил он.

— Обе?

— Только правая, но, думаю...

Лодка издала глухой звук, словно что-то ударило в борт.

— Что это было? — спросил Джордж.

Теперь, когда рука заработала, страх усилился. Отчаяние сменилось слабой надеждой. От адреналина закружилась голова. Он зажмурился, давая этому ощущению пройти.

— Зараза, — произнесла Лиана.

Он открыл глаза.

Запрокинув голову, она смотрела вверх, будто могла видеть сквозь брезент. Он собрался спросить, в чем дело, но внезапно почувствовал то же. Лодка замедлила ход, почти остановилась. Мотор перестал рокотать, пару раз кашлянул — и заглох совсем. Лодка качнулась на водной глади, и неожиданная тишина навалилась тяжким бременем. Джордж снова зажмурился и замер, как малое дитя, играющее в прятки, словно Берни мог позабыть о двух живых людях под брезентом.

— Пора вставать, солнышко взошло. — В наступившей тишине гнусавый голос показался нестерпимо громким.

Берни отбросил брезент, как одеяло. Солнце, сиявшее в безоблачном небе, ослепило Джорджа, и он различил только нависший над ними темный силуэт — черный контур на

ярком свету, лишивший их последней надежды.

— Попрощайтесь, голубки.

— Берни, пожалуйста, подожди минуту, — ответила Лиана, срываясь на неестественный писк. — Подумай, что делаешь. Ты не такой.

Берни, который выглядел как черная фигура, заслонявшая солнце в зените, развел руками, будто затянул на спине узел.

— Вспомни, как ты уломала меня поехать, — проговорил он. — Как пела, что вломиться в чужой дом, вырубить хозяина и потырить эти алмазы — сущий пустяк. Что это только в первый раз трудно. Ты была права. Вломиться в дом было проще некуда, зато ударить молотком оказалось трудновато.

Берни вымученно рассмеялся, будто неудачно пошутил на вечеринке.

— Думал, по башке будет как по дереву, но не тут-то было, — продолжил он. — Вышло как по фрукту. Аж молоток утонул. Даже ненадолго застрял. Представляешь ощущения?

— Берни, ты же знаешь, я тебя об этом не просила.

— Ты велела вырубить его надолго.

— Но не молотком же, черт побери! Господи, Берни, ты хоть прикинь, что собрался делать. Можешь забрать алмазы. Уехать. Мы избавимся от трупов. Никто не узнает.

— Точняк, я избавлюсь от трупов.

Берни зашел в тень. Солнце со всей полуденной силой ударило Джорджу в лицо, и он невольно стал искать очки.

Берни нагнулся, и Джордж услышал, что по палубе будто поволокли тяжелую мебель. Глаза немного привыкли к ровному блеску безоблачного неба, и он рассмотрел, как Берни тянет параллельно Лиане нечто увесистое. Та изогнулась, стараясь увидеть, чем он занят.

— Берни, прекрати! — сказала она другим тоном, уже якобы материнским, но Джордж — и Берни, видимо, тоже — расслышал только отчаянную попытку прибегнуть к чему-то новому, еще не опробованному, чтобы остановить то, что теперь казалось неизбежным.

Джордж изо всех сил заработал освободившейся правой рукой, трудясь над тугим нейлоновым шнуром, который крепил его левое запястье к петле на талии. Он прекрасно понимал, что из-за внезапного безмолвия открытого океана придется действовать бесшумно, не привлекая внимания.

Берни подхватил Лиану за обмотанную вокруг пояса веревку, чуть приподнял и перекатил на живот. Она резко выдохнула и застонала. Брезент соскользнул, и Берни уставился на ее задранную юбку, голые ноги и ягодицы.

— Что это такое? Ублажила своего дружка напоследок? Господи, Джейн, ну ты и извращенка!

Он выпрямился, издав тот самый лающий смешок, который Джордж впервые услышал несколько дней назад, встретившись с Берни у коттеджа в Нью-Эссексе. Имя Джейн показало Джорджу, как мало тот знал о женщине, которую собирался убить.

— Подумай, что делаешь. — Лиана снова сменила тон.

— Уже подумал. Хотел шарахнуть тебя по голове молотком, как старика, и сбросить в море. Но потом решил, что ты заслуживаешь большего.

Берни склонился над женщиной, и Джордж увидел, чем он занят. Он подтащил бетонный блок объемом с кубический фут и стал привязывать его к Лиане.

— Я решил просто выбросить тебя, чтобы подумала над тем, что сделала, пока будешь тонуть.

Берни работал быстро. Едва договорив, он выпрямился и затянул только что завязанный узел. Лиана, изловчившись, повернула голову к Джорджу. Волосы скрыли половину ее лица, но он увидел испуганный, окаймленный красным глаз. Берни потянул Лиану к борту. Ее голая кожа визгала по линолеуму.

Джордж почти перерезал веревку, державшую левую руку, но этого было мало. Даже успеет он рассечь ее до того, как Берни сбросит Лиану в океан, ноги останутся связанными. Руки освободятся, но со спеленатой нижней частью туловища почти нет шансов добраться до ящика, извлечь револьвер и застрелить Берни.

Берни с силой дернул еще раз, подтаскивая жертву к краю.

— Прекрати! — крикнул Джордж.

Берни оглянулся с почти удивленным оскалом, обнажив серовато-лиловые зубы.

— Хахаль заговорил!

— Перед тем как ты меня подстрелил, я вызвал полицию, — предупредил Джордж. — Сказал им, что ты собрался утопить нас в океане. Сейчас они, наверное, вызвали самолеты обыскать зону.

— Да ну! Прямо сейчас! Откуда ты знал, что я так сделаю?

— Видел лодку возле коттеджа. Куда еще девать трупы?

Берни взглянул на Джорджа с некоторым интересом. А потом поднял бетонный блок и выбросил из лодки. Вербка, привязанная к Лиане, натянулась. Берни осталось только поднять женщину и перевалить через борт.

— Если это правда, — изрек он, — мне придется пошевеливаться. Коль скоро надомной закружат поисковые самолеты, улики на борту не нужны.

Берни вновь повернулся к Лиане. Та извивалась и выгибалась дугой, пытаясь освободиться. Берни встал одной ногой у ее головы, другой — у талии и нагнулся, чтобы поднять.

— На помощь! — что было сил заорал Джордж на случай, если поблизости другая лодка.

Ответом ему был скрипучий крик кружившей в небе чайки. Джордж завопил снова, а Берни взялся покрепче и начал поднимать Лиану. Она и Джордж видели друг друга меж расставленных ног убийцы. Лиана замотала головой. Океанский бриз подхватил ее волосы и сдул с лица, так что Джордж увидел оба глаза. В них больше не было паники, только покорность. Он перестал кричать.

— Джордж, прости, — сказала она. — Я люблю тебя.

— Одри, — произнес Джордж.

Он неистово рванул еще привязанную левую кисть. Берни перевалил Лиану через борт. Джордж услышал тяжелый всплеск, затем — тишина. Бетонный блок мгновенно утянул ее под воду.

Берни повернулся и привалился к борту, положив свои лапищи на бедра.

— Это было труднее, чем казалось, — заявил он, слегка запыхавшись.

Джордж не мог на него смотреть. Изможденный, он уткнулся лбом в липкую палубу и уставился на обувь Берни — легкие кожаные туфли с кисточками, наподобие мокасин. Одну штанину костюмных брюк трепало на ветру. Джордж глубоко вдохнул носом; острый медный запах покрытия. Его поглотила пустота осознанной близости смерти. Он ощутил

себя бесконечно одиноким. В памяти промелькнуло лицо отца.

Джордж услышал шорох: Берни выпрямился. «Сейчас снимет брезент, — подумал Джордж, — увидит в распухших пальцах нож и отберет. Заметит перерезанную веревку и посмеется над моей жалкой попыткой бегства, а потом свяжет заново, навесит мой личный бетонный блок и отправит на дно океана».

Не отрывая головы от палубы, Джордж увидел, как Берни пошел в носовую часть лодки. Джордж прижал подбородок к груди и в таком положении обнаружил еще три бетонных блока, приготовленные за передними скамьями. Берни подхватил один и скрылся из поля зрения.

— Ты страшный молчун, Джордж. Я оставил тебя напоследок, так что немного времени ты выгадал. Говори, не стесняйся. Я не прочь чуток потрепаться.

Джордж чувствовал, как Берни ходит по палубе и шевелит брезент, но тот остается на месте. Послышался глухой стук — очевидно, он поставил бетонный блок. Затем Джордж ощутил, как Берни завел руки ему под бедра и поясницу и сдвинул на пару футов вперед. Нож, так и зажатый в освобожденной руке, царапнул по обшивке. Джордж решил: Берни наверняка услышал.

— Побудь пока здесь, лады? — просто сказал тот.

Джордж окинул себя взглядом. Брезент оставался сверху. Берни будет занят несколько минут, крепя бетонные блоки к Карин Бойд и Кэти Аллер. Он поддел веревку пальцем и нащупал кромку разреза, где рассек ее на три четверти. Переместив лезвие, снова начал пилить.

— Эта меня удивила, — признался Берни. — Племянница Маклина. К тебе так и липнут красавицы, Джордж, хоть и не понимаю почему. Я зарядил дротики дозой сока, способной свалить фигуру вроде тебя, — сам понимаешь, это непростая наука, дамочке оказалось многовато. Заснула, и слава богу.

Как раз в эту минуту Джордж перерезал веревку на левом запястье, и его рука с омертвевшими мышцами упала на палубу. Он притворился, будто закашлялся, чтобы скрыть звук, и принялся разминать и тереть онемевшие, нывшие кисти. Притворный кашель скоро перешел в настоящий, и сокращения диафрагмы выдавили из почти пустого желудка последнюю чайную ложку желчи. Джордж сплюнул ею на палубу.

— Осталось недолго, — пообещал Берни.

Джордж не видел его, но, судя по звуку, тот переваливал через борт тело Карин Бойд. Понадеявшись, что Берни отвернулся, Джордж быстро провел руками по корпусу и нащупал двойную петлю, которая опоясывала его довольно свободно. Над левым бедром был узел величиной с вишню. Джордж ничего не понимал в узлах и лишь отметил, что тот очень прочен и из него не торчит ни один кончик. Узел закреплял тяж, который плотно прилегал к бедру и проходил между ног. Если веревку разрезать, лодыжки останутся связанными, но можно будет вытянуться, а руки уже свободны. Появится возможность добраться до оружия в ящике.

Всплеск — Карин Бойд отправилась в свою подводную могилу, а следом — звучный выдох Берни. Устал? Джордж знал, что тот силен. Хоть день и выдался сравнительно прохладный, солнце стояло в зените, а Берни был одет в темные костюмные брюки и блестящую рубашку из серого шелка.

— Кэти, ага, — проговорил Берни.

Джордж услышал шуршание пленки. Он представил убитую по-прежнему завернутой и

перевязанной, какой увидел ее в доме на улице Капитана Сойера.

— Ты ведь не знал Кэти, насколько я понимаю?

— Встречались, — ответил Джордж, желая, чтобы Берни продолжал болтать.

И подсунул нож под натянутую веревку, соединявшую талию с лодыжками.

— Тогда тебе, наверное, ясно, что я не убил ее, а лишь ускорил ее смерть. Ты знаешь, сколько ей было? Двадцать два года, которые превратились в восемьдесят два. Она сидела на наркоте меньше года, но что это был за год! — Берни гавкнул смешком. — А знаешь, кто ее посадил? Твоя драгоценная Джейн. Она мастерски управлялась с женским полом, совсем как ты.

Джордж начал слабеть. Голова закружилась, тело взмокло. Чтобы покончить с последними волокнами, понадобились все силы. В лицо светило солнце, и он чувствовал себя куском мяса на рашпере.

Берни негромко крикнул, и пленка вновь зашуршала.

— Ты в курсе, что покойнички набирают вес? Я пару раз швырнул эту тушку еще живой — весила она не больше тряпичной куклы, зато теперь — господи Иусе, я старею!

Веревка, над которой трудился Джордж, распалась надвое, и его ноги освободились. Лодыжки остались связанными, но он уже не был скручен, словно индейка. Отчаянно хотелось разработать болевшие, онемелые мышцы ног, но Джордж не знал, куда смотрел Берни. Джордж запрокинул голову как можно дальше, но увидел лишь небо, по которому теперь плыли легкие облачка. Услышал всплеск — Кэти Аллер поглотила пучина. В лодке остались только он и Берни. Он понял, что перерезать веревку на лодыжках не удастся. Тогда он изогнул шею и оглянулся на место, где недавно лежала Лиана. У борта лодки высился рыболовный ящик, о котором она говорила. Рядом лежал ярко-красный спасательный жилет, и Джордж прикинул, не будет ли лучше схватить его, нырнуть и попытаться счастья вплавь.

Сзади по палубе зашуршали туфли Берни. Джордж попытался сделать глубокий вдох, но в легкие попала лишь жалкая струйка воздуха. «Сейчас сдернет брезент, — подумал он, — увидит, как я разделался с веревкой, и мне придется действовать — броситься на него с ножом, который годится только для нью-йоркского стейка».

Позади него Берни издал горлом короткий вопросительный звук и сделал три шага к штурвалу. Джордж увидел, как он нагнулся, отпер бардачок и достал бинокль. Поднес его к глазам и уставился в даль. Джорджу выпал шанс.

Со всем проворством, на какое был способен, Джордж перекатился с бока на ладони и колени, затем оттолкнулся и метнулся к рыболовному ящику. Мышцы слушались плохо, словно он пролежал связанным дни, а не часы. Откинул крышку и вывалил содержимое ящика на палубу. Высыпались инструменты, рыболовные снасти и несколько скатов, а еще черный револьвер, завернутый в промасленную тряпицу. Схватив его правой рукой, Джордж перекатился обратно в сидячее положение. Берни по-прежнему спокойно стоял у штурвала с биноклем в руке. На его губах играла легкая недоуменная улыбка. Джордж наблюдал, как взгляд Берни переходил с его лица на револьвер и обратно.

— Он не заряжен, — сказал Берни.

— Точно?

Джордж взвел курок. Тот щелкнул, подавшись легче, чем он ожидал. Рука дрожала от страха и усталости, но ему было наплевать.

— Давай стреляй! — предложил Берни. — Он правда не заряжен. Взял бы лучше

спасательный жилет и...

Джордж нажал на спуск. Небольшая отдача ударила в руку, пистолет издал резкий хлопок, похожий на взрыв шутихи. Берни уронил бинокль на палубу и поднес правую руку к шее. Послышался жуткий булькающий звук, и на атласную рубашку хлынул поток темной крови.

Берни зажал рану крепче, но кровь потекла меж пальцев, заливая руку. Он пошарил другой рукой, вцепился в спинку кресла-вертушки рулевого и сел, как разбитый ревматизмом старик.

Взгляд Берни был прикован к Джорджу. В его глазах не было ни страха, ни злости — лишь замешательство, будто он не понимал, с чего вдруг его шея протекла и в чем тут связь с револьвером, который так и держал в руке Джордж. Берни сторбился в кресле, все еще лицом к Джорджу, и уронил на бедро окровавленную руку. Весь перед рубашки пропитался кровью, а сухое лицо стало мертвенно-бледным. Замешательство ушло из глаз. Его сменила пустота. Он был мертв.

Джордж отвернулся и окинул взором океан. Он ожидал увидеть на горизонте лодку или что-то еще, отвлекшее Берни, но обнаружил лишь горизонт, простиравшийся во все стороны. Ярдах в двадцати на лазурной волне качалась чайка, но это был единственный признак жизни.

Он закрыл глаза и попытался на миг от всего отключиться, чтобы осмыслить случившееся. Жаркое солнце жгло кожу, палуба накренилась. На границе сознания взыграли дремотные образы, и Джордж, на секунду забывшийся в грезах, чуть не заснул.

Когда он открыл глаза, ничего не изменилось. Он был на палубе лодки с разбросанным содержимым рыболовного ящика и предназначенным для него самого бетонным блоком. В руке подрагивал револьвер. Берни обмяк в рулевом кресле, которое ритмично покачивалось на мелкой морской волне.

Джордж вернулся в Мазер-колледж. Казалось, путешествие в Суитгам заняло целую вечность, но в действительности он очутился в общежитии меньше чем через неделю после отъезда. Соседу Кевину и всем, кто спрашивал, он сказал, что ездил на несколько дней домой, в Массачусетс, побыть с родителями. Никто в подробности не вдавался.

Лгать было совестно, но он сказал себе, что защищал Лиану.

Джордж решил, что Чалфент был прав. Сохранялась вероятность того, что Лиана вернется в колледж, чтобы найти его. Путь во Флориду ей заказан. Другой семьи не было. Куда еще податься? Джордж решил, что, если Лиана придет к нему, он поможет, чего бы это ни стоило. Может быть, попытается убедить ее сдать, но если не выйдет, сделает все, чтобы ее не поймали. И чтобы увериться в том, что является не последним человеком в ее жизни.

В первом семестре Джордж мало с кем общался — в основном из-за Лианы, но во втором замкнулся еще больше. Он не бывал на пирушках, отказался от тусовок с ребятами на пяточке в конце коридора. В столовой часто ел в одиночестве, укрывшись за студенческой газетой. Так же в одиночестве переходил из аудитории в аудиторию, горбясь под зимней курткой и с неизменной сигаретой в зубах. Свободное время проводил в одной и той же библиотечной кабинке на цокольном этаже. Там было тихо даже по библиотечным стандартам; единственный звук — пощелкивание и шипение допотопного радиатора. Он занимался как проклятый, стремясь исправить неприглядные оценки за первый семестр. Он сознавал, что соседней-первокурсников, особенно Кевина, задевала его внезапная отчужденность. Хорошим оправданием была смерть Одри: все воспринимали его поведение как скорбь.

Зима выдалась лютой — такой не было полсотни лет; температура неделями держалась на минимуме. Потянулись короткие дни, стужа и тьма которых превращали поездку во Флориду и прошлый семестр в мираж, сновидение о другом мире. И все-таки каждый раз, когда в общежитии, где он делил комнату с Кевином, звонил телефон, у Джорджа екало сердце при мысли, что это Лиана. Но она так и не объявилась.

В феврале, на каникулах, Джордж поехал домой. Мать слова не сказала о Лиане, но отец спросил, каково ему после печальных новостей. Он ответил, что худо-бедно справляется, и отец предложил ему виски с содовой — первый раз Джорджу дома поставили выпивку. Джордж согласился, и дальше они с отцом сидели и пили молча.

— Ну, как тебе?

— Наверное, вошел во вкус.

Отец рассмеялся, обнажив зубы, пожелтевшие от давнего пристрастия к трубке.

— Я думал, тебе привычнее имбирное пиво.

— Нет, нормуль. Начинает нравиться.

Потянулись студенческие будни. Дни стали дольше, потеплело. Джорджу не доставало неприметности, которую придавала ему зимняя куртка с капюшоном. Идя через кампус, он ловил на себе взгляды, что задерживались чуть дольше, чем нужно. Он знал, о чем думали люди: вот Джордж Фосс; его подружка покончила с собой на рождественских каникулах, и он теперь почти ни с кем не разговаривает, замкнулся в себе. Джорджу не было до этого почти никакого дела. Он был одинок, но мысль о том, что в один прекрасный день Лиана

объявится или позвонит, питала его надежду.

Когда звонок в итоге раздался, это был детектив Чалфент. В субботу утром. Трубку снял Кевин, потому что Джордж был в столовой.

— У тебя неприятности? — спросил Кевин, передав сообщение и номер, чтобы перезвонить.

— Это друг семьи. Называет себя Сыщиком. Типа шутка.

Джордж не стал звонить из комнаты в общежитии, воспользовался кабинкой в студенческом центре. Там никого не бывало, и Джордж знал, что останется в уединении. Зажег сигарету, глубоко затянулся и набрал номер.

Чалфент снял трубку после второго сигнала.

— Это Джордж Фосс, перезваниваю.

— Привет, Джордж. Как дела?

— Нормально.

— От нашей общей подруги известий нет?

— Нет, ничего. На связь она не выходила. Я думал, может быть, у вас есть новости.

— Боюсь, нет. Мы ничего не нашли. Она испарилась. — Джордж услышал шорох, будто Чалфент переложил трубку из руки в руку. — Джордж, хочу тебя предупредить. Не знаю, следишь ли ты за нашими местными новостями, но отец Лианы Дектер мертв. Я не сказал тебе тогда, потому что не хотел подливать масла в огонь, да мы и сами еще не вполне понимали, что к чему. Но теперь на арест Лианы выписан второй ордер. Джордж, речь идет об убийстве первой степени — убийстве ее отца.

— Что?

— Дело совершенно ясное. Здесь уже поднялась шумиха, да и по всей стране. Вот почему я тебе позвонил. Хотел, чтобы ты узнал непосредственно от меня.

— Зачем ей убивать родного отца?

Чалфент вздохнул.

— Мы медлили со вторым ордером, думая, что Курта Дектера убил букмекер, которому он задолжал.

— Дейл.

— Да. Дейл Райан. Забыл, что вы знакомы. Его задержали, и он признал, что Дектер был ему должен, но заявил, что не имеет отношения к его смерти. У него было прочное алиби, а у нас не оказалось улик, и его отпустили. Сейчас мы исходим из того, что Лиана перед побегом убила родного отца... это, конечно, только домыслы... чтобы спасти его от Дейла. Похоже, что девушка время от времени оказывала тому сексуальные услуги в зачет отцовских долгов.

Чалфент помедлил, но Джордж ничего не сказал. Хоть он уже и знал это, у него засосало под ложечкой, когда правда прозвучала из чужих уст.

— Мы считаем, что Лиана, решившись скрыться из города, поняла, что отец останется на милость своих кредиторов. Возможно, она совершила это, зная, что он обречен.

— Как он умер?

— Дома. Его полоснули по горлу ножом.

Подробностями Чалфент не поделился. Он еще раз напомнил Джорджу, что тот обязан уведомить власти, если Лиана выйдет на связь. Джордж обещал позвонить, если это случится.

Позднее в тот же год очередной порыв погнал Джорджа в библиотеку Мазер-колледжа, в отдел периодики, где он нашел пространную статью на эту тему, опубликованную в крупной флоридской газете. Она была весьма спекулятивна и опиралась в основном на интервью с офицером Робертом Вильсоном, который, судя по всему, уже не работал в полиции Суитгама.

Джордж перечитал статью столько раз, что почти выучил ее наизусть.

Труп Курта Дектера был найден в гостиной дома по Восьмой улице. «Самый уродливый среди уродских домов», — заявил Вильсон. Оба детектива, Чалфент и Вильсон, прибыли туда с ордером на арест Лианы Дектер. Еще не открыв дверь и не почувствовав специфического запаха, они поняли, что угодили на место преступления. Жители Чинкепина не имели привычки оставлять свои дома незапертыми в разгар утра.

Их глаза не сразу привыкли к темноте внутри. Труп сидел посреди гостиной на выцветшей бурой кушетке. Подбородок уткнулся в грудь. Мешковатые шорты, ноги раскинуты, руки почти расслабленно покоятся на бедрах. Сперва они подумали, что на Дектере черная майка, но по лямкам было очевидно, что она белая, просто спереди побурела от крови. Вокруг вились и жужжали черные мухи.

Прощупывать пульс было незачем. Рана зияла от уха до уха; кровь не только пропитала майку, но и собралась в лужицу на коленях. Струя из артерии перечеркнула стеклянный кофейный столик и забрызгала бежевый пушистый коврик с другой стороны.

Ни Чалфент, ни Вильсон не знали Курта Дектера в лицо. На вид тому было лет семьдесят: худоба, жилистые руки, глубокий загар. Рядом лежал пульт дистанционного управления. Ноги были босы. Кофейный столик заставлен пустыми пивными банками. Большая керамическая пепельница в виде свернувшегося аллигатора полна сигаретных окурков и «пяток» от косяков. Возле пепельницы — развязанный мешочек с дурью.

Кухонный нож лежал плашмя на диванной подушке, темно-коричневая рукоятка сливалась с тканью-шотландкой. Детективы сделали круг и остановились за кушеткой, стараясь ничего не трогать до прибытия криминалистов. Вильсон заявил репортерам, что вид ножа, аккуратно положенного возле жертвы, будто рядом с нарубленной морковкой, был почему-то ужаснее, чем расплосованное горло Курта Дектера.

Чалфент осмотрел другие комнаты, а Вильсон остался позади трупа изучать место преступления. Здоровенный телевизор был выдвинут от дешевого музыкального центра — сильно наклоненный, он еле держался в своей нише. К стене прислонена пыльная сумка с клюшками для гольфа. На полу стояла миска с водой, а рядом — горка сухого кошачьего корма на пустом обеденном подносе. От глубокой трещины в стене к пище — вереница муравьев. На столе грязная тарелка с остатками стейка, заляпанная ярко-красными соусами. Жирная черная муха грациозно слетела с колен мертвеца и приземлилась на кусок хряща.

Вильсон вспомнил, как подумал, что Курт Дектер умер счастливо — под кайфом, бухой и с дорогим стейком в желудке.

Умом Джордж понимал, почему Лиана убила отца. Конечно, это кара за то, кем он был — слабовольным дегенератом, готовым отправить дочь на панель, чтобы расплатиться с долгами. Но также это было убийство из милосердия. Лиана собралась навсегда покинуть город и впредь не видеть папашу. Она знала, что этот неудачник продолжит играть и проигрывать, а без нее защитит его некому, и Дейл не оставил бы его в покое. Курт Дектер был ходячим мертвецом, и его кончина обещала быть

мучительной. Лиана просто ускорила процесс одним быстрым росчерком ножа.

Однако понять, что случилось в ночь гибели Одри, было сложнее. Обвинение считало, что имеет убедительное доказательство пребывания Лианы в машине на пару с жертвой. Джордж представил, как они поссорились в баре. Он поверил словам Лианы о желании Одри разорвать сделку и вернуть себе имя и жизнь. Также он поверил, что Одри в «Палм-лаундже» совсем развезло. Лиана доставила Одри к ней домой, где стояла и ее собственная машина. В закрытом гараже — двигатель включен, Одри вырубилась рядом — Лиана, должно быть, решила оставить ее, чтобы задохнулась насмерть. Рассчитывала ли она на то, что это позволит ей и дальше жить под личиной Одри? Нет, невозможно. Бессмысленно. Может быть, она рассудила, что теперь, когда Одри мертва, она начнет все заново и таймер, заменявший ей сердце, остановится навсегда и ей уже не придется соприкасаться с прошлым и нагромождением лжи. Все с чистого листа.

Джордж поломал этот план, явившись на похороны.

Джордж принес Айрин кружку кофе, аккуратно поставил перед ней на столик. Нора, которая уселась на стол, принялась и неодобрительно отпрянула. Изыщно спрыгнув на пол, она потрусилась в кухню взглянуть, что там у нее в миске.

— Спасибо, — сказала Айрин. — Ты в курсе, что выпить кофе мы могли бы в кофейне?

— Попытка засчитана, — ответил Джордж.

— Ты же можешь выйти в город выпить кофе, — поднажала она с насмешливым пылом, неприятным в своей прозрачности. — Ведь полным затворником ты пока не стал.

— Я выхожу.

В буквальном смысле это была правда. За десять дней, с тех пор как Джордж застрелил Берни Макдональда, он время от времени покидал квартиру — чаще всего совершал налеты на угловую бакалею или удобно расположенную рядом винную лавку. Несколько раз побывал в полицейских участках — вызывали. У него не развилась агорафобия — по крайней мере, так он себе внушил, — но вид обычных людей, которые вели себя нормально или, еще хуже, веселились, наполнял его неуютным чувством, граничащим с ужасом. Пришлось смириться с тем, что в нынешнем состоянии его рассудок уподобился киноэкрану, на котором показывают только один фильм — картину о дне, проведенном в Нью-Эссексе и лодке Берни. Он не просыпался в холодном поту, не кричал во сне, не вздрагивал от посторонних звуков, но не мог не пересматривать случившееся вновь и вновь. Это напоминало первый год в колледже: он так безнадежно пристрастился к тетрису, что шесть цветных силуэтов постоянно плавали в сознании и даже вторгались в сны.

— Мы как-нибудь сходим выпить кофе, — заявила Айрин сочувственно.

— От выражения твоего лица толку мало, — ответил Джордж. — Вдобавок мне никогда не нравилось ходить по кофейням. Знаешь же.

— Я перестану надоедать, если согласишься кое с кем повидаться.

Айрин обхватила кружку руками, словно дело было зимой. Август закончился, но город остался в плену палящего зноя, и дома у Джорджа, где всю прохладу обеспечивал лишь кондиционер на окне, было далеко за семьдесят. Кое-кем из намека Айрин был психотерапевт, к которому она хотела его затащить. Она изучила тему и нашла человека, показавшегося ей безупречным. Джордж согласился в теории, но пока не на практике.

— Повидаюсь, — сказал он. — Когда буду готов. Всего две недели прошло. «Молчание ягнят» приходится переживать подольше.

Она улыбнулась, поставила кружку на стол и вытянулась на кушетке. На Айрин были черные легинсы и блузка без рукавов в горошек. Синяк, оставленный Берни Макдональдом, почти прошел. Джорджу удалось различить слабую желтизну, но, может быть, она ему только чудилась.

— Ладно. Сегодня твоя взяла, потому что я слишком устала от споров. Хочешь послушать про мои жалкие проблемы?

— С превеликим удовольствием.

Она поведала о провальном свидании с разведенным редактором: тот отвел ее в маленькую пивоварню и прочел лекцию о достоинствах ячменного вина^[35], после чего нарезался и весь обратный путь прорыдал в машине. Джордж слушал и вставлял саркастические реплики, но ум его, как все эти дни, оставался занят тем самым разгулом

смерти: образы вертелись и падали, как в тетрисе.

Застрелив Берни, он занялся веревкой на лодыжках. Руки начали отчаянно дрожать, как бывает, когда пытаешься поднести ко рту пластиковый стаканчик на борту угодившего в болтанку самолета. Каким-то образом Джордж, пригнув голову, сосредоточился на задаче. Когда ноги наконец освободились, он откинулся и привалился к корме. Берни не шелохнулся; он сидел в покачивавшемся кресле рулевого, уронив подбородок на грудь, словно заснул, разве что окровавленная грудь превращалась из ярко-алой в грязно-бурую. Над поникшей головой Берни вилась и жужжала крупная муха. Откуда она так быстро взялась здесь, среди водной пустыни? Джордж вдруг испугался, что на распутывание ног уйдут не минуты, а часы. Он глянул на солнце, пытаясь вычислить время. Не приблизится ли ночь, а он так и будет болтаться в океане наедине с трупом?

Эта мысль подстегнула к действию. Он встал на затекшие ноги и попытался шагнуть к баку, но мышечная дрожь заставила его опуститься на колени, и Джордж пополз к Берни. Добравшись до тела, ткнул его пальцем в голень и отпрянул в страхе: тот еще мог быть жив. Когда ничего не произошло, он кое-как встал, столкнул Берни с кресла и занял его место. Тело тяжело ударилось, раздался жуткий звук — это вышли газы. Джордж не взглянул, но учуял острый запах дерьма вкупе с морской водой и кровью.

Он всмотрелся в пустынное море. День выдался тихий, но водная гладь вскипала там и тут, сверкая на солнце пенными барашками. Джордж огляделся. Везде одно и то же — океан уходит за горизонт. Джорджу подумалось, что он никогда не достигнет суши и погибнет посреди этого ничто. Солнце стояло высоко, не поднималось и не садилось; казалось, оно издевалось над ним собственной бессмысленностью. Он посмотрел на элементы управления и обнаружил прикрепленный к консоли компас — прибор, которого не видел со времен, наверное, неудачного года в младших бойскаутах. Тот был забрызган соленой водой, и Джордж протер его насухо; стрелка показала, что лодка развернута на север. Он понял одно: нужно взять курс на запад, обратно к берегу. Чтобы хоть попасть в поле зрения других лодок. В краю живых его могут арестовать за убийство, зато снимут с лодки, подальше от тошнотворной морской глади. И от Берни, лежавшего в собственной крови и экскрементах.

Он нашел ключ зажигания, привязанный к шнурку на брелоке в форме автомобиля «марлин». Повернул. Ничего не случилось, и грудь сдавило от ужаса. Повертел дроссель, перевел на нейтралку и попробовал снова. Мотор, закашляв, ожил. Джордж в жизни не управлял лодкой, но сумел разогнать ее до скорости, которой остался доволен, после чего принялся поворачивать руль, пока компас не показал, что он направляется на запад. Тогда Джордж взял устойчивый курс.

Минут через десять приметил к северу от себя нечто вроде крошечного суденышка. Прикинул, не пойти ли к берегу, как шел, но, не зная, сколько осталось топлива, решил, что лучше будет при первой возможности избавиться от трупа Берни. Слишком быстро вывернул руль, и лодка будто подпрыгнула на ровной воде, вздымая россыпь радужных брызг.

По мере приближения к судну Джордж с облегчением заметил, что оно неподвижно. Кораблик сиял ослепительной белизной — большая спортивная рыболовная лодка, на крыше рубки виднелось нечто похожее на спутниковую систему. Различил на палубе две фигуры с длинными удочками. Ярдов за пятьдесят Джордж увидел, как оба мужчины повернулись в его сторону, а из шезлонгов поднялись две женщины взглянуть, что такое. Замедлил ход и замахал обеими руками, надеясь показать, что нуждается в помощи и не опасен. Он вдруг пожалел, что не накрыл тело Берни брезентом.

Подойдя ближе, Джордж рассмотрел, что мужчины были средних лет, дочерна загорелые. Оба держали по банке пива. Женщины, такие же шоколадные от солнца, проворно натягивали бикини — они загорали топлес.

Джордж выключил зажигание, чтобы не протаранить их. Заглушил мотор ярдах в десяти, и лодку со стуком прибило к судну.

— Вот же скотина, господи Иисусе, — сказал один из мужчин, с пузом как набивной мяч.

— Извините. — Джордж снова вскинул руки. — Мне нужна помощь.

Женщина в черном с золотом бикини заглянула через борт рыболовной лодки, увидела труп Берни и дико взвизгнула.

— Произошел несчастный случай, — сказал Джордж, и это было настолько близко к правде, насколько он был готов изложить. — Можете вызвать береговую охрану?

— Там что, покойник? — спросила вторая женщина, тоже подойдя к ограждению.

Она была в компании самой юной — моложе лет на двадцать, как минимум, и только что зажгла сигарету. До Джорджа доплыл божественный аромат, ненадолго перебивший солоноватую вонь крови.

— Он мертв, — ответил Джордж. — Я все объясню, когда вызовете береговую охрану. Можно подняться на борт?

Пузан перешел к штурвалу, и Джордж увидел, как он снимает с мудреной консоли радиопередатчик. Остальные трое переглянулись, словно молча решая, пускать ли на лодку того, кто откровенно казался спятившим убийцей. Джордж проследил за их взглядами и понял, что молодая женщина заметила брошенный револьвер.

— Я безоружен. — Джордж показал ладони. — Этот человек похитил меня. Если не хотите пускать меня на лодку, то нельзя ли немного воды? Пожалуйста.

Он сам не сознавал силы своей жажды, пока не попросил пить. Во рту стоял привкус металла и крови. Молодая, облаченная в ярко-желтое бикини, повернулась к мужчине, который пока не сказал ни слова.

— Может, пусть поднимется? — спросила она.

Молчун посмотрел на своего приятеля-удильщика, который все еще возился с радио, после чего ответил женщине:

— Думаю, да. Схожу за лестницей.

Береговая охрана прибыла через пятнадцать минут после того, как Джордж взошел на борт взятого напрокат рыболовного судна «Рил тайм». В ожидании властей Джордж сидел в шезлонге, хлебал воду и растирал запястья и лодыжки, пока не осознал, что от этого только хуже — он беспокоил содранную кожу и пачкал палубу свежей кровью. Мужчины сохраняли дистанцию, но молодая женщина, представившаяся как Мелани, спросила, что случилось. Он попытался рассказать, но его так затрясло, что пришлось поставить бутылку с водой. Внезапно далекий, холодный — собственный — голос сообщил, что у него развивается шок. Когда прибыл патрульный катер, его забрали на борт и выдали одеяло. Он разрыдался от этого мелкого доброго поступка.

В последующие дни Джордж бесчисленное число раз рассказывал свою историю, общаясь с бесчисленными служителями закона. В различном к себе отношении и наводящих вопросах он улавливал, что власти обсуждали, арестовывать его или нет. Он выстрелил человеку в шею и был напрямую связан с гибелью еще четверых. Кроме того, он непосредственно участвовал в беспардонной краже, и по вопросам, которые ему задавали,

становилось все более ясно, что алмазы, похищенные из сейфа Маклина, так и не нашли. Джордж убедился, что детектив Роберта Джеймс была на его стороне и верила каждому его слову. Безусловно, она одна исправно поставляла ему информацию — в частности, о том, что трупов со дна Атлантики так и не подняли; а также сообщила по собственному почину, что жена Маклина наконец умерла и ей, насколько она знает, так и не сказали об убийстве мужа.

Задним числом Джордж не жалел о постоянных допросах. Ему было легче справляться с пережитым, снова и снова пересказывая историю. Только в день, когда он, уже не нужный полиции, засел дома, до него начала доходить вся чудовищность случившегося. Отдельные образы не шли из головы — Берни, обмякший в кресле рулевого; пепельно-серое лицо Карин Бойд в доме Кэти Аллер; лицо Лианы, когда ее бросили в море. Не помогали ни чтение, ни телевизор. Выйдя из квартиры, Джордж обнаружил, что мир, всегда представлявшийся ему сравнительно безобидным, наполнился ожиданием катастрофы. Здания нависали, словно готовые рухнуть; автомобили опаснейшим образом выныривали из-за углов, а жестокие незнакомцы сверлили его взглядами, будто читая кошмарные мысли. Всякое воспоминание об океане опустошало, вселяя животный ужас.

Он обратился в отдел кадров, и ему выделили отпуск по семейным обстоятельствам и состоянию здоровья. Понадобилось только, чтобы его врач заполнил анкету и переслал факсом. Джордж каждый день собирался позвонить доктору, записаться на прием. И не звонил. Из офиса летели электронные письма, но он не отвечал.

Визиты Айрин помогали мало, но и не мешали. Они позволяли убить день, хотя прожить его было не самой серьезной проблемой. Труднейшими становились бесконечные ночные часы.

— Я правильно понял, что он ненавидел жену?

— О да, ты и в самом деле слушаешь, — откликнулась Айрин и села, чтобы допить кофе. — Так он говорит, — пожала она плечами.

— Значит, второму свиданию не бывать.

— Боже, нет! Мои опыты со сломленными мужчинами официально завершены. — Едва проговорив это, она залилась краской стыда. — Я не хотела...

— Понятно-понятно, кроме меня.

— Я не считаю тебя сломленным.

— Спасибо. Покалеченный, но не сдавшийся. Вот он я. Все, что не ломает, делает нас сильнее. Между прочим, того, кто это брякнул, хорошо бы отправить в море с призраком Берни Макдональда.

— Я выясню, кто автор, и позабочусь об этом. — Она сняла с плеча шерстинку Норы и подвинулась вперед.

— Уходишь? — спросил Джордж.

— Да, если не будешь умолять остаться.

Он проводил Айрин до двери, где та поцеловала его в губы, как делала всегда.

— Думаю, у тебя все наладится.

После ухода Айрин Джордж разобрал в спальне шкаф, набил бумажный пакет из-под продуктов рубашками, которые вряд станет носить в будущем. Может, пройдетя потом с пакетом за два квартала до миссии доброй воли. Это будет сегодняшней вылазкой.

Он снова наполнил кофейную кружку, подавив искушение добавить бурбона, и вернулся в гостиную к работе над тем, что втайне называл «Дневником смерти». Это предложила

детектив Джеймс в их последнюю встречу. Она проводила его из полицейского участка, как поступала неизменно. Они немного постояли в серых городских сумерках, и он поблагодарил ее за доброту.

— За что? — спросила она.

— За то, что поверили в мою историю. Не арестовали меня. Не смотрите на меня так, как глядят другие полицейские... женщины.

— Я не оказываю вам никаких услуг. Дело в том, что и правда верю вашему рассказу.

— Но продолжаете вызывать меня сюда.

— Я надеюсь, что вы вспомните что-то новое. Вопросов осталась масса.

— Алмазы так и не нашли?

— Нет.

Джордж закурил. Вернувшись на сушу, он вернулся и к этой привычке. Он затянулся во всю глубину легких и выдохнул в сторону от детектива Джеймс, но порыв вечернего ветра подхватил дым и швырнул ей в лицо. Джордж извинился.

— Ничего страшного. Табак приятный. Я из бывших курильщиков, которым нравится чужой дым. В барах мне его даже не хватает.

— Иногда мне кажется, детектив, вы — мой идеал женщины.

Она расхохоталась.

— Такое я слышу не каждый день!

— Просто не с теми людьми водитесь.

— Чья бы корова мычала!

Он сделал очередную долгую затяжку.

— Думаете, я еще понадобится?

— Вероятно. Я до сих пор не уверена, что вы вспомнили все, что могли.

— Это потому, что я стараюсь забыть все, что могу.

— У меня есть предложение, — сказала детектив.

Потом почесала шею и оправила воротник блузки. Она не пользовалась лаком для ногтей. Джордж считал, что Роберта Джеймс вообще не прибегала к косметике, за исключением, быть может, помады.

— Какое же? — осведомился он.

— Мне кажется, вам нужно все записать.

— Я думал, это ваша работа.

— Полагаю, бумаге вы доверите больше. Отметьте все мельчайшие подробности. Постарайтесь дать описание. Уверена, мы что-то упускаем. Это не только может помочь нам разобраться в событиях, но и вам станет легче... переварить их.

— Вы думаете, меня поймали.

— Нет, но история с вами стряслась препоганая. Записывать не больно. Я бы не предложила, если бы не считала, что у вас получится.

Он принял предложение. Нашел на книжной полке старый чистый блокнот и начал неровным, почти нечитаемым почерком описывать случившееся. Не в хронологическом порядке, наобум — какое событие первым придет в голову. Приятного было мало, но это помогало скоротать время.

Джордж сосредоточился на попытке бегства от Берни Макдональда из дома Кэти Аллер. Описал интерьер и состояние прачечной, где было спрятано тело хозяйки. Попытался вспомнить свои тогдашние мысли и сомнения. «Откуда Берни узнал, что мы туда приедем?»

Преследовал ли он нас в „додже“, и если да, то почему так долго тянул с сонным ружьем? Почему не побоялся, что мы, находясь в доме, воспользуемся мобильниками и вызовем полицию?»

Джордж написал, как решил выбежать через переднюю дверь и как выглядела Карин Бойд, когда он проходил мимо нее в коридоре. Серый цвет кожи и неуклюжая поза. Девушка, наверное, была уже мертва или умирала от чрезмерной для ее веса и роста дозы транквилизатора. Потом он написал, как обнаружил Лиану на заднем сиденье «доджа», как она раскинулась без сознания. Вспомнил, как понял, что она жива, из-за... из-за подрагивания век. Снова и снова возвращался к этой мелочи — легкому движению, которому стал свидетелем. Было ли это произвольным сокращением, или он увидел, как Лиана поспешно зажмурилась, едва осознав, что кто-то идет мимо машины? Он помнил, тогда он счел это подрагивание невольным: ее вырубил ударом или тоже усыпили, и веко дернулось само по себе. Почему теперь он убеждал себя в том, что Лиана пребывала в полном сознании на заднем сиденье «доджа» и притворялась в обратном?

Может быть, это просто совпадало с его живучей версией насчет того, что Лиана и Берни работали вместе с самого начала и все, включая выход в море на лодке, было постановкой.

Но если Джордж прав, почему они оба мертвы, а он еще жив? Как Лиана допустила, что Берни отправил ее за борт? Почему Берни был настолько уверен, что револьвер из рыболовного ящика не заряжен?

Джордж знал одно: записывание помогало. Чем больше подробностей он отмечал, тем яснее становилась общая картина того долгого дня. Он чувствовал, что приближается к истине.

Он пролистал дневник до конца, где начал делать наброски. Несколько раз нарисовал лодку, тщательно вспоминая, что в ней находилось. Изобразил вид сверху: расположение четырех тел — двух мертвых и двух живых. Глазел на них, пока не помутилось зрение, и отвлекся только на далекий перезвон церковных колоколов, возвестивших полдень.

Поднявшись, пошел на кухню и вылил в кружку остатки кофе из джезвы. На сей раз добавил бурбона.

Полиция прибыла на следующее утро, в среду, чуть позже девяти. Джордж варил кофе и размышлял, как пережить предстоявший долгий день.

В дверь трижды отрывисто и громко стукнули, затем выкрикнули:

— Полиция! Откройте!

Мужской голос. Джордж, не сомневаясь, что это его пришли арестовывать, отворил и столкнулся с О'Клером в сопровождении двух офицеров в форме.

— Джордж Фосс. Детектив Джон О'Клер, Бостонское полицейское управление. У меня ордер на обыск этого жилья.

Он поднял повыше два сложенных листа бумаги, словно по-крупному выиграл в лотерею и похвалялся билетом.

Джордж сел на кушетку и принялся, не забывая о кофе, изучать свой экземпляр, тогда как полицейские в форме вышли из зоны кухни, пересекли гостиную и направились в спальню. Заинтересованная Нора последовала за ними, петляя меж ног и заглядывая в открытые ящики. О'Клер не принял участия в обыске — остановился в гостиной: сверкал серым костюмом, покачивался на пятках и время от времени проверял сотовый.

— А где детектив Джеймс? — спросил Джордж.

— О, она уведомила о ситуации.

— Что конкретно вы ищете?

О'Клер не ответил.

Джордж подумал о деньгах, которые ему оставила Лиана, — копам он о них не сказал. Перенес наличность в цокольный этаж, завернул в тряпку и засунул под сушилку. Тогда показалось, что это чересчур, но теперь он был очень рад, что не придется объяснять бостонской полиции происхождение десяти тысяч наличными.

— Детектив, мы что-то нашли, — позвал из спальни полицейский.

О'Клер, не скрывая довольного вида, велел Джорджу сидеть на месте и направился в спальню. Джордж лихорадочно соображал, что там происходит и чем может ему грозить. Пожалел, что не застелил постель и не убрал скопившуюся в углу грязную одежду. В спальне засверкали фотовспышки. Джордж встал в тот самый миг, когда оттуда вышел О'Клер вместе с копом — невысокой латиноамериканкой с бровями, словно выписанными Фридой Кало^[36]. Она была в резиновых перчатках и держала развернутый лист белой бумаги с двумя камешками на нем — зеленоватым и розовым.

— Узнаете? — осведомился О'Клер.

— В жизни не видел. Где вы их нашли?

Джордж знал, что это алмазы, пусть даже и похожие на камешки. Волоски на шее встали дыбом.

— Мы конфискуем это как улику. Вы поедете с нами в участок.

Джордж ждал в комнате для допросов. После того как он заявил О'Клеру, что хочет воспользоваться правом на адвоката, его оставили там в одиночестве более чем на час. Джордж прикинул, не побывал ли он уже во всех подобных помещениях Бостонского полицейского управления. В этом — окно, забранное решеткой. Виден мост Закима, а вдалеке — бункерный монумент Чарльстон. Небо было выгоревшего голубого цвета, хотя,

возможно, лишь выглядело так сквозь грязное стекло.

— Привет, Джордж.

Он повернулся на знакомый голос, обрадовавшись тому, что увидит детектива Джеймс. Она была в черном костюме и белой рубашке, ворот которой отвернула на лацканы. Если Джорджу в итоге грозил арест, то он надеялся, что в наручники его закует эта женщина, а не О'Клер, на лице которого непременно будет тупое самодовольство.

— Детектив, — произнес Джордж.

— Напарник сообщил мне, что вы требуете адвоката. Все еще настаиваете?

Джордж признал, что да.

— Ладно. Присаживайтесь. Обязана предупредить: разговор записывается.

Она указала на маленькую камеру в углу. Джордж кивнул.

Установив сперва свою личность, потом Джорджа, затем — время и место допроса, Джеймс спросила:

— Вы готовы рассказать об алмазах, которые мы нашли?

— Я никогда их не видел.

— Тогда откуда они, по-вашему, взялись в бельевом ящике?

— Это алмазы Маклина?

— Не знаю. Вы нам скажите.

— Я тоже не знаю. Но если нет, это будет невероятным совпадением.

— И как же они попали в ваш ящик?

— Лиана Дектер подложила. В день убийства Маклина, когда переночевала у меня.

— И вы ничего не знали?

— Нет.

— А зачем поступать так и скрывать это от вас?

— Могу предложить две версии. По одной — она отблагодарила меня за помощь в ограблении Маклина. Правда, я понятия не имел, что помогал.

— А вторая версия?

— Она меня подставила.

— И зачем?

— У вас есть минута?

— Весь день, — улыбнулась детектив Джеймс. — И мне не терпится услышать, зачем Лиане Дектер понадобилось вас подставлять.

— Потому что я один знаю, что она жива, а из тюрьмы мне до нее не добраться.

— Раньше вы говорили, что своими глазами видели, как Лиану Дектер убил Берни Макдональд.

— Я не против переиначить рассказ.

— Значит, вы не видели, как ее привязали к бетонному блоку и бросили в океан?

— Нет, я видел именно это и все равно думаю, что она жива.

— Как такое возможно?

— Не знаю, как именно это проделано, но печенкой чую, что Лиана тогда не утонула.

Джеймс потянула шею, словно разминаясь перед боксерским поединком.

— Почему бы вам не начать с начала?

— Уверены?

— Сказала же, у меня весь день впереди.

— Хорошо, — согласился Джордж.

Слова давались легко. Он уже несколько дней повторял про себя эту речь.

— За неимением лучшей отправной точки скажу, что все началось на Барбадосе. Нам точно известно, что Лиана, или Джейн Бирн, как она себя называла, работала на курорте Кокл-Бей и там познакомилась с Джерри Маклином. Она знала, что он богат, и знала, что он замешан в теневых махинациях, из чего следовало, что у него, вероятно, найдется наличка. Он превратился в дичь, она поймала его в силки. Лиана знала, как выглядели его жены. Скопировав их внешность, она соблазнила несчастного и пленила достаточно, чтобы он привез ее в Атланту в качестве любовницы. Предоставил ей место — или сама попросила — и тем обеспечил доступ к деловым документам. Так или иначе, она выяснила, что он перевел значительную часть наличных в алмазы, которые держал в сейфе здесь, в Массачусетсе.

Но как же проникнуть в сейф? Лиана разработала идеальный план. Она украдет у Маклина деньги, что не составит труда, потому что он регулярно отправлял наличность на острова и у нее был к ней доступ. Она присвоила один такой перевод и покинула город. Ей было ясно, что он не обрадуется, но в полицию не обратится из-за характера своих операций. Наверно, она знала, что по ее следу пустили его неизменного сыщика, Донни Дженкса. Итак, оставалось только придумать способ вернуть бизнесмену несправедные деньги здесь, в Бостоне. А как вы поступите, если кто-то принесет вам на дом наличность — крупную сумму? Откроете сейф и положите деньги туда. Именно на это она и рассчитывала.

Ей нужен был сообщник, поэтому она подрядила бармена из Атланты по имени Берни Макдональд. Потом сговорила с Кэти Аллер — или, по крайней мере, связалась с ней. Они с Кэти познакомились на каком-то из карибских курортов. Я много чего накопил насчет нее. Единственный ребенок в семье, родители погибли при крушении лодки, когда Кэти было восемнадцать. Они были состоятельными, все досталось ей. Им принадлежал участок с домом и коттеджем в Нью-Эссексе да какая-то недвижимость во Флориде и Мексике. Отец ее торговал роскошными яхтами в Форт-Лодердейле. Кэти была наркоманкой — может быть, Лиана постаралась, а может, и нет. Поняв, что им с Берни нужно пристанище в Бостоне, Лиана связалась с Кэти. Думаю, она привезла Кэти с собой и поселила в старом доме с достаточным запасом наркотиков, чтоб радовалась жизни, а после воспользовалась участком. Это место оказалось замечательным для постановки моей встречи с Берни, или Донни Дженксом, как он изначально назвался.

— Зачем он выдавал себя за Донни Дженкса? Ясно же, что вы вывели бы его на чистую воду.

— Даже если в итоге и вывел бы, это не играло роли. Она не сомневалась, что я пойму, что меня использовали для кражи алмазов Маклина. Кажется, имя Донни Дженкса было самым удобным, благо тот уже работал на жертву. Может, мне следовало разобраться в этом прежде, чем согласиться передать деньги. Не знаю, что сказать, но знаю, что Лиане было нужно одно: убедить меня помочь ей доставить деньги Маклину. Лиана усомнилась в своих силах, а потому сочла, что, если познакомить меня с Берни, который выглядел поистине жутко, у меня сработает инстинкт самосохранения и я обяжусь привезти деньги Маклину.

— Мне понятно, зачем ей понадобились Берни и Кэти, но к чему ей были вы?

— На деле ни к чему. По крайней мере, не для первой части плана. Она могла поехать к Маклину сама или даже отправить туда Кэти. Единственной причиной, по которой перевозчиком назначили меня, было намерение впутать меня в дело. Был нужен свидетель, который подтвердил бы, что ее сбросили в море. Все к этому вело. Взять у Маклина деньги — всего лишь начало. План был грандиознее. Она не только хотела забрать алмазы, но и

испариться — чтобы дело закрыли из-за ее гибели.

— Так вы считаете, что должны были выжить там, на лодке?

— Да. Думаю, не просто выжить. Берни знал, что мне суждено уцелеть. Его посвятили в замысел. Чего Берни не знал, так это того, что сам он был обречен.

— Давайте вернемся немного назад. Зачем Берни угрожал вашей приятельнице... Айрин, если не путаю? Почему он пригрозил ей, а потом стрелял в вас из машины?

— Все должно было выглядеть так, будто у Берни развилась паранойя и он малость слетел с катушек, стремясь либо заткнуть рот мне, либо порешить всех, замешанных в краже. Было крайне важно, чтобы я знал об этом, потому что стану единственным свидетелем. Основная версия звучала бы так: вместо того чтобы уехать с Берни из города сразу после похищения алмазов, Лиана захотела увидеться со мной в последний раз, и это ввергло ее сообщника в параноидальную ярость. Понятно, что натяжка, но я на какое-то время поверил. Думаю, Лиана играла на моем тщеславии, предполагая, что я предпочту поверить в ее желание провести со мной лишнюю ночь.

— Имеете в виду воскресную?

— Ее самую. После того как Берни украл алмазы, они, по логике, должны были убраться как можно дальше. Вместо этого Лиана встречается со мной в «Коулуне», а после ночует у меня. Перед уходом подкладывает в белье ящик два алмаза — поглубже, где я не сразу найду. Она отчаянно рисковала, зная, что тело Маклина обнаружат и полиция начнет меня разыскивать. По-моему, рисковала сознательно: ей было важно провести со мной ночь и ради того, чтобы удержать на крючке, и чтобы подбросить алмазы, а заодно убедительно объяснить последующее неистовство Берни Макдональда.

Бешенство Берни имело решающую важность для второй части плана. Первая сводилась к изъятию алмазов Маклина — довольно легкая, как оказалось, а вторая — к имитации ее смерти и ликвидации Берни, после чего все алмазы достались бы ей, а поиски прекратились бы. Она знала, что справится с первой частью, вторая служила просто приправой. Это крайне важно для понимания случившегося, как я его представляю. Все события после ограбления смахивали на поведение куортербека, который рискует в конечной зоне. Бросок через все поле на последней минуте матча — такой называется «Аве Мария», — когда твоя команда уже побеждает. Понимаете, о чем я?

— О футболе, что ли? Нет, но продолжайте, мысль я уловила.

— Хорошо. Знать, что удастся решительно все, было бы для Лианы слишком трудно. Это была «Аве Мария», но если бы ничего не вышло — например, я быстренько сдал бы ее вам или не сумел бы на лодке убить Берни, — алмазы всяко остались бы у нее, а сама она все же исчезла. Это единственная осмысленная версия событий.

— Теперь расскажите о произошедшем на лодке.

— Думаю, дело было так: Лиана внушила Берни оставить меня в живых как очевидца ее гибели. Почему он поддался, сказать не могу, но думаю, что Берни, как минимум, слегка попал под чары Лианы и хотел ей угодить. Должно быть, она убедила его, что ей придется исчезнуть навсегда. Поэтому замысел изначально был такой: заманить меня на лодку Аллер, пришвартованную возле коттеджа, и вывезти в море. Я несколько облегчил им задачу, явившись в дом Кэти — к несчастью, на пару с Карин Бойд, которая стала сопутствующей потерей.

— А если бы вы туда не поехали?

— Берни нашел бы другой способ меня похитить. Он откровенно преследовал меня.

Ехал за мной в тот вечер, когда я отправился к Айрин в Кембридж, — той ночью он выстрелил в меня и сбил настоящего Дональда Дженкса. Мог и убить, но это не входило в их планы. Он продолжал играть роль. Настоящий план требовал захватить меня живым, и именно поэтому он взял ружье с транквилизатором. Иначе зачем бы ему выкидывать такой номер?

— Мы, кстати, выяснили, что это ружье из зоопарка в Атланте. О его краже заявили. Похоже, у Берни был дружок среди персонала.

— Это доказывает, что план зародился не вдруг. Ружье давало возможность захватить меня живым, и это имело решающее значение. Карин явилась непредвиденным обстоятельством, но это означало лишь надобность вырубить нас обоих. Он начинил дротик дозой, способной свалить мужчину моих габаритов, но та оказалась чрезмерной для Карин Бойд, и девушка умерла. Впрочем, это ничего не меняло, поскольку ей всяко было не жить.

Все это время, пока Берни держал меня в доме Кэти Аллер, Лиана ждала в машине. Сейчас я думаю, что она, в полном сознании, лежала на заднем сиденье как бы в отключке на тот маловероятный случай, если я побегу мимо и замечу ее. Так и случилось. Я был искренне убежден, что вижу бесчувственное тело, но, уверен, засек движение век. Тогда я принял это за побочный эффект, какой-то тик, вызванный усыплением, но теперь считаю иначе. Кажется, я видел, как Лиана быстро закрыла глаза, едва я нарисовался в окне ее машины.

— Для протокола вы сказали другое.

— Знаю. Я передумал. Возможно, слишком много размышлял об этом и потерял ясность взора, но, сдается, она просто лежала на заднем сиденье. Дожидалась, когда Берни схватит меня. Я упростил им дело тем, что снова поехал в Нью-Эссекс. Берни пошел за мной, а Лиана заперлась в машине и легла. Увидь я ее, решил бы, что Берни добрался и до нее. И я увидел. И подумал именно об этом.

— Но если бы не заметили, то могли бы не задержаться и убежать.

— Это правда. Я мог углубиться в лес и выбраться на дорогу. Думаю, в этом случае Лиана и Берни просто умыли бы руки и свалили. Не забывайте, что речь шла об отчаянном броске через поле — «Аве Мария».

— А Лиана выступала куортербеком, — сказала Джеймс.

— Да, вы уловили суть. Лиана была куортербеком. Берни — в лучшем случае нападающим.

— Ладно, дошло! — рассмеялась детектив. — По-моему, вы недооцениваете важность хорошего нападающего, но я понимаю, о чем разговор. Продолжайте.

— Ну так вот, как только меня усыпили, осталось лишь перетащить тела в лодку. Нас отвезли к коттеджу, где она стояла на приколе. Лиана, наверное, помогла, после чего позволила Берни себя связать. Нас положили лицом к лицу под брезент. Затем Берни вышел в открытый океан и нарезал круги, пока я не оклемался. Тогда за дело взялась Лиана: сообщила мне о припрятанном ноже и разрешила перерезать основную часть веревки. Главным было рассчитать время. Я должен был освободиться, но не раньше, чем Лиана отправится за борт. Думаю, они условились о каком-то сигнале, по которому Берни остановит лодку и примется топить трупы. Кажется, этим знаком был удар в борт. Тогда я, услышав его, решил, что это звук останавливающейся лодки, потому что сразу после него Берни схватил Лиану и швырнул в море. Но лодка не издает глухого удара, когда останавливается. Разве что наткнется на что-то. Лиана дала Берни знать, что мне пора

засвидетельствовать ее смерть. Я не смогу вмешаться, но останусь при ноже, а Берни займется двумя другими телами. Он тянул время, давая мне шанс перерезать веревку до конца.

— И завладеть оружием, — подхватила детектив Джеймс.

— Э нет. Берни не знал об оружии. Мог знать, что в рыболовном ящике лежал револьвер, но был уверен, что тот не заряжен. Нет, он думал, что мне уготовано освободиться, схватить спасательный жилет и попытаться счастья в океане.

— Вы стали бы идеальной мишенью. У него была лодка. Он запросто мог переехать вас.

— В плане этого не было. Он должен был дать мне уйти. Но Берни не знал, что Лиана подсказала мне застрелить его. Оставила мне заряженный револьвер. Убив Берни, я сделал именно то, чего она хотела. В этом случае не оставалось ни единой живой души, кто знал бы, что она жива. Я заявил бы во всеуслышание о ее смерти, и пусть не найдут ни тела, ни пресловутых алмазов — никто не будет ее искать. Идеальный вариант.

— Все это звучит слишком невероятно. Очень многое могло пойти не так. А вдруг снотворное убило бы вас, как Карин Бойд? Вдруг вы не сумели бы избавиться от веревок? Вдруг Берни остался бы жив? Продолжать могу бесконечно...

— Если бы Берни выжил, для Лианы не наступил бы конец света. Он не собирался ее выдавать. Она просто поделилась бы с ним деньгами. Их много, как вы сказали, да и откуда нам знать — думаю, она бы изыскала способ прикончить поделщика. Он доверял ей. Это не составило бы труда.

Детектив Джеймс была настроена скептически. Она поджала губы.

— Меня мучили те же сомнения и вопросы, пока я не представил события в ином свете, — произнес Джордж. — Я уже сказал, что планов было два. Первый был надежным — настолько, насколько может быть верным ограбление на миллион долларов. Этот план касался кражи алмазов Маклина. Второй — воздушный замок: забрать алмазы, избавиться от Берни и скрыться навеки. Вот этот план мог пойти вразнос. Во всех перечисленных вами мелочах плюс куче других. Установи вы связь пораньше, задержали бы Кэти Аллер сразу после убийства Маклина. Я мог уехать из города. Берни мог ненароком застрелить меня неподалеку от дома Айрин. Случись любая из этих вещей, Лиана была готова бросить свою затею. Она бы покинула город еще до того, как вы, ребята, узнали ее настоящее имя. Но она осталась, чтобы добиться совершенства, и добилась. А что с алмазами? — продолжил Джордж. — Нигде не объявились? Это вам ни о чем не говорит?

— Кое-какие объявились, насколько вы знаете.

— Я говорю о большей части. Уверен, что их было больше двух.

— Допустим, вы правы, — молвила Джеймс, — всю эту череду событий спланировала Лиана. Как же она улизнула после того, как Берни свалил ее в воду? Вы сказали, что она была связана. Вы видели, как Берни примотал к ней бетонный блок.

— Этого я не знаю. Но догадываюсь, что она не была связана, так только казалось. Уверен, блок был настоящий, но, может быть, Берни привязал его так, что тот мгновенно отцепился под водой.

— Вы говорили, что услышали однократный всплеск, и больше ничего.

— Это все, что я помню. Может быть, она сколько-то проплыла под водой и удалилась достаточно, чтобы мне стало не слышно. Может, рядом находилась другая лодка или еще какое-то плавсредство. Лежа связанный, я не видел, что творилось за бортом.

— Не знаю, Джордж, — проговорила детектив Джеймс.

— Признаю, время и меня поджимало. Вокруг — открытый океан. Я встал на ноги довольно скоро после того, как Лиана отправилась в воду, и ничего не заметил. Но если кто-то и способен уплыть в новую жизнь, то это она. Не знаю как, но она это сделала. Это был фокус.

— Совершенно невысказанный фокус. До суши оттуда не одна миля.

— Понимаю, звучит дико, но это дико, с какой стороны ни взгляни. Я продолжаю обдумывать случившееся в лодке. Все подстроили так, чтобы я стал свидетелем. Уж больно ловко получилось. Лиана припрятала нож, до которого я смог добраться. Взяв его, я спросил, освободить ли ее, и она отказалась. Затем Берни находит свой могильник в тот самый миг, когда я высвобождаю руки. Он выбирает Лиану, чтобы отправить за борт первой, но после почему-то не трогает меня. Полная чушь. Сначала надо избавиться от живых, а уж потом от покойников. Все было разыграно так, чтобы я разрезал пути и убежал. Чтобы оказался очевидцем.

— Но не было гарантии, что вы выжили бы в воде.

— Гарантий вообще не было. Чистая «Аве Мария». Понимаю, как невероятно это звучит, но неужели вы думаете, будто Лиана позволила Берни себя использовать, а ныне они оба мертвы и алмазы сгинули навсегда?

— Нет, я так не считаю. Я — и не только я — думаю о вероятности меньшей: все алмазы у вас.

— Будь оно так, зачем мне оставлять две штуки в белье в ящике?

— Может быть, чтобы подкрепить свою версию — пусть кажется, будто вас подставили.

— Похоже, вы принимаете меня за преступного гения. Вы слишком высоко меня ставите, детектив.

— Вы не один так думаете.

После допроса Джорджа оставили одного еще на час. Он представил, какие разговоры ведутся за стенами звукоизолированной комнаты и как принимают решение, сажать ли его сейчас или потом. Тревожная мысль. Однако он не мог избавиться от мыслей об алмазах из ящика. Что это — прощальное «спасибо» Лианы? Или прощальный посыл на три буквы?

— Можете идти, мистер Фосс, — вернувшись, проговорила детектив Джеймс. — На сегодня все.

— Проводите меня? — Джордж встал.

Снаружи он закурил.

— Я ни секунды не сомневался, что останусь здесь, — признался детективу Джеймс, когда та вышла с ним на кирпичное крыльцо здания полиции.

— Вы этому участку всю душу вымотали. Но вас арестуют. Вопрос только в том, по какому обвинению и когда.

— Спасибо за предупреждение.

— Общее мнение: вы выведете нас на Лиану Дектер.

— Значит, кто-то согласен со мной, что она не утонула.

— Нет, полагаю, все сходится в другом: ее даже не было в той лодке. Во всяком случае, это ничем не доказано.

— Кроме моих слов.

— Кроме ваших слов.

— Наверное, стоит насладиться свободой, пока меня ее не лишили.

— Да, и не уезжайте из города. Жаль, что эти мои слова не записались.

— Почему вы все еще доверяете мне? — спросил Джордж.

— Я не знаю, доверяю ли вам, но допускаю, что вы сказали правду. За все время службы я выслушала много лжи от толпы лжецов. Но верю, когда вы говорите, что действовали из лучших побуждений, возвращая деньги Маклину, и были обмануты Лианой с Берни. Не думаю, что вы знали об алмазах в спальне. И верю тому, что вы искренне считаете Лиану по-прежнему живой.

— Но сами так не думаете.

— Вам известно о «бритве Оккама»? [\[37\]](#)

Джордж кивнул.

— Простейшая разгадка звучит так: Лиана Дектер и Берни Макдональд похитили кучу алмазов. Берни обуяла жадность, или ревность, или то и другое, и он решил убрать всех, кто имел к этому отношение. Почти преуспел, но был убит сам. Алмазы же... Кто знает? Они могут быть где угодно.

— Тогда почему я здесь? Если Берни действительно хотел меня убить, он так и сделал бы. Как же я сумел его одолеть?

— По-моему, вам повезло. Сказочно повезло.

Вернувшись домой, Джордж понял, что должен делать.

Было уже далеко за полдень. Покормив Нору, он взял ключи от «сааба» и вышел за дверь. Он решил вернуться в Нью-Эссекс, будучи уверен, что Лиана там что-то оставила.

«Я пойму, что ищу, когда найду».

Пока он ехал через развязку в центре города, сердцебиение ускориилось вдвое, а голова закружилась. На Бич-роуд Джордж свернул на парковку у церкви, не достигнув улицы Капитана Сойера. Опустил стекло, глотнул соленого воздуха. Почему-то вспомнил обмякшую фигуру, которую видел здесь на скамье, когда впервые шел мимо болота к коттеджу. Вспомнил, как смотрел на спавшего человека и думал, что тот, может, так и помер на этой лавочке, а никто не заметил, потому что тот выглядел престарелым прихожанином, который грелся на солнышке.

Пульс вернулся в норму, и Джордж, дав задний ход, выехал с парковки у церкви. Он повернул направо, к улице Капитана Сойера; затем еще раз, сразу же, и снова направо — и выкатил на разбитую подъездную дорожку дома Аллер. В наступивших сумерках среди сосен было темно, но он разглядел желтую ленту, сохранившуюся по периметру участка.

Обнаружив принадлежавший Лиане экземпляр «Ребекки» с открыткой из Мексики между страниц, Джордж в темноте поехал обратно в Бостон. Он держал кондиционер включенным, а стекло приопущенным так, чтобы выдыхать в ночь сигаретный дым. Он не понимал, что означала эта книга, — была ли она оставлена специально для него, как алмазы, или Лиана просто совершила ошибку, — зато знал важность этой вещи для себя. Это был ключ, фрагмент информации, которым располагал ныне он и больше никто.

Дома Джордж сел на кушетку и пролистал книгу. Многие абзацы были отмечены: обведены в рамку синей ручкой, как всегда делала Лиана. Провел пальцем по чернильным линиям — безукоризненно прямым, с ровными углами. Затем вернулся к шестой странице, где нашлась открытка с изображением руин храма майя, и прочел выделенный отрывок: «Но с меня довольно мелодрам в этой жизни, и я охотно отдала бы мои пять чувств, помоги это сохранить нынешние покой и защищенность. Счастье — не призовое достояние, а качество мышления, состояние души».

Той ночью Джордж не заснул. Лиана вторгалась в каждую его мысль, пока он не пришел к выводу, что ее постоянное присутствие в его голове являлось очередным доказательством того, что она все еще жива. Но куда она подалась, восстав из океана? У нее остались алмазы — в этом он не сомневался — и новая личность. Новое имя. Новые волосы. Она поселилась где-то далеко. В этом ее дар. Трансформация. Лиана назвала его проклятием, но это было не так. Это был дар, особенность, талант. Она могла превратиться в кого-то другого, а после с легкостью убить эту новую ипостась вместе с любимым, кто оказался на пути. И если трансформация являлась ее особым талантом, то Джордж понимал, чем притянул Лиану, — неумением меняться. Его уделом было навеки оставаться собой.

«Поэтому она и нашла меня в Бостоне», — подумал Джордж. Не потому, что захотела подвести черту, или пожелала снова увидеться, или нуждалась в его помощи в тяжелую минуту. Она вернулась по той причине, что он мог сыграть роль — крохотную, проходную роль, — и вынудить его к этому было так же легко, как нарисоваться в баре, якобы испуганной и прекрасной.

В окне спальни забрезжил рассвет. По улице прокатил грузовик, развозивший «Глоуб». Несмотря на бессонную ночь, Джордж чувствовал себя совершенно бодрым. Он знал, как поступить.

— Айрин Димас.

— Салют, это я.

— О, не узнала номер. Где ты?

— Вообще-то, в отъезде. Ненадолго. Поможешь кое в чем?

— Конечно.

До Джорджа донесся рабочий гул в кабинете Айрин. Он ухитрился застать ее за столом — после пяти в пятницу вечером.

— Присмотри, пожалуйста, за Норой.

— Это можно. Тебя долго не будет?

— Откровенно говоря, надеялся, ты заберешь ее к себе. Я могу задержаться.

— Тебя арестовали? — Айрин произнесла это тоном выше и громче.

— Нет-нет! Во всяком случае, пока. Я уехал из города. Просто неизвестно, сколько времени это займет. Мне будет легче, если я буду знать, что Нора с тобой.

— Пожалуйста, скажи, что не ищешь ее.

— Ладно. Я ее не ищу.

— Я тебе не верю. Ты должен предоставить это полиции.

— Копы не ищут Лиану, они следят за мной. Они нашли у меня дома пару пропавших алмазов.

— Как это? Когда?

— Мне пора. Позаботишься о Норе?

— Конечно. Обязательно. Ты что, не скажешь, где находишься?

— Прости, не могу.

— Что будешь делать, если найдешь ее?

— Мне пора идти. Присмотри за Норой. Я вернусь.

Джордж отключился, прежде чем Айрин спросила о чем-то еще.

Что он сделает, если найдет Лиану? Откровенно говоря, Джордж не знал. Ему хотелось бы ответить себе, что он заставит ее заплатить за содеянное. Но Джордж не был уверен. Он знал одно: если не разыщет Лиану Дектер и не докажет миру ее вину, надолго отправится за решетку. И он сознавал, что все случившееся в Бостоне, начиная с ее появления в баре «Джек Кроу» и заканчивая мясорубкой в лодке Берни, разворачивалось в точном соответствии с замыслом — планом Лианы.

Он убрал дешевый разовый телефон в чехол и выбросил в урну возле стола для пикника. Черная птица с желтыми глазами слетела и пристроилась на краю, любопытствуя, не вышвырнул ли человек чего съедобного. Джордж встал, перекинув через плечо ремень сумки с десятью тысячами долларов, завернутыми во вчерашнюю «Бостон глоуб», которые он спрятал в застегнутом на молнию внутреннем кармане. Это все, что он захватил с собой, покинув накануне квартиру, не считая паспорта и нескольких перемен белья. Он не осмелился взять чемодан побольше, опасаясь слежки полиции.

Выйдя из дому в прохладный рассвет, он не заметил ничего подозрительного — только желтое такси скучало на углу. Но до гаража, где держал «сааб», Джордж добрался пешком; шагнул внутрь через переднюю дверь, проскользнул мимо спавшего за столом ночного

охранника и вышел через задний ход в загаженный проулок. Оттуда добрался до ближайшей станции подземки и прибыл на Южный вокзал. Он был уверен, что его задержат, пойдя он брать билет на самолет, но счел, что может попытать счастья в канадском аэропорту. С Монреалем не было железнодорожного сообщения, и Джордж купил билет на автобус в один конец.

Канадский пограничник, едва удостоив его взглядом, поставил в паспорте штамп. То же повторилось в монреальском аэропорту Трюдо, где Джордж приобрел билет в один конец до Канкуна^[38]. Джордж был настолько уверен, что служба безопасности допросит его или обыщет сумку и найдет деньги, что едва смог поверить в чудо, когда заполненный на три четверти самолет взмыл над деловым центром Монреаля и рекой Святого Лаврентия, взяв курс на Мексику.

Раздолбанный автобус битый час вез его на юг от Канкуна в Тулум. Джордж собрался поселиться в дешевом отеле, где без вопросов принимают наличные. Но сперва он купил телефон и отправился к сооружениям майя.

«Прямо как на открытке», — подумал он, увидев серые развалины, что раскинулись вдоль отвесного берега, и далекое мирное море, испещренное солнечными бликами.

Джордж был твердо уверен, что Лиана не покоится на дне Атлантики. Она жива.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

---

notes

Многоярусный дом, напоминающий пагоду. *(Здесь и далее прим. перев., кроме особо оговоренных случаев.)*

Бэк-Бей — престижный жилой и торговый район Бостона.

«*Бостон глоуб*» — крупнейшая в Бостоне американская еженедельная газета.

«*Ред сокс*» — профессиональная бостонская бейсбольная команда.

Задержание нарушителя гражданским лицом, в отличие от ареста, производимого сотрудниками полиции.

Адвокат, который ищет клиентов среди людей, пострадавших при несчастных случаях, особенно в дорожных авариях, и подбивает их обращаться в суд.

До гражданской войны — символическая граница между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга. Проведена в 1763–1767 годах английскими землемерами и астрономами Чарльзом Мэйсоном и Иеремией Диксоном.

«Грейп натс» — сухой завтрак из смеси пшеницы и солодового ячменя с минерально-витаминными добавками.

Финансовая пирамида — инвестиционная схема, которая обеспечивает доходы более ранних инвесторов за счет средств, полученных от более поздних инвесторов.

Plain Jane (простая Джейн) — расхожее обозначение дурнушки. *Джейн Доу* — намек на Джона Доу: условное имя, используемое в юридических документах для обозначения неустановленного мужчины.

Ночное ток-шоу на телеканале CBS, ведущий — известный тележурналист Дэвид Леттерман.

Светлое пиво.

«Тампа-Бей рейс» — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в высшей лиге.

Дэйл Пэтрик Чихули — американский художник-стекловар, знаменитый своими сложными с технической точки зрения инсталляциями из стекла в стиле энвайронмент.

Лорд Уимзи — Герой детективных романов Дороти Сэйерс.

«Волмарт» — американская компания-ритейлер, управляющая крупнейшей в мире розничной сетью.

Согас — предместье Бостона.

Тики — полинезийский аналог Адама.

Соломон Берк — американский соул-певец и композитор.

По Фаренгейту.

Гедеоновы братья — международная внеконфессиональная благотворительная организация. Главная цель ее членов — распространение Евангелия. (Прим. ред.)

Гритс — блюдо из грубо размолотой кукурузы, род мамалыги. Традиционное блюдо южных штатов.

Стрип-молл — длинный одноэтажный торговый центр с парковкой, разделенный на секции, в которых размещаются магазины; обычно вдоль автотрасс.

«Флоридские аллигаторы» — бейсбольная команда.

Т. е. прошедшие специальную стирку с камнями для размягчения ткани.

«*Краудед хаус*» — австралийская рок-группа.

Лофт — переоборудованное под жилье заброшенное промышленное помещение.
(Прим. ред.)

«*Бостон селтикс*» — американский профессиональный баскетбольный клуб.

Хэнк Уильямс — американский автор-исполнитель, отец современного кантри. (Прим. ред.)

Пэтси Клайн — американская певица, одна из величайших исполнительниц музыки кантри. (Прим. ред.)

Двухгодичный колледж, готовящий специалистов средней квалификации для работы на территории местного сообщества.

Затяжной американский телесериал, рассказывающий о семье, живущей на ферме в штате Миннесота в 1870-х и 1880-х гг.

«Леман бразерс» — американский инвестиционный банк, ранее один из ведущих финансовых конгломератов мира. Обанкротился в 2008 г.

Безобидный полосатый уж.

Очень крепкое пиво в маленьких бутылках.

Фрида Кало де Ривера — мексиканская художница, известная в основном автопортретами.

Методологический принцип, получивший название от имени английского монаха-францисканца, философа-номиналиста Уильяма Оккама. Основной тезис: «Не следует множить сущее без необходимости».

Канкун — крупный курортный город в Мексике, полуостров Юкатан, штат Кинтана-Роо.